Б. Гонгало

МОИ УЧИТЕЛЯ И ДРУЗЬЯ. АЛЕКСЕЕВ, ЯКОВЛЕВ, ПЛЕТНЕВ…

СТАТУТ
МОСКВА 2025

УДК 34
ББК 67.1
Г65

Гонгало, Бронислав Мичиславович.
Г65 Мои учителя и друзья. Алексеев, Яковлев, Плетнев... / Б. Гонгало. — Москва : Статут, 2025. — 196 с.

ISBN 978-5-8354-2101-5 (в пер.)

В книгу включены рассказы (очерки, воспоминания...) об Учителях и друзьях. Все они известны в юридическом мире. Большинство относятся к Уральской школе цивилистики. Были и выдающиеся государственные деятели. Акцент сделан на то, как они учили – правоведению, уму-разуму и т.д.

УДК 34
ББК 67.1

ISBN 978-5-8354-2101-5

© Гонгало Б., 2025
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Гонгало. Вступление .....
Октябрь Алексеевич Красавчиков..... 12
Сергей Сергеевич Алексеев 34
Вениамин Федорович Яковлев..... 50
Тамара Ивановна Илларионова 75
Владимир Александрович Плетнев 80
Мария Яковлевна Кириллова..... 92
Галина Ивановна Петрищева 117
Емельян Дмитриевич Шешенин 124
Сергей Аркадьевич Степанов 126
Михаил Юрьевич Челышев 133
Д.И. Мейер и формирование учения
об обеспечении обязательств.....137
Александр Маркович Винавер 143
Г.Ф. Шершеневич в отечественной цивилистике 181

Вступление

Традиционно к слову «Учитель» относятся хорошо.

С благодарностью.

С уважением.

С совершеннейшим почтением.

С восторженностью...

Многие люди исходят из того, что все умения получены ими благодаря Господу Богу, учителям и удаче.

Учителей у человека множество, если он умеет учиться[1] (а учиться приходится, пока ты жив). Это и отец и мать, может, дедушка и бабушка, первая учительница и другие учителя в школе, преподаватели в техникуме (колледже) и (или) высшем учебном заведении... Есть еще и учителя «по жизни», т.е. люди, с которых «хочется делать жизнь» (по В.В. Маяковскому), или те, кто так или иначе повлиял на мировоззрение человека, его поведение и т.д.

Есть учителя, которые учат профессии, те, «кто нас выводит в мастера» (Н.Н. Добронравов) (хочется так думать). Книга, предлагаемая вниманию уважаемого Читателя, прежде всего о них. Естественно, речь пойдет о научных достижениях Учителей, их идеях, концепциях... О том, как они читали лекции, руководили аспирантами и т.д. и т.п. В ряде случаев сказано о том, какими они были в т.н. обыденной жизни.

Многое из того, что включено в эту книгу, ранее публиковалось по разным поводам в разных источниках с различными целями. Поэтому очерки (где-то рассказы, воспоминания) написаны неодинаково: нет единой методики подачи материала, различается стилистика, в некоторых случаях отчетливо видно стремление к объективности, к некой отстраненности, к тому, чтобы «держать дистанцию», в других — много личного... И конечно, ранее сказанное в настоящей книге переработано и дополнено.

---

[1] Изредка бывает, что тот или иной человек «не видит» учителя либо потому, что он слеп душой, либо не от большого ума не умеет ценить полученное им, либо считает себя гением, который никому ничего не должен. Таких, слава богу, немного.

* * *

Автор этих строк — Бронислав Гонгало — окончил Свердловский юридический институт имени Р.А. Руденко. С 1952 до 1962 г. институт носил имя А.Я. Вышинского, с 1981 до 1992 г. — имя Р.А. Руденко. С 1992 до 2014 г. это была Уральская государственная юридическая академия, с 2014 г. — Уральский государственный юридический университет. В 2022 г. университету присвоено имя Вениамина Федоровича Яковлева.

В 1981 г. Свердловский юридический институт имени Р.А. Руденко был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева — это известное высшее учебное заведение и признанный центр правовой науки.

Поскольку далее в основном будет говориться о людях, относящихся к уральской (свердловской, екатеринбургской) школе цивилистики, постольку следует кратко сказать о самой этой школе. А еще прежде о том, что понимается под школой права.

* * *

Обычно, когда говорят о **научной школе** (в данном случае о школе цивилистики), имеют в виду относительно небольшой **коллектив** исследователей, объединенных некими общими идеями, приверженностью определенным традициям, принципам. Очень часто этот коллектив объединяют определенные темы исследований. Всегда в рамках школы развиваются идеи, сформулированные ее основателем (основателями). И вместе с тем идет поиск нового. В связи с этим о правовой школе можно говорить и как об **общности** взглядов, **системе идей** и т.д.

Научная школа зарождается там, где появляется **лидер** (лидеры) — основатель (основатели) школы. У него появляются ученики, продолжающие его дело, формируются традиции, формулируются принципы и т.д.

В России школы права стали создаваться в университетах, прежде всего столичных. В XIX–XX вв. возникли школы в разных городах (в Казани, Киеве и т.д.), в разных учебных заведениях.

Было много специалистов в области гражданского права, благодаря которым сформировалась высокоразвитая цивилистическая наука.

После 1917 г., когда произошли кардинальные изменения во всех сферах, школы гражданского права не могли существовать как прежде.

Многие ученые вынуждены были эмигрировать (например, Л.И. Петражицкий уехал в Варшаву; туда же перебрался Е.В. Васьковский; В.И. Синайский оказался в Риге). Кто-то ушел из жизни (как И.А. Покровский). Многие цивилисты были отлучены от науки и преподавательской деятельности. Многие были репрессированы в 30-е годы XX века (как Е.Б. Пашуканис).

После 1917 г. (в советский период) все-таки продолжали научную деятельность многие дореволюционные цивилисты: В.И. Серебровский (Харьковский, Симферопольский, Московский университеты, различные учебные заведения и научные учреждения Москвы), И.С. Перетерский (Московский университет), Д.М. Генкин (Московский университет, другие заведения и научные учреждения Москвы); Е.А. Флейшиц (Петроградский (Ленинградский) и Московский университеты, другие учебные заведения и научные учреждения); И.Б. Новицкий (Московский университет, другие научные учреждения и учебные заведения) и др.

Среди научных школ советского периода, в частности, выделялась Ленинградская. К ней относятся А.В. Венедиктов, В.К. Райхер, С.И. Аскназий, Я.М. Магазинер, Б.Б. Черепахин, О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой, Н.Д. Егоров, А.А. Собчак, А.П. Сергеев, В.Ф. Попондопуло.

В Москве существовало несколько школ цивилистики. В Московском университете (МГУ) особо следует выделить И.С. Перетерского, В.И. Серебровского, М.М. Агаркова, С.М. Корнеева, В.П. Грибанова, Е.А. Суханова, А.Е. Шерстобитова, В.С. Ема.

Была сформирована школа цивилистики в теперь уже легендарном ВИЮН (Всесоюзном институте юридических наук, с 1963 г. — Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ). В 1988 г. переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт советского государственного строительства и законодательства. С 1991 г. — Институт законодательства и сравнительного правоведения, с 1993 г. — при Правительстве Российской Федерации). В разное время здесь работали С.Н. Братусь, Д.М. Генкин, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий, Е.А. Флейшиц. У Е.А. Флейшиц самыми известными учениками были теперь уже знаменитые В.А. Дозорцев, А.Л. Маковский, М.М. Богуславский, В.А. Туманов, П.И. Седугин.

В Казани сохранилась школа гражданского права. Особо следует отметить очень рано ушедшего совсем недавно М.Ю. Челышева, который, кроме прочего, весьма обстоятельно исследовал межотраслевые связи гражданского права.

В советское время появились и новые школы цивилистики. Так, Б.Б. Черепахин в 1917 г. окончил Казанский университет. Он работал в Томске,

Иркутске, Перми, Саратове. В 1939 г. Б.Б. Черепахин переезжает в Свердловск, где возглавляет кафедру гражданского права и процесса Свердловского юридического института. А.М. Винавер окончил Московский университет и впоследствии работал под руководством выдающихся цивилистов С.А. Муромцева и Г.Ф. Шершеневича. В 1944 г. Б.Б. Черепахин пригласил А.М. Винавера преподавать «романистическую дисциплину» в Свердловске. Именно благодаря этим ученым стала формироваться уральская школа цивилистики (иногда ее называют свердловской или екатеринбургской).

Под руководством Б.Б. Черепахина были подготовлены диссертации такими теперь широко известными учеными, как С.С. Алексеев, М.Я. Кириллова, О.А. Красавчиков, В.П. Шахматов, Е.Д. Шешенин. У этих и других учеников Б.Б. Черепахина появились свои ученики. Так, первым аспирантом О.А. Красавчикова стал В.Ф. Яковлев. П.В. Крашенинников — ученик М.Я. Кирилловой.

Наряду с общими чертами, присущими всем школам цивилистики, каждая из них имеет свои характерные особенности.

Школы отличаются увлеченностью определенной тематикой (например, историей развития науки гражданского права, вещными правами и т.д.), приверженностью определенным приемам (методам) исследования (например, методу сравнительного правоведения), степенью погружения в теоретические изыскания, вниманием к практике применения правовых норм и пр.

В качестве примера, характеризующего творчество представителей уральской школы цивилистики, можно привести сборник научных статей с красноречивым названием «Антология уральской цивилистики»[1].

Думается, включенные в этот сборник работы являются типичными для цивилистов **свердловской (уральской) школы**. Типичными по актуальности исследуемых проблем, глубине и тонкости анализа, продуманности аргументации, культуре полемики, новизне положений и выводов.

Эти произведения имеют ярко выраженную теоретическую направленность. Их авторы разрабатывали фундаментальные проблемы гражданско-правовой науки: о предмете гражданского права (С.С. Алексеев), методе гражданско-правового регулирования (С.С. Алексеев, В.Ф. Яковлев), науке гражданского права, юридических фактах (О.А. Красавчиков), правопреемстве (Б.Б. Черепахин), юридических лицах (В.С. Якушев), договорном праве (С.А. Хохлов), исковой давности (М.Я. Кириллова), правовом регулировании отношений по оказанию услуг (Е.Д. Шешенин) и т.д.

[1] Антология уральской цивилистики (1925–1989): сб. статей. М.: Статут, 2001. 431 с.

С другой стороны, работавшие в Свердловском юридическом институте цивилисты никогда не оставались в «заоблачных высотах». По-видимому, большое значение имело осознание того факта, что юридическая наука по сути своей представляет собой науку **прикладную**. Если то или иное положение, сформулированное доктриной, не имеет и не может иметь в конечном счете практического значения, то такое положение является не только ненужным, но и вредным для юридической науки. Причем о практике в данном случае говорится в широком смысле. Теоретическое исследование может быть значимо с точки зрения экономической, социально-политических позиций, исходя из соображений правоприменительной деятельности, с учетом необходимости совершенствования законодательства и т.д. и т.п. Нет ничего полезнее для практики, нежели хорошая теория.

В отличие от чистого искусства «чистая юриспруденция» не имеет права на существование.

Поэтому наряду с упомянутыми произведениями теоретического характера в указанный сборник включены труды, имеющие непосредственную практическую направленность либо представляющие собой органичный «сплав» теории и практики: об ответственности за невыполнение плана железнодорожных перевозок (С.С. Алексеев), о поставке (М.Я. Кириллова), о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности (О.А. Красавчиков), о регулировании внутрихозяйственных отношений (В.С. Якушев), технике договорной работы (С.А. Хохлов) и т.д.

Таким образом, есть все основания утверждать, что исследования цивилистов уральской школы гражданского права отмечены оптимальным сочетанием «высокой теории» и практики. Несомненно, сказывается то, что они являются представителями вузовской науки. Может быть, постоянное общение со студентами учит говорить просто о сложных, порой сложнейших «вещах», безупречной методологии, умению разъяснять и т.д.[1]

В рамках школы всегда в той или иной степени развиваются идеи, сформулированные основателем. Школа всегда характеризуется уважительным отношением, чрезвычайно уважительным отношением

[1] О науке гражданского права и уральской школе цивилистики см., например: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. С. 69–87; Уральская школа: прошлое, настоящее, будущее: кафедре гражданского права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева — 75 лет / вступ. слово, общ. ред. Б.М. Гонгало; (авт.-сост. Б.М. Гонгало, Д.В. Братусь); каф. гражд. права. М.: Статут, 2024. 407 с.

к тому, что сделали предшественники. Вместе с тем идет поиск нового: иначе не будет развития, а будет повторение пройденного. В этой связи о научной правовой школе можно говорить как об общности взглядов, системе идей и т.д.[1]

Бывает, что некий ученый, принадлежащий к определенной научной школе, обнаруживает явные или мнимые ошибки или отдельные огрехи основателя школы либо его выдающихся последователей, которые творили до того, как начал творить данный исследователь. Обычно на таких ошибках (огрехах) внимание не акцентируется. По-видимому, это есть проявление уважения к учителям и понимание того, что без них не состоялось бы и открытие их «заблуждений». Речь, разумеется, идет не о глобальных (концептуальных) ошибках, потому как при их обнаружении становится очевидной несостоятельность «школы». Если же речь идет о некоторых недочетах, о том, что какие-то новые отношения (идеи, взгляды...) не вписываются в сегодняшний день, то их как бы не замечают или по крайней мере не оспаривают.

Конечно, ученые одной школы могут придерживаться разных взглядов, идей, разрабатывать различные концепции и т.п. Но никогда в рамках одной школы один ее представитель не будет «громить» («низвергать») другого. И речь не только о вежливости, интеллигентности. Этого нет и не может быть в силу общности исходных начал, благодаря которым существует школа. Если вдруг случается, что в рамках одной школы восходящая или уже взошедшая «звезда» доказывает абсурдность (совершеннейшую несостоятельность) концептуальных положений, признаваемых этой школой, то это означает, что либо такой ученый уходит в «автономное плавание», либо он переходит в «стан» школы, в которой придерживаются противоположных (именно так: не других, а противоположных) идей (концепций), либо это свидетельствует о крахе (разрушении) школы, уже состоявшемся или предстоящем.

* * *

В данном случае изложенные о понятии цивилистических школ рассуждения и слова об одной из них (уральской) могут показаться излишними в собрании очерков, рассказов о тех людях, у которых

[1] Об этом см., например: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. С. 85–87; Уральская школа цивилистики: прошлое, настоящее, будущее: кафедре гражданского права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева — 75 лет / вступ. слово, общ. ред. Б.М. Гонгало; (авт.-сост. Б.М. Гонгало, Д.В. Братусь); каф. гражд. права.

посчастливилось учиться, с кем повезло работать, общаться в неформальной обстановке и даже с кем-то дружить... Тем не менее, как представляется, такие рассуждения вполне уместны. Дело в том, что принадлежность человека к определенной школе характеризует его и как человека, и как ученого, и как учителя. Сказывается влияние основателя правовой школы, лидера, пришедшего ему на смену, принятых в той или иной школе научных пристрастий и простых обыкновений и т.д.

Сама по себе **Школа — Учитель!**

* * *

Как следует из ранее сказанного, у истоков цивилистики на Урале стояли Б.Б. Черепахин и А.М. Винавер.

Борис Борисович Черепахин «поступил в Московский университет, а затем переехал в Казань и поступил в знаменитый своими профессорами и выпускниками юридический факультет Казанского Императорского университета — достаточно назвать такие имена, как Д.И. Мейер, Г.Ф. Шершеневич, Е.В. Васьковский»[1].

Александр Маркович Винавер окончил юридический факультет Московского университета в 1907 г. Как отмечено в очерке о А.М. Винавере, помещенном в настоящей книге, ему повезло с учителями. Он работал и тесно общался с выдающимися учеными С.М. Муромцевым, Г.Ф. Шершеневичем, В.М. Хвостовым, П.Г. Виноградовым и др.

Как здесь не вспомнить о кумулятивном характере развития науки!

Через С.С. Алексеева, О.А. Красавчикова, В.С. Якушева и других людей, учившихся у Б.Б. Черепахина и А.М. Винавера, идеи, ими сформулированные (и не только идеи), живут и сегодня. Благодаря основателям Свердловской школы цивилистики, на Урале получили распространение и идеи, формулировавшиеся корифеями русской гражданско-правовой науки.

Воистину стоим на плечах гигантов.

Поэтому показалось возможным включить в книгу очерк о А.М. Винавере. Поэтому здесь и рассуждения о том, как творчество Д.И. Мейера сказалось на формировании любезного сердцу моему учения об обеспечении обязательств, а также как сказались на развитии отечественной цивилистики творения Г.Ф. Шершеневича. Как «вся русская литература

[1] *Крашенинников П.В.* Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. М.: Статут, 2019. С. 176–177.

вышла из гоголевской “Шинели”»[1], так и отечественная цивилистика вышла из трудов (в самом широком смысле этого слова) Д.И. Мейера[2] и Г.Ф. Шершеневича[3].

* * *

Надеюсь, что предлагаемая вниманию уважаемого Читателя книга будет хотя бы в какой-то мере интересна тем, кто интересуется «цивилистикой в лицах» и гражданско-правовой наукой вообще.

---

[1] Фраза обычно приписывается Ф.М. Достоевскому. На самом деле разными словами несколько раз повторенная мысль французского критика Эжена Вогюэ.

[2] Знаменитая серия книг «Классика российской цивилистики» в теперь уже далеком 1997 г. началась с беспрецедентного научного исследования — курса лекций «Русское гражданское право». (На сегодня в этой серии издано порядка 70 (!) книг.) Во вступительном слове Д.И. Мейер правильно назван «родоначальником российской цивилистики, русского гражданского права» (*Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. По испр. и доп. 8-му изд. 1902 г. М., 1997. С. 4). Красноречиво назвал вступительное слово к тому 1 «Д.И. Мейер. Избранные труды» П.В. Крашенинников: «Дмитрий Иванович Мейер — отец русского гражданского права». См.: *Мейер Д.И.* Избранные труды. В 2 т. Т. 1 / вступ. слово П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2019. С. 5–17.

[3] О значении творчества см. публикуемый в этой книге очерк о нем: «Шершеневич в отечественной цивилистике».

ОКТЯБРЬ АЛЕКСЕЕВИЧ КРАСАВЧИКОВ

Октябрь Алексеевич Красавчиков родился 9 октября 1923 г. в г. Харькове. И «конечно же, имя получил в честь Великого Октября 1917 года, события, которое впоследствии назвали Великой Октябрьской социалистической революцией, сломавшей прежние порядки и изменившей ход истории в нашей стране»[1]. Не только в нашей стране. Кстати, своему очерку об О.А. Красавчикове П.В. Крашенинников дал великолепное и очень точное название — «Великий Октябрь».

Октябрь Алексеевич Красавчиков был выдающимся цивилистом, блестящим организатором, очень-очень сильным человеком, очень ярким, обладающим способностями мыслить и действовать неординарно...

Прожил Октябрь Алексеевич всего шестьдесят один год (09.10.1923 — 10.10.1984). Но как бы банально это ни звучало, память о нем жива (об этом чуть далее). Пока же о самом Октябре Алексеевиче, о его жизни. И тут, думается, уместно «предоставить слово» самому Октябрю Алексеевичу. Впрочем, это был человек, который, если считал нужным, сам «брал слово». Итак, в 1960 г. Октябрь Алексеевич пишет в автобиографии следующее:

«Я, Красавчиков Октябрь Алексеевич, родился 9 октября 1923 г. в г. Харькове в семье военнослужащего.

В 1941 г. в г. Свердловске (ныне Екатеринбург. — *Б.Г.*) окончил полную среднюю школу и поступил в Черноморское высшее военно-морское училище в г. Севастополе, с чего началась моя служба в частях и на кораблях первоначально Черноморского, а затем Северного флотов (ВМФ).

После окончания войны в 1946 г. был демобилизован в запас ВМФ, возвратился в г. Свердловск, в котором в 1947 г. окончил ВЮЗИ (Всесоюзный юридический заочный институт. Ныне Московский государственный университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — *Б.Г.*)

---

[1] *Крашенинников П.В.* Великий Октябрь // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2023. С. 23.

(Свердловский филиал). В этом же 1947 г. поступил в аспирантуру Свердловского юридического института (далее — также СЮИ. — *Б.Г.*) по специальности “гражданское право”, которую окончил в октябре 1950 г., и в феврале 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему “Теория юридических фактов в советском гражданском праве”. (Научным руководителем был выдающийся цивилист Борис Борисович Черепахин. — *Б.Г.*[1])

В сентябре 1951 г. был командирован в Китайскую Народную Республику, из которой возвратился в августе 1953 г. на работу в Свердловский юридический институт.

С января 1954 по февраль 1955 г. допущен МВО СССР (Министерство высшего образования СССР. — *Б.Г.*) к исполнению обязанностей заведующего кафедрой гражданского права СЮИ. В феврале 1955 г. избран по конкурсу на должность заведующего кафедрой гражданского права Свердловского юридического института им. А.Я. Вышинского, которую занимаю по настоящее время.

В комсомоле состоял с 1938 г. по 1944 г. / до момента вступления в кандидаты КПСС / (Коммунистическая партия Советского Союза. — *Б.Г.*). Член КПСС с ноября 1945 г.

Моя семья состоит...

Имею четыре правительственные награды, в том числе одна от Правительства КНР.

Мой домашний адрес: г. Свердловск...

1 марта 1960 г. Подпись».

Кратко. Четко. Сдержанно. Как положено.

Точно так же, теми же словами Октябрь Алексеевич излагал автобиографию до того и впоследствии. Встречаются незначительные различия. Так, в автобиографии, написанной им в октябре 1947 г., указано, что отец Красавчиков Алексей Федорович, 1894 года рождения, до революции — рабочий, в настоящее время — полковник в отставке; мать — Красавчикова Ефросинья Степановна, 1903 года рождения, до революции училась в гимназии... В автобиографии, составленной им 31 января 1954 г., упоминается, что он «с февраля 1948 г. начал

[1] О Б.Б. Черепахине (за глаза его коллеги и ученики уважительно (!) называли «ББЧ» или же тихо-тихо «Дворянин») написано много. См., напр.: *Алексеев С.С., Красавчиков О.А.* Борис Борисович Черепахин (персоналия) // Правоведение. 1980. № 5. С. 59–63; *Алексеев С.С.* Борис Борисович Черепахин // Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001 (Классика российской цивилистики). С. 5–12; *Крашенинников П.В.* Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. С. 175–188.

преподавательскую деятельность в Институте» (т.е. в период обучения в аспирантуре. — *Б.Г.*).

Заполняя 9 сентября 1947 г. личный листок по учету кадров, Октябрь Алексеевич, кроме указанных сведений, говорит, что «отец — из крестьян, мать — из служащих». Отмечено, что на момент составления документа Октябрь Алексеевич учился на философском факультете вечернего Университета марксизма-ленинизма (об этом упоминается и в автобиографии 1947 г.). О знании иностранных языков сказано, что «немецкий со словарем». В таком же документе, составленном им 31 января 1951 г., указано на хорошее знание немецкого языка и слабое — французского. В 1960 г. в личном листке... сказано, что читает «со словарем на немецком, французском, чешском, польском, сербскохорватском... языках».

Любопытно заглянуть в трудовую книжку О.А. Красавчикова. В разделе «Сведения о работе» всего девять записей: первая датирована 1 сентября 1948 г. — назначен преподавателем; последняя от 12 октября 1984 г. — «уволен в связи со смертью». А в разделе «Сведения о поощрениях и награждениях» сорок восемь пунктов... И это не считая государственных наград. В том числе ордена, многочисленные медали, звание заслуженного деятеля науки...

Доктором юридических наук Октябрь Алексеевич стал в 1963 г. (защита — в 1962 г.). Тема диссертации — «Советская наука гражданского права: понятие, предмет, состав и система»; в этом же (1963) году он стал профессором. В 1976 г. О.А. Красавчикову присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР.

Октябрь Алексеевич заведовал кафедрой гражданского права Свердловского юридического института до последних дней, т.е. больше тридцати лет.

При жизни ученого из-под его пера вышло 238 работ[1].

Награжден орденом Красной Звезды (1945 г.), медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945 г.), «За оборону Советского Заполярья» (1945 г.), «Китайско-советская дружба» (1959 г.). Последней медалью награжден Правительством КНР за работу в КНР в 1951–1953 гг. В личном листке по учету кадров 26 февраля 1980 г. на вопрос о правительственных наградах указал: «Орден Красной Звезды и восемь медалей».

Умер Октябрь Алексеевич Красавчиков 10 октября 1984 г. в г. Свердловске. Похоронен на Широкореченском кладбище г. Екатеринбурга.

[1] См.: *Крашенинников П.В.* Великий Октябрь. С. 33.

* * *

Бронислав Гонгало — благодарный ученик Октября Алексеевича Красавчикова. Беспредельно благодарный.

Так случилось, что когда в 1977 г. я стал студентом Свердловского юридического института, то имел некоторое представление о гражданском праве. Примитивные знания, но имел. И мнение о нем было невысоким.

И вот на втором курсе (в 1978 г.) начались лекции по гражданскому праву. Лектор — Октябрь Алексеевич Красавчиков.

Очень скоро я стал считать, что в системе отечественного права нет ничего более интересного и значимого для человека, нежели право гражданское, а в юридической науке нет ничего более высокого, нежели цивилистика.

Повезло с Учителями. После Октября Алексеевича лекции читал Вениамин Федорович Яковлев, практические занятия по гражданскому праву вел Владимир Александрович Плетнев, научным руководителем при выполнении кандидатской диссертации был О.А. Красавчиков...

Лекции Октябрь Алексеевич читал серьезно; наверное, можно сказать, что это была классическая манера подачи материала. Очень четкий план, системное изложение — с использованием теоретического подхода, юридической терминологии и других «специальных средств», но вполне понятное людям, которые только-только стали знакомиться с гражданским правом (у меня сохранились записи его лекций). Например, первая лекция, посвященная характеристике гражданского права как отрасли советского права, содержит сведения о понятии гражданского права, предмете правового регулирования, в частности о понятии, субъектах отношений, входящих в предмет гражданского права, имущественных отношениях (в том числе отношениях статики и отношениях динамики (оборота), неимущественных отношениях (личных неимущественных отношениях, творческих и организационных отношениях). Кстати, при рассмотрении творческих отношений (сегодня мы их называем связями по поводу результатов интеллектуальной деятельности, по поводу интеллектуальной собственности) в ходе лекций было отмечено, что такого термина, как творческие отношения, еще нигде нет. Так их назвал Октябрь Алексеевич. В его лекциях о методе гражданско-правового регулирования дается понятие метода, говорится о единстве предмета и метода, делается акцент на освещении черт метода: равенства, инициативности, диспозитивности, имущественной ответственности... (именно в такой последовательности).

Выделяется и такая черта: «гражданско-правовая ответственность строится на началах вины». И здесь приводится знаменитое, почти афористическое высказывание О.А. Красавчикова: «Нет вины — нет ответственности» (оно обосновано О.А. Красавчиковым в § 1 гл. III его работы «Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности» (М.: Юрид. лит., 1966), а почти афористическим его справедливо назвал О.С. Иоффе). Далее в ходе лекции Октябрь Алексеевич показал различие мер защиты и мер ответственности.

Как отмечалось, лекции О.А. Красавчикова были основательными, строгими (аудитория замирала), но доступными по форме. И никаких вольностей, приемов, которые используются для того, чтобы понравиться аудитории. Вместе с тем в ходе лекции «к месту» могло быть упомянуто какое-то художественное произведение. Например, рассказывая о юридических лицах, Октябрь Алексеевич вспомнил бессмертные слова Остапа Бендера, обращенные к Корейко: «Я пришел к вам как юридическое лицо к юридическому лицу» (*И. Ильф, Е. Петров.* Золотой теленок).

Иногда, говоря о серьезных «вещах», Октябрь Алексеевич мог подать важную информацию несколько шутливо, использовать пословицы, поговорки и т.п. Так, охарактеризовав разные теории юридических лиц (теории «государства», «коллектива», «директора» и др.), назвав их создателей и показав «плюсы» и «минусы» каждой из них, О.А. Красавчиков сообщил, что он решил придумать свою теорию, и перешел к освещению разработанной им теории организации (социальных связей). Рассказывая о форме сделок, Октябрь Алексеевич отметил, что известная пословица «Молчание — знак согласия» в гражданском праве не работает, поскольку молчание признается выражением воли совершить сделку только в случаях, предусмотренных законодательством, т.е. в виде исключения (так было по ГК РСФСР, ст. 42); ныне закон и соглашение сторон могут предусматривать, что молчание признается выражением воли совершить сделку (п. 3 ст. 158 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Замечательные были лекции!

* * *

О.А. Красавчикова нет с нами уже более сорока лет. Но значительное число его трудов по-прежнему остается в научном обороте. Более того, как представляется, уже не одно десятилетие они не только не стали менее востребованными, но и, напротив, привлекают внимание

все большего числа исследователей. И это при том, что коренным образом изменились экономические отношения, социально-политическая обстановка, гражданское законодательство...

Иной стала и гражданско-правовая наука. *Во-первых*, она освободилась от *необходимых* в советский период «наслоений» идеологического характера. Ушло в прошлое и требовавшееся в то время противопоставление советского гражданского права (и науки гражданского права) буржуазному частному праву (и буржуазной доктрине частного права). Гражданское право России воспринимается как часть мировой правовой системы со всеми вытекающими отсюда последствиями, начиная с осознания генетической связи отечественного гражданского права с частным правом других государств и заканчивая восприятием того положительного, что используется различными государствами при регулировании частных отношений. (К сожалению, нередко заимствуется не только положительное.)

Во-вторых, мы «вдруг» вспомнили о том, что до 1917 г. в России было немало выдающихся цивилистов. Но в результате внимательного изучения трудов ученых, творивших до 1917 г., обнаруживается (опять-таки «вдруг»), что наука советского гражданского права, несмотря на все «заклинания», явилась продолжением русской цивилистической традиции. Думается, в том числе и поэтому после краткого периода, отмеченного снисходительным (а порой и пренебрежительным) отношением к цивилистическим произведениям советского времени, к ним вновь пробудился интерес.

Даже на этом фоне отношение к работам О.А. Красавчикова *на первый взгляд* вызывает удивление. Так, несмотря на все изменения, редко в какой диссертации (неважно, кандидатской или докторской) нет упоминания о высказанных им идеях, положениях, развивающих его взгляды, о полемике по поводу сформулированных им теорий и т.д. Работы Октября Алексеевича очень активно используются и при выполнении иных исследований.

На самом деле такое внимание к творческому наследию профессора Красавчикова *закономерно*. Тому есть множество оснований, к рассмотрению которых следует обратиться.

* * *

Обозревая всю совокупность произведений О.А. Красавчикова, нельзя не видеть того, что в них характеризуется *вся система* гражданского права. Поражает тот факт, что О.А. Красавчикову удалось

исследовать столь широкий круг проблем. В его работах обстоятельно анализируется **предмет** гражданского права[1], рассматривается **метод** гражданско-правового регулирования (в частности, Октябрь Алексеевич «воспел» **диспозитивность** как черту метода[2]), вскрывается анатомия **науки** гражданского права — ее сущность, границы и стороны предмета ее познавательной деятельности, ее состав и система[3], определяются **правосубъектность**[4], **правоотношение**[5], **юридические факты**[6], характеризуются **субъекты** гражданского права[7], анализируются **обязательства** и основания их возникновения[8], рассматривается **ответственность** по гражданскому праву[9], обосновывается существование **творческой подотрасли** в системе гражданского права[10] и т.д. и т.п.

Кроме того, О.А. Красавчиков возглавлял подготовку 23 коллективных монографий. Под его редакцией был подготовлен учебник «Советское гражданское право», выдержавший три издания (М., 1968–1969; 1972–1973; 1985). Здесь Октябрь Алексеевич писал о понятии гражданского права и его источниках, гражданском правоотношении, юридических лицах, государстве как субъекте гражданских правоотношений,

---

[1] См. прежде всего: *Красавчиков О.А.* Организационные гражданско-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50–57; *Его же.* Структура предмета гражданско-правового регулирования социалистических общественных отношений // Теоретические проблемы гражданского права: сб. ученых трудов Сверд. юрид. ин-та. Вып. 13. Свердловск, 1970. С. 5–21.

[2] См.: *Красавчиков О.А.* Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. 1970. № 1. С. 41–49.

[3] См.: *Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система). Свердловск, 1961.

[4] См.: *Красавчиков О.А.* Правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы правосубъектности. Свердловск, 1978. С. 5–26.

[5] См.: *Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение — юридическая форма общественного отношения // Гражданское правоотношение и его структурные особенности: сб. ученых трудов. Вып. 39. Свердловск: СЮИ, 1975.

[6] См.: *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958.

[7] В первую очередь см.: *Красавчиков О.А.* Сущность юридического лица // Советское государство и право. 1976. № 1; *Его же.* Юридическое лицо — организация — система общественных отношений // СССР — Австрия: проблемы гражданского и семейного права. М., 1983. С. 38–46.

[8] См., например: *Красавчиков О.А.* Гражданско-правовой договор: понятие, содержание и функции // Гражданско-правовой договор и его функции. Свердловск, 1980. С. 3–20.

[9] См.: *Красавчиков О.А.* Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 1966.

[10] См. в первую очередь: *Красавчиков О.А.* Творчество и гражданское право (понятие, предмет и состав подотрасли) // Правоведение. 1984. № 4.

об объектах гражданских прав, о личных неимущественных правах, сделках, представительстве и доверенности, понятии, об основных видах и основаниях возникновения обязательств, об общих положениях о гражданско-правовом договоре, о субъектах обязательств, об исполнении обязательств, о гражданско-правовой ответственности, договоре хранения, об обязательствах по возмещению вреда, об обязательствах, возникающих из неосновательного приобретения или сбережения имущества, о творческой деятельности и гражданском праве, о праве на изобретение, о конкурсном праве. В учебном пособии «Хозяйственное право», ответственными редакторами которого стали В.П. Грибанов и О.А. Красавчиков (М.: Юрид. лит., 1977), Октябрь Алексеевич писал о предмете и системе курса хозяйственного права, а также о правовом регулировании управления качеством продукции и стандартизации.

При создании, казалось бы, «чисто» учебной литературы О.А. Красавчиков нередко формулировал положения, имеющие существенное значение для развития цивилистической науки. Так, в названном учебном пособии Октябрь Алексеевич в результате анализа развития хозяйственного законодательства, проблем хозяйственного законодательства в юридической науке и хозяйственных отношений пришел к следующему выводу: *хозяйственное право* представляет собой определенную совокупность норм и институтов различных отраслей советского социалистического права, которые функционально взаимодействуют в регулировании хозяйственной деятельности[1].

В учебнике по гражданскому праву (1985 г.) О.А. Красавчиков говорит о конституционной свободе научного, технического и художественного творчества, определяет предпосылки, условия и материальную базу, необходимые для осуществления творческого труда, и сам творческий труд, выявляет компоненты творческого процесса, рассматривает основные формы организации творческого труда, дает понятие творческой подотрасли в гражданском праве и указывает ее институционный состав, называет основные виды творческих правоотношений, выделяет объекты творческих правоотношений и т.д.

[1] См.: Хозяйственное право. М.: Юрид. лит., 1977. С. 32. Здесь уместно вспомнить, что О.А. Красавчиков был одним из наиболее последовательных противников так называемой хозяйственно-правовой концепции. Развенчиванию ее «положений» посвящены многие его работы. См., напр.: *Иоффе О.С., Красавчиков О.А.* О критике науки и научности критики // Правовая наука Казахстана. Алма-Ата, 1978. С. 119–131. Эта статья включена в изданный в серии «Классика российской цивилистики» сборник избранных трудов по гражданскому праву О.С. Иоффе (М.: Статут, 2000. С. 742–758).

О.А. Красавчиков разрабатывал также проблемы гражданско-правовой охраны интересов личности, договорной дисциплины, договора имущественного найма, жилищного права и т.д. и т.п.

* * *

Конечно же, не только и не столько всеохватывающий характер творчества О.А. Красавчикова предопределяет неугасающий интерес к его произведениям. Как представляется, ценность его работ в первую очередь обусловлена основательностью подхода к решению той или иной проблемы. Причем ему удивительным образом удавалось сочетать основательность с достаточно лаконичной формой подачи материала. Может быть, именно поэтому Октябрь Алексеевич формулировал идеи выпукло, объемно, зримо. Ничего лишнего и все необходимое.

Видимо, его работы притягивают еще и тем, что они есть воплощение **дисциплины мышления**.

В силу влияния множества факторов на «все и вся» и благородного желания учесть всю их совокупность нередко в юридической литературе при рассмотрении *конкретного* правового вопроса попутно (вскользь) «решается» масса иных проблем. В результате основной вопрос теряется среди обилия «рассмотренных» (чаще всего просто упоминаемых) вопросов.

О.А. Красавчиков умел, избрав предмет исследования, сосредоточиться на анализе именно этого предмета и учесть все *существенное*, игнорируя второстепенное.

Поэтому его рассуждения представляют собой логическую цепь. Нет шараханий из стороны в сторону. Есть **восхождение к знанию**.

Работы О.А. Красавчикова «строились» не на пустом месте. Анализируя ту или иную проблему, Октябрь Алексеевич внимательно рассматривал ранее высказанные на этот счет мнения. Причем ему удавалось *обобщить* разного рода высказывания.

Существует множество теорий, снабженных массой аргументов, облеченных в различную словесную форму, сформулированных представителями разных цивилистических школ, изложенных предельно абстрактно или, напротив, «приземленно»... Знакомясь со всем этим многообразием, вполне можно впасть в отчаяние. Или, отбросив все «за ненадобностью», конструировать собственную теорию.

О.А. Красавчиков, прежде чем высказывать свои собственные суждения, обстоятельно анализировал то, что было сделано до него, *суммировал существенное*, отбрасывал факультативное (не снабженное

доказательствами, сказанное ради «красного словца», не имеющее непосредственного отношения к рассматриваемому вопросу, и т.п.)... и в результате обнажалась *суть* проблемы.

Так, анализируя предмет гражданского права, Октябрь Алексеевич все многообразие имеющихся на этот счет высказываний подразделял на *три* основные концепции («юридическую», «волевую» и «экономическую»), ограничивался «констатацией лишь наиболее существенных моментов, выражающих существо основных трех концепций с тем, чтобы была возможность высказать и некоторые свои соображения по обсуждаемому вопросу»[1].

При исследовании правоотношения Октябрь Алексеевич решил прежде всего «окинуть взглядом страницы многочисленных изданий, вышедших в свет за последние 25–30 лет»[2], а затем выделил *две* (всего две!) концепции гражданско-правового отношения.

Произведения О.А. Красавчикова не есть сосредоточение им самим сформулированных истин. Его идеи базируются на мощном фундаменте. А мощный он потому, что Октябрь Алексеевич в результате «просеиваний» и обобщений видел наиболее подходящие компоненты этого фундамента и без сожалений избавлялся от ненужного (а то и разрушительного, вредного или второстепенного, утратившего значение вследствие изменения условий — экономических, социальных, политических...).

Чрезвычайно привлекательны *оригинальные* позиции О.А. Красавчикова по многим и многим рассматриваемым им проблемам. В качестве иллюстрации можно отметить следующее.

Об *организационных* отношениях, которые подвергаются правовой регламентации, говорили многие ученые. Но только профессор Красавчиков обратил внимание на то обстоятельство, что многие такие отношения входят в предмет гражданско-правового регулирования, и аргументировал свою позицию.

Любопытно наблюдать за тем, как наша гражданско-правовая наука реагировала на указанную *революционную* концепцию профессора Красавчикова.

С одной стороны, большинством цивилистов она не принималась. К сожалению, при этом Октябрь Алексеевич нередко оказывался

---

[1] *Красавчиков О.А.* Структура предмета гражданско-правового регулирования социалистических общественных отношений. С. 9–12.

[2] *Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение — юридическая форма общественного отношения.

«не услышанным». Так, О.С. Иоффе, отвергая указанную концепцию, полагал, что ошибка О.А. Красавчикова состоит в том, что «организованность, составляющую неотъемлемое свойство общественных явлений, он, ссылаясь на конкретные способы правовой организации отдельных имущественных отношений, отсекает от последних и объявляет особым гражданско-правовым общественным отношением»[1]. Между тем Октябрь Алексеевич говорил именно об отношениях, а не об организованности как свойстве общественных явлений. Организованность обозначалась им в качестве непосредственной цели организационных отношений.

С другой стороны, указанная концепция получила развитие в трудах его коллег[2].

Еще более любопытно отношение к этой концепции в постсоветское время. Нередко она воспринимается как данность, само собой разумеющаяся[3], или поддерживается[4]; бывает, что и при характеристике предмета гражданского права о ней либо умалчивается, либо она подается с теми или иными оговорками. Так, Е.А. Суханов в соответствующем случае не упоминает об организационных отношениях, но отмечает следующее: «Членские (корпоративные) отношения складываются и в некоторых некоммерческих организациях... Здесь они в большей мере носят *организационный характер*»[5] (выделено мной. — *Б.Г.*). При классификации договоров Е.А. Суханов выделяет организационные и имущественные договоры. Первые «направлены не на товарообмен, а на его организацию, т.е. установление взаимосвязей участников будущего товарообмена»[6]. В качестве основных типов организационных договоров предлагается рассматривать предварительные, генеральные

---

[1] *Иоффе О.С.* Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I). Л., 1975. С. 96.

[2] См., например: *Илларионова Т.И.* Гражданско-правовые организационные отношения и способы их защиты // Гражданское право, экономика и стандартизация: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 64. Свердловск, 1978. С. 28–37; *Васева Н.В.* Имущественные и организационные гражданско-правовые договоры // Гражданско-правовой договор и его функции: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1980. С. 53–69.

[3] См., например: *Захаров В.А.* Создание юридических лиц. М., 2002; *Кирсанов К.А.* Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: монография. Киров: Аверс, 2014.

[4] См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Е.Е. Богдановой. М.: Проспект, 2020. С. 10–13 (автор главы — В.А. Микрюков).

[5] Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. I. М.: БЕК, 1998. С. 30.

[6] Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. II. Полутом 1. М.: БЕК, 1999. С. 158.

и многосторонние договоры[1]. По мнению Н.Д. Егорова, «так называемые организационные отношения составляют одну из разновидностей имущественных отношений и охватываются общим понятием "имущественно-стоимостные отношения"»[2]. В.В. Ровный указывает: «В современном гражданском законодательстве оказался заметно увеличенным массив организационно-правовых предписаний, что вполне можно считать подтверждением правоты концепции, наделяющей их самостоятельным статусом»[3]. (Это высказывание сделано при рассмотрении концепции О.А. Красавчикова об организационных отношениях.)

О.А. Красавчиков разработал *концепцию юридического лица*, именуемую в литературе «теория организации» или «теория системы социальных связей». По его мнению, «организация представляет собой определенное социальное образование, т.е. систему социальных взаимосвязей, посредством которых люди (или их группы) объединяются для достижения поставленных целей в единое целое, структурно и функционально дифференцированное». Юридическим лицом является организация, обладающая определенными признаками[4].

О.А. Красавчиков выделил *материальные* и *правовые* признаки юридического лица. К первым отнесены внутреннее организационное единство и внешняя автономия (самостоятельность), экономическое единство и обособленность имущества, руководящее единство, функциональное единство. В качестве правовых признаков юридического лица названы законность образования, способность организации от своего имени участвовать в гражданских правоотношениях, способность нести самостоятельную имущественную ответственность, наличие устава (положения).

Как представляется, в нашем обществе нередко торжествует «правовой фетишизм» (не только в среде юристов). Рассматривая то или

---

[1] См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. II. Полутом 1. С. 158–160. О.А. Красавчиков проводил подразделение договоров на имущественные и организационные «по содержанию той правовой связи, которая возникает на основе соответствующего соглашения сторон» (см.: Советское гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. М., 1985. С. 445–446).

[2] Гражданское право: учебник: в 3 т. / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. 6-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Проспект, 2003. С. 11.

[3] *Ровный В.В.* Проблемы единства российского частного права. Иркутск, 1999. С. 38. Правда, на следующей (39-й) странице этой же работы В.В. Ровный замечает, что «наша позиция по вопросу об организационных отношениях в предмете гражданского права... полностью совпадает с той, которая была в свое время обоснована О.С. Иоффе».

[4] См.: *Красавчиков О.А.* Юридическое лицо — организация — система общественных отношений. С. 42.

иное явление, мы зачастую зацикливаемся на анализе только правовой материи (норм, правоотношений, прав, обязанностей и т.д.)[1]. А экономическая составляющая, которая, кстати, первична, остается без внимания. Понятно, что юрист не может детализированно исследовать экономические отношения, подвергаемые правовой регламентации. Но и игнорировать их недопустимо. Думается, О.А. Красавчиков находил оптимальное сочетание правовых и экономических, организационных и других «моментов». Так, характеризуя юридическое лицо, Октябрь Алексеевич, с одной стороны, «обнажает» его сущность, отмечает, что указанный субъект есть продукт социально-исторического развития общества, называет материальные (экономические и организационные) свойства юридического лица. А с другой стороны, при характеристике данного субъекта он использует не только легальное определение юридического лица, но и весь содержащийся в нормах права «арсенал» признаков юридического лица.

Весьма оригинальны рассуждения О.А. Красавчикова о *гражданско-правовых формах*. Он выделил общие черты этих правовых форм. Во-первых, каждая из них обладает связью с нормами права, которая характеризуется тем, что «вне закона» (помимо его) те или другие явления социальной действительности не могут самостоятельно приобрести юридическую форму. Во-вторых, каждая правовая форма представляет собой в конечном счете юридическую меру, границу поведения людей. В-третьих, каждая правовая форма по сути своей имеет два юридических диапазона: границы юридически возможного или юридически необходимого.

О.А. Красавчиков указывал, что возникновение правовых форм, равно как и последующая динамика, имеет свои социальные (политические, экономические и иные аналогичные) основы. Но они не создают правовых форм сами по себе. Последние возникают, изменяются и отмирают в результате действия юридического закона[2].

Немало оригинальных идей высказано О.А. Красавчиковым при характеристике гражданского оборота, мер защиты и мер ответственнос-

---

[1] Это лишь одно из проявлений «правового фетишизма». К сожалению, далеко не единственное. Так, чрезвычайно широко распространена ситуация, когда, столкнувшись с какой-либо проблемой, признается достаточным для ее решения принятие нового закона.

[2] См.: *Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение как юридическая форма общественного отношения. С. 18 и сл.; *Его же.* Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 62. Свердловск, 1978. С. 5–26.

ти, при обосновании существования творческой подотрасли, в ходе анализа обязательственных отношений и т.д.

* * *

Любопытным было отношение Октября Алексеевича к жилищному праву. Он не увлекался жилищным правом. Однако в то время, когда он заведовал кафедрой, членами кафедры были защищены кандидатские диссертации, посвященные рассмотрению оснований возникновения и изменения жилищных правоотношений (Г.И. Петрищева), правообразующих юридических фактов в жилищном праве (Н.П. Воронина), оснований изменения жилищных правоотношений (Б.М. Гонгало), правопрекращающих юридических фактов в жилищном праве (В.В. Чубаров). Позже появились диссертации членов кафедры о жилищно-строительных кооперативах (П.В. Крашенинников), социальном найме (О.Г. Алексеева), об основаниях возникновения жилищных правоотношений социального найма жилых помещений (М.В. Бандо), правоотношений найма служебного жилого помещения (Н.Ю. Папушина).

Когда в 1981 г. были приняты Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, то в Свердловске (теперь — Екатеринбург) под руководством О.А. Красавчикова был подготовлен замечательный сборник научных статей, в котором характеризовался этот закон (кстати, первый такой сборник в СССР). А О.А. Красавчиков, который, как указывалось, не «благоволил» жилищному праву, не только выступил ответственным редактором этого сборника, но и написал предисловие, фактически представляющее собой статью, посвященную рассмотрению системы **оснований**, совокупность которых поставила перед гражданско-правовой наукой новые задачи, потребовала творческого переосмысления достижений прошлого, заставила по-иному взглянуть на ряд теоретически обжитых понятий и представлений о жилищном законодательстве, его задачах и функциях, предмете, принципах и содержании правового регулирования жилищных отношений.

Кроме того, О.А. Красавчиков в этом сборнике опубликовал очень глубокую статью, в которой рассматривал предмет регулирования и юридическую природу нового закона (Основ жилищного законодательства). Эта статья актуальна и сегодня, причем не только с точки зрения содержательной, но и блестящей **методологией** исследования (есть чему поучиться).

Октябрь Алексеевич организовал участие в этом сборнике, кроме специалистов из Свердловска, ученых из Ленинграда, Алма-Аты, Душанбе, Минска.

* * *

О.А. Красавчиков, по его собственным словам, следовал известному постулату, в соответствии с которым нет ничего более практичного, чем хорошая теория[1]. Но он никогда не оставался в «заоблачных высотах» теоретических построений. Теория не самоцель; правоведение не должно строиться по принципам, аналогичным тем, на которых базируется чистое искусство. В той или иной степени *любое* теоретическое построение юридической науки должно иметь «выход в жизнь». Оно может иметь значение с точки зрения правотворческой: «перевод» его на «язык закона» будет способствовать совершенствованию правового регулирования. Теоретическая конструкция может оказаться полезной для правоприменительной практики. Положения теории могут способствовать облегчению «юридического быта», надлежащей организации правовой работы (по заключению договоров и пр.). Благодаря теоретическим построениям становится понятной обусловленность правовых норм, практики их применения, тех или иных концепций (идей, взглядов) экономическими отношениями, соображениями социально-политического свойства и т.д.

Если правовая теория не находит отклика в нашей жизни, то она *вредна*. В этом случае теория «развивается» сама для себя, а жизнь течет своим чередом, не замечая такой «теории».

Вместе с тем О.А. Красавчиков был противником установки, в соответствии с которой «наука должна “выдавать на-гора” конкретные предложения, по конкретным вопросам»[2].

Октябрь Алексеевич много внимания уделил *теории* гражданского права. Его разработки касались или были непосредственно направлены на решение в подлинном смысле животрепещущих проблем. Причем в ряде случаев, казалось бы, невероятно абстрактные построения оказывались весьма полезными исходя из соображений практического характера. Та же известная концепция организационных отношений

[1] См.: *Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение — юридическая форма общественного отношения.

[2] Там же.

как составной части предмета гражданского права, несмотря на предельную абстрактность, направлена на решение практических задач. В частности, в результате внимательного рассмотрения данной концепции обнаруживается недостаточная правовая регламентация соответствующих социальных связей. Поскольку они (эти связи) отвечают признакам отношений, входящих в предмет гражданско-правового регулирования, постольку становится очевидной потребность урегулировать их более обстоятельно нормами гражданского права.

В конечном счете не так уж важно, получила ли концепция организационных отношений всеобщее признание в юридической науке. (Да и возможно ли это?) Важно то, что ее положения сказываются на регулировании данных социальных связей. Один предварительный договор чего стоит (ст. 429 ГК РФ). А рамочный договор (ст. 429.1 ГК РФ), опцион на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ)? Типичные организационные договоры. Цель их состоит в организации заключения какого-либо договора в будущем. Организационные отношения возникают в связи с упорядочением отношений по поставке товаров для государственных нужд (ст. 525, 527–529 ГК РФ), выполнению подрядных работ для государственных нужд (ст. 765, 527, 528 ГК РФ). На регулирование организационных отношений направлены нормы о договоре об организации перевозок (ст. 798 ГК РФ), договоре об организации работы по обеспечению перевозок (ст. 799 ГК РФ) и т.д. и т.п.

О.А. Красавчиков внимательно анализировал вопрос о личных неимущественных отношениях, регулируемых гражданским правом[1]. В первую очередь он обращается к законодательству. Затем рассматривает основные концепции, как он обычно это делал, «просеивая» и обобщая, выделяет «негативную концепцию», «радикальную концепцию». Далее следует рассмотрение «плюсов» и «минусов» соответствующих теоретических построений и изложение собственных взглядов. Наконец, он намечает контуры системы проекта нормативного акта (главы) о личных неимущественных правах и обязанностях. Выделено 16 подразделений, в частности такие, как *равенство* личных неимущественных прав граждан, исключающее какую-либо дискриминацию по признакам пола, языка, национальности, вероисповедания, *неограниченность* личных неимущественных прав,

[1] См.: *Красавчиков О.А.* Охрана интересов личности и свод законов советского государства // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 53. Свердловск, 1977. С. 5–33.

противозаконность действий, направленных в той или другой форме на ущемление охраняемых законом личных неимущественных прав и интересов, и др.

Работы О.А. Красавчикова характеризуются еще и тем, что все они отмечены его *трепетным отношением к слову*. Несмотря на весьма сложную правовую материю, читаются его произведения сравнительно легко, ибо давно известно: кто ясно мыслит, тот ясно излагает. В его словах нет двусмысленности. Формулировки достаточно определенны. Выводы конкретны. Нет «архитектурных излишеств». Речь легка. Излагаемое им остроумно, порой язвительно. Отсутствует наукообразие. Но нет и упрощенной подачи материала. Достаточно спокойно анализируются существующие в науке взгляды. Однако если что-либо представлялось Октябрю Алексеевичу абсолютно неприемлемым, то он мог быть категоричным, порой резким.

Это речь ученого, объективно оценивающего всю совокупность факторов, имеющих значение для решения рассматриваемой проблемы. Иногда говорящего то, что обычно говорить не принято. Иногда «взрывающегося». Это — речь человека, *болеющего за дело*.

Например, оценивая концепцию так называемых общих прав (общих правоотношений), «обнаружение» «правового модуса», конструкцию «правового комплекса», охватывающего «статус», «модус», О.А. Красавчиков указывал, что соответствующие «исследования по части “открытых звезд” так же совместимы порой с истиной, как совместимы между собой суждения астрономов и астрологов»[1]. Говоря о различных взглядах на понимание правоотношения, Октябрь Алексеевич отмечал: «Если (без лишних эмоций) сопоставить существо (а не только формулировки) суждений сторонников... рассматриваемых концепций, то... трудно не заметить, что между ними не столько противоречий, сколько общего... здесь причина (разногласий. — *Б.Г.*) чисто субъективного порядка — “никто не хотел уступать” своему теоретическому противнику. Вот и кочуют из десятилетия в десятилетие развития научной мысли теоретические споры, которые практически уже стали “спорами” ради споров»[2]. Касаясь едва ли не общепризнанного положения о том, что «потребность граждан в жилье удовлетворяется в различных правовых формах» (договор найма, членство в ЖСК

[1] *Красавчиков О.А.* Гражданская правосубъектность как правовая форма // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 62. С. 10.

[2] *Красавчиков О.А.* Гражданское правоотношение — юридическая форма общественного отношения.

и т.д.), О.А. Красавчиков указывал: «Думается, что никакая правовая форма (от элементарной до универсальной) не способна удовлетворить какую-либо материальную потребность (в том числе и потребность в жилье) потому, что она не обладает и обладать не может ни единым граммом, ни атомом, ни квантом природной материи; она не пригодна для сооружения даже воздушных замков»[1].

Октябрь Алексеевич ратовал за порядок в терминологическом «хозяйстве». Так, в юридической науке чрезвычайно широко используется термин «комплексный». Но, как верно отмечал профессор Красавчиков, использование этого термина до тех пор, пока ему не будет придана необходимая элементарная однозначность, сопряжено со значительным риском быть неправильно понятым. «По имеющимся в науке “расхожим” суждениям комплексными могут быть и отрасль права, и отрасль законодательства, и правовой институт, и нормативный акт. Более того, есть первичные и вторичные комплексные структуры и т.д. Нет пока только одного понятия — комплексной правовой нормы»![2] (В настоящее время можно встретить мимоходом упомянутые «комплексные правовые нормы» и даже входящие в предмет гражданского права «комплексные отношения». Ими, в частности, иногда объявляются так называемые корпоративные отношения.)

Сам Октябрь Алексеевич ввел в научный обиход немало терминов.

Юридическая терминология порой громоздка. В ряде случаев она иной быть не может. Так, ничтожной является сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ). Во времена О.А. Красавчикова в подобных случаях говорили о недействительности сделки, совершенной с целью, заведомо противной интересам государства и общества (ст. 49 ГК РСФСР). Октябрь Алексеевич предложил именовать такие сделки *антисоциальными*. Конечно же, здесь есть изрядная доля условности. Но, как представляется, этим отмечены все термины. Даже наименование фундаментальной отрасли — гражданское право — достаточно условно. Да и легальное название указанных сделок тоже неоднозначно. Термин «антисоциальные сделки» широко распространен.

Недействительной может быть признана сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее

---

[1] *Красавчиков О.А.* Основы жилищного законодательства: предмет регулирования и юридическая природа // Основы советского жилищного законодательства: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1981. С. 14.

[2] Там же. С. 23.

совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими (ст. 177 ГК РФ, ранее — ст. 56 ГК РСФСР). О.А. Красавчиков именовал такие сделки как совершенные в состоянии «адееспособности». Здесь степень условности еще выше. Может быть, поэтому данный термин в настоящее время используется нечасто, хотя, думается, он имеет право на существование.

Отрицая существование комплексных отраслей права, Октябрь Алексеевич предлагал именовать соответствующие образования *нормативными массивами*. (В настоящее время можно встретить упоминания о «комплексных нормативных массивах». Конечно, так нельзя: либо «комплексное образование», либо «нормативный массив».) Учитывая то обстоятельство, что Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик содержат нормы различной отраслевой природы, и опасаясь быть неправильно понятым при обозначении данного акта как комплексного, О.А. Красавчиков называл его *универсальным*.

Способность приобретать гражданские права и осуществлять обязанности через представителя Октябрь Алексеевич именовал *трансдееспособностью*[1].

Профессор О.А. Красавчиков ***тридцать лет*** заведовал кафедрой гражданского права Свердловского юридического института.

Как известно, у истоков цивилистики на Урале стояли *А.М. Винавер и Б.Б. Черепахин*[2].

Б.Б. Черепахин — основатель специальной кафедры гражданского права и гражданского процесса и наставник ряда крупных впоследствии научных работников.

В период работы в Свердловском юридическом институте у Б.Б. Черепахина аспирантами были *С.С. Алексеев*, *М.Я. Кириллова*, *О.А. Красавчиков*, *В.П. Шахматов*, *Е.Д. Шешенин*.

Поистине звездный состав!

К 1954 г. были созданы предпосылки для того, чтобы на базе объединенной кафедры гражданского права и гражданского процесса образовать две кафедры: гражданского права и гражданского процесса.

---

[1] Кстати, традиционно в учебниках по гражданскому праву характеристике представительства отводится отдельная глава. В упоминавшемся учебнике под редакцией проф. Е.А. Суханова представительство рассматривается в главе «Осуществление гражданских прав и исполнение гражданско-правовых обязанностей».

[2] См.: Свердловский юридический институт. 50 лет. 1931–1981. М.: Юрид. лит., 1981. С. 96.

Кафедру гражданского права возглавил Октябрь Алексеевич Красавчиков.

О.А. Красавчиков был организатором научной деятельности сотрудников кафедры. Кроме упоминавшихся учебников, учебных пособий и сборников научных трудов, следует обратить внимание и на другие издания, подготовленные под руководством профессора Красавчикова, в частности на вышедшее в 1976 г. учебное пособие «Советское гражданское право» (вып. 1, Свердловск). (К сожалению, данный проект не был завершен — продолжения не последовало.)

Как представляется, в основе этой работы — очень интересная и весьма плодотворная идея. По-видимому, Октябрь Алексеевич исходил из того, что учебник по гражданскому праву должен содержать все необходимое и, стало быть, не должен сводиться к освещению неких основ гражданского права. Но учебник не должен содержать ничего лишнего, он не должен превращаться в «чисто» теоретическое произведение. Под руководством профессора Красавчикова был подготовлен учебник «Советское гражданское право». В 1972 г. вышел в свет первый том (2-е изд.). Это как раз тот учебник, который содержит все необходимое и в котором нет ничего лишнего. Он рассчитан на *всех* студентов вузов, обучающихся по специальности «Правоведение». Указанное выше учебное пособие (1976 г.) подготовлено на базе этого учебника. Оно предназначено для тех, кто, изучая гражданское право, интересуется проблемами цивилистики. В нем освещаются такие вопросы, как понятие гражданского права (предмет, метод и др.), источники гражданского права, субъекты (граждане, юридические лица, государство). Вопросы прорабатываются более тщательно, нежели в учебнике. Гораздо больше внимания уделено теории, научному осмыслению цивилистических проблем.

Думается, опыт такого структурирования учебного материала может быть полезен и сегодня.

В 1965 г. была опубликована беспрецедентная работа «Гражданский кодекс РСФСР. Учебно-практическое пособие» в двух томах (Свердловск). Руководителем авторского коллектива также был О.А. Красавчиков. Необычность данного пособия состоит в том, что оно выполнено в виде комментария к Гражданскому кодексу. Чаще всего комментарии имеют практическую направленность. Иногда издаются научно-практические комментарии (законов, судебной практики и пр.). В данном случае комментарий Гражданского кодекса адресован в первую очередь тем, кто изучает гражданское право. Он относится к учебной литературе.

Значительное внимание на кафедре уделялось ознакомлению специалистов других юридических научных учреждений с результатами исследований свердловских цивилистов. Ежегодно под редакцией О.А. Красавчикова выходили сборники научных работ, в которых участвовали и специалисты по гражданскому праву из других городов Советского Союза. Только в 70-е гг. было издано восемь таких сборников: «Теоретические проблемы гражданского права» (1970); «Проблемы гражданско-правовой ответственности и защиты гражданских прав» (1973); «Гражданское право и способы его защиты» (1974); «Гражданские правоотношения и их структурные особенности» (1975); «Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР» (1977); «Гражданское право, эффективность и качество» (1977); «Правовые проблемы гражданской правосубъектности» (1978); «Гражданское право, экономика и стандартизация» (1978)[1]. Впоследствии были изданы сборники «Гражданско-правовой договор и его функции» (1980), «Основы советского жилищного законодательства (1981), «Гражданское право и сфера обслуживания» (1984), «Договорная дисциплина в советском гражданском праве» (1985).

Октябрь Алексеевич сам участвовал во многих конференциях юристов и организовывал участие в таких мероприятиях сотрудников кафедры. В бытность О.А. Красавчикова заведующим кафедрой с достижениями свердловских цивилистов научная общественность страны знакомилась на конференциях, проходивших в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Алма-Ате, Кишиневе, Риге, Тарту. Доклады членов кафедры прозвучали на XV Конференции Европейской организации по контролю качества (Москва, 1971 г.), на международном заседании по теме «Правовые проблемы стандартизации в рамках СЭВ» (Рига, 1976 г.).

Дважды коллектив кафедры гражданского права был организатором всесоюзных конференций. Исключительно широкой по представительству была конференция «Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения», проведенная в 1978 г. в Свердловске[2].

Под руководством профессора Красавчикова было подготовлено и успешно защищено более трех десятков кандидатских диссертаций.

Октябрь Алексеевич был строгим руководителем. Внимательно контролировал подготовку аспиранта к кандидатским экзаменам.

[1] См.: Свердловский юридический институт. 50 лет. 1931–1981. С. 98.
[2] См. там же. С. 98–99.

Тщательно прочитывал проекты диссертаций. Безжалостно критиковал неприемлемое, в ряде случаев достаточно иронично. Юности свойствен максимализм. А в диссертации требуется новизна. Поэтому в них зачастую содержатся утверждения из ряда вон выходящие. Октябрь Алексеевич в таком случае мог написать на полях работы: «Ну и ну!» Или: «Ух ты!»

Вместе с тем указывались перспективные направления, отмечалось, что необходимо выявить признаки (чего-либо), дать определение и т.д.

Если диссертация не соответствовала установленным Октябрем Алексеевичем достаточно высоким требованиям, то она не имела шанса быть допущенной к защите. Убежден, что Октябрь Алексеевич исходил из того, что «преградой» халтуре или попросту поверхностным работам должна быть кафедра (а прежде всего научный руководитель). Поэтому к обсуждению на заседании кафедры, а затем и к защите рекомендовались только хорошо подготовленные работы.

P.S. Как отмечалось, я, Б.М. Гонгало, предлагающий вниманию читателей размышления о творчестве О.А. Красавчикова и его работе заведующим кафедрой гражданского права Свердловского юридического института, — ученик Октября Алексеевича. Возможно, не лучший. Надеюсь, не худший. (Кстати, последними из защитивших диссертации при жизни Октября Алексеевича его аспирантов (30 июня 1984 г.) были автор этих строк и А.А. Евстифеев (доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.)

Мы все субъективны в своих воззрениях. В данном случае я стремился к объективной оценке наследия О.А. Красавчикова. Точнее, даже не к оценке — имеет ли моральное право ученик оценивать работы Учителя? Я стремился понять творческий метод О.А. Красавчикова.

Профессор О.А. Красавчиков и при жизни был одним из виднейших советских цивилистов послевоенного поколения. Но, как известно, большое видится на расстоянии... Несомненно, что и сегодня работы Октября Алексеевича Красавчикова весьма и весьма востребованы, а его творческий метод ничуть не устарел.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Сергей Сергеевич Алексеев родился 28 июля 1924 г. в г. Орле. Его отец работал в органах статистики, мать была научным работником, преподавателем. Сам он указывал так: «Из интеллигенции “служивых людей”, мещан, земского слоя — статистиков (хотя где-то в дореволюционной, до 1917 г., дали — из сословия российских коммерсантов, с полуазиатским оттенком...»[1]

В 1928 г. (или 1929 г.) семья перебралась в г. Свердловск. Отец Сергея Сергеевича стал руководителем статистической службы Свердловской области. Он был репрессирован в 1937 г., осужден на 10 лет. Его сын С.С. Алексеев стал сыном «врага народа».

В школу С.С. Алексеев пошел в 1932 г., окончил в 1942 г.[2]

Зимой 1941 г. (или начавшегося 1942 г.) С.С. Алексеева вызвали в военкомат: решили отправить его в трудармию. Туда мобилизовали неблагонадежных граждан, прежде всего немцев, финнов, румын и других, и принудительно направляли на добычу полезных ископаемых, строительство, лесозаготовки и т.д. Поскольку отец С.С. Алексеева был репрессирован, постольку сын (С.С. Алексеев) был неблагонадежным. Но он хотел на фронт! Сам он пишет так: «Целый день я провел в здании военкомата. Не буду скрывать — пришлось унижаться. Просил. Увещевал. Клялся»[3]. Уговорил — его отправили на войну — доброволец.

С.С. Алексеев «попал в запасную бригаду», расположенную в сотне километров от Свердловска, «Еланские лагеря»... несколько недель

---

[1] Этот рассказ С.С. Алексеева не опубликован. Цит. по: *Казанцев М.Ф., Руденко В.Н.* Возвышение права — миссия С.С. Алексеева. К столетию выдающегося правоведа // Алексеев С.С. Возвышение права / рук. проекта и отв. ред. А.Н. Савенков. М.: ИГП РАН, 2024. С. 5–6. О предках С.С. Алексеева см. там же. С. 7.

[2] Кстати, школа была образцовая. Ныне муниципальное автономное образовательное учреждение «Средняя образовательная школа № 1 имени С.С. Алексеева» (МАОУ СОШ № 1 имени С.С. Алексеева). Имя Сергея Сергеевича школа носит с ноября 2023 г. Об атмосфере, царившей в школе, см.: *Алексеев С.С.* Избранное. М.: Статут, 2003. С. 460–461; *Крашенинников П.В.* Рубежи Алексеева // Алексеев С.С. Частное право: Избранное. М.: Статут, 2024. (Классика российской цивилистики.) С. 3–4.

[3] *Алексеев С.С.* Избранное. С. 463.

в Камышловском пехотном училище, «оттуда нас всех разом — в маршевые роты... Волховский фронт... Переброски нашей части на другие направления — прорыв ленинградской блокады, боевые столкновения, “мясной бор”, Луга, Новгород, Ленинградский, Карельский фронты... переправы, разминирование в финских лесах, контузия... Заполярье, район норвежского Киркенеса. И так далее — война». Ближе к окончанию войны оказался в Москве[1]. Сержант. Командир отделения. Демобилизован в 1945 г.

«В октябре-ноябре выправил аттестат о среднем образовании школы, из которой в 1942 году был призван в армию»[2]. С запозданием после окончания приема месяца на два поступил в Свердловский юридический институт (далее также СЮИ)[3] (точнее — 8 декабря 1945 г.)[4].

Среди преподавателей института Сергей Сергеевич особо выделял профессора Александра Марковича Винавера, читавшего лекции по римскому частному праву, а по сути дела говорившего «об основных правовых ценностях — изначальных источниках правовой культуры»[5]. И конечно, Бориса Борисовича Черепахина, о котором Сергей Сергеевич много рассказывал устно и письменно. В том числе и так: «...стал моей судьбой посланец прошедшей эпохи, профессор дооктябрьской поры... Педагог по гражданскому праву. Крупный ученый — цивилист. Наставник моих научных увлечений на старших курсах института. Руководитель моей аспирантской учебы. Учитель»[6].

Получал стипендию имени И.В. Сталина (сын «врага народа»). Стало быть, очень хорошо учился.

Институт Сергей Сергеевич окончил с отличием в 1949 г.

Поступил в аспирантуру по кафедре гражданского права. Под руководством Б.Б. Черепахина подготовил диссертацию и защитил ее в 1952 г. Тема: «Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву».

Докторскую диссертацию Сергей Сергеевич защитил в 1960 г. Тема: «Предмет советского социалистического гражданского права».

Сергей Сергеевич работал на кафедре гражданского права СЮИ до 1961 г.

---

[1] См.: *Алексеев С.С.* Избранное. С. 466–468.

[2] *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. М.: Юристъ, 1997. С. 8. (Работа переиздана: *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Статут, 2010. С. 9–146.)

[3] Там же.

[4] См.: *Казанцев М.Ф., Руденко В.Н.* Указ. соч. С. 9.

[5] *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 13–14.

[6] Там же. С. 15.

В 1961 г. стал заведующим кафедрой теории и истории государства и права. С 1963 г. он заведующий кафедрой теории государства и права; был им до 1988 г.

В 1988 г. возглавил Институт философии и права Уральского отделения Академии наук СССР.

В марте 1989 г. стал народным депутатом СССР (сегодня мало кто понимает значимость этого факта, высокую значимость).

Сергей Сергеевич Алексеев был председателем Комитета Верховного Совета СССР по вопросам законодательства, законности и правопорядка. Затем председателем Комитета конституционного надзора СССР (то, что ныне именуется Конституционным Судом).

Позже Сергей Сергеевич организовал Исследовательский центр частного права при Президенте Российской Федерации, который теперь носит его — Сергея Сергеевича Алексеева — имя.

С февраля 1993 г. член Президентского совета, в ноябре 1993 г. стал членом Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации.

В марте 1996 г. в связи с началом военных действий в Чечне бросил все, сдал квартиру в Москве, которую можно было приватизировать или поменять на подъезд в элитном доме Екатеринбурга, и уехал в родной город — Свердловск, теперь уже (с 1991 г.) Екатеринбург.

Здесь (в Екатеринбурге) руководил филиалом Российской школы частного права, писал книги, статьи и т.д. и т.п.

В 2011 г. С.С. Алексеев переехал в г. Санкт-Петербург, который он очень любил и в котором живут его дочери.

Умер Сергей Сергеевич Алексеев 12 мая 2013 г. Похоронен на Овцинском кладбище Всеволожского района Ленинградской области.

Сергей Сергеевич Алексеев:

– доктор юридических наук (1960 г.),
– профессор (1961 г.),
– член-корреспондент Академии наук СССР (1987 г.),
– член-корреспондент Российской академии наук,
– заслуженный деятель науки РСФСР (1974 г.),
– лауреат Государственной премии СССР (1977 г.),
– лауреат высшей юридической премии «Юрист года» (2009 г.),
– лауреат Демидовской премии (2010 г.).

Алексеев Сергей Сергеевич награжден орденами Отечественной войны II степени (1985 г.), «За заслуги перед Отечеством» III степени (2003 г.), «Дружбы народов» (1994 г.), «Знак Почета» (1976 г.), Почетной грамотой Президента Российской Федерации (2008 г.), медалями

«За оборону Советского Заполярья» (1944 г.), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945 г.) и др.

Почетный гражданин Свердловской области (2009 г.).

Почетный профессор Уральской государственной юридической академии (ныне — Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, а до 1992 г. — СЮИ).

Почетный доктор Университета Парижа XII Валь-де-Марн.

Сергей Сергеевич написал огромное количество работ (более пятисот), причем не только статей, но и множество книг. В 2010 г. было издано Собрание сочинений С.С. Алексеева в десяти томах (М.: Статут, 2010). Конечно, здесь представлены далеко не все произведения, написанные Сергеем Сергеевичем, но только те, которые, по его разумению, были наиболее значимыми.

30 сентября 2013 г. Президент Российской Федерации подписал Указ «Об увековечивании памяти С.С. Алексеева», на основании которого Исследовательскому центру частного права при Президенте Российской Федерации присвоено имя С.С. Алексеева. На доме, в котором он проживал в последнее время в Екатеринбурге, и на главном учебном корпусе Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (бывший СЮИ) установлены мемориальные доски с памятными надписями, а также с барельефами, изображающими С.С. Алексеева (2014 г.) Ассоциация юристов России учредила всероссийскую премию имени Сергея Сергеевича Алексеева, которая ежегодно вручается на Европейско-Азиатском правовом конгрессе в Екатеринбурге[1].

В г. Екатеринбурге есть музей Сергея Сергеевича Алексеева «Восхождение к праву» (пр. Ленина, 101. Недалеко от дома, в котором жил С.С. Алексеев и где он работал последние годы).

В сентябре 2025 г. у главного учебного корпуса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21) состоялось открытие памятника Сергею Сергеевичу Алексееву. Там же, неподалеку, стоит памятник его ученику и другу Вениамину Федоровичу Яковлеву.

* * *

Далее — воспоминания о Сергее Сергеевиче.

[1] См.: *Крашенинников П.В.* Школа Алексеева // Алексеев С.С. Возвышение права / рук. проекта и отв. ред. А.Н. Савенков. С. 97.

Итак, он ученый, лауреат Государственной премии Советского Союза. Государственный и общественный деятель. Соавтор Конституции. Создатель Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации. Трудно переоценить его роль в том, что появился Гражданский кодекс Российской Федерации. Он автор невероятного количества работ, посвященных гражданскому праву, общей теории права, философии права, обращенных к широкому кругу читателей, художественных произведений...

Учитель. Мыслитель. Созидатель. Философ.

Начнем с Конституции.

Сергей Сергеевич писал Конституцию России 1993 года. Чем дальше от года принятия Конституции, тем больше «обнаруживается» якобы авторов этого основополагающего Закона. С.С. Алексеев настоящий автор[1], один из немногих. П.В. Крашенинников рассказывает: «Конституцией занимались мои учителя — Алексеев, Хохлов, Яковлев, Калмыков»[2]. Сам Сергей Сергеевич не раз вспоминал о работе над проектом Конституции[3]. Он, в частности, указывал: «Было истинной удачей то, что работа над... проектом осуществлялась группой правоведов, имеющих... основательную юридическую подготовку и связанных между собой многолетней профессиональной и творческой деятельностью, глубоким личным взаимоуважением. Это — тогдашний петербургский мэр, коллега по науке и преподаванию, *Анатолий Александрович Собчак*, крупный ученый, мой давний друг по цивилистической профессии и личным взаимным симпатиям *Юрий Хамзатович Калмыков*. <...> ...Важнейшую, незаменимую роль при уточнении концепции и юридической *отработке текста... проекта сыграл вошедший в нашу небольшую команду Станислав Антонович Хохлов*... Работа над текстом... проходила в Санкт-Петербурге, в одном из помещений Смольного... под благостной канцелярско-деловой опекой и при прямом участии в разработке А.А. Собчака»[4].

---

[1] С точки зрения формально-юридической закон не является объектом авторского права (п. 6 ст. 1259 ГК), но обычно, если мы знаем о том, кто готовил текст закона, то называем его автором.

[2] *Дубичев В.* Родительный и дательный. Беседы с Павлом Крашенинниковым. М.: Статут, 2017. С. 206. Кстати, здесь же П.В. Крашенинников, отвечая на вопрос о его участии в разработке Конституции, скромно указывает, что его привлекли только к разработке сороковой статьи Конституции «Право на жилище».

[3] См., в частности: *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 79–118; *Его же.* У истоков Конституции России: субъективные заметки. Екатеринбург, 2009. 64 с.

[4] *Алексеев С.С.* У истоков Конституции России: субъективные заметки. С. 12.

Как отмечает Сергей Сергеевич, «работа над проектом Конституции проходила с огоньком... на одном дыхании, заслонив все остальное — суетное, недоброе»[1].

Очень важно то, что с самого начала была отработана концепция Конституции, суть которой заключалась в том, чтобы появилась *Конституция Человека*: человек с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами возвысился над властью, и это определяло бы существо и развитие государственно-правовой жизни[2].

Впоследствии, как сетует Сергей Сергеевич, появились «своего рода наслоения». Произошел отход от первоначального замысла, осуществлен сдвиг в нормативных характеристиках власти (исключены положения о фиксируемых пределах государственной собственности. Президент получил право роспуска парламента и т.д.). Это было обусловлено тем, что в работу над текстом включились аппаратные работники государственных учреждений и президентской администрации, среди которых было немало знающих, что от них ждет бюрократическая система, ее лидеры[3].

«Самые последние шаги работы над текстом Конституции шли в недрах чиновничьего аппарата; некоторые коррективы вообще не были известны никому из посвященных»[4].

Весьма важными видятся следующие слова С.С. Алексеева: «Особо печальным и в чем-то странным следует признать исчезновение из окончательного текста положения о том, что частная собственность является естественным правом человека... оно неизменно присутствовало во всех опубликованных вариантах, вплоть до последних рабочих публикаций в октябре — ноябре»[5] (1993 г. — *Б.Г.*). Действительно, печально...

Алексеев Сергей Сергеевич, один из немногих подлинных авторов текста Конституции России, говорит о ней как о первой за всю историю России демократической Конституции. И вместе с тем указывает ее недостатки[6].

---

[1] *Алексеев С.С.* У истоков Конституции России: субъективные заметки. С. 13.

[2] См. там же. С. 13–19.

[3] Подробнее см. там же. С. 22–26. Здесь же отмечено, что «твердые позиции занимал ряд политических деятелей, настроенных последовательно демократически (таких, как В.Ф. Яковлев, С.А. Филатов)».

[4] Там же. С. 27.

[5] Там же. С. 27.

[6] См. там же. С. 28–36.

* * *

Обозревая результаты научной деятельности Сергея Сергеевича, можно отчетливо видеть несколько этапов. В.Ф. Яковлев выделял два этапа. Первый — пятидесятые — восьмидесятые годы двадцатого столетия. Развитие гражданского права, серия общетеоретических работ. Второй этап — это девяностые годы двадцатого столетия и первое десятилетие двадцать первого века. Труды С.С. Алексеева этого времени посвящены концепции права, его предназначению в обществе, трудном восхождении России к праву, опасностям крушения права[1].

Нет оснований и тем более желания оспаривать эти слова. Но, кажется, исходя из того, что большое видится на расстоянии, можно констатировать следующее. Еще будучи студентом, С.С. Алексеев увлекся гражданским правом. Он многократно описал, как это произошло. И воспел своих учителей. Прежде всего, А.М. Винавера и Б.Б. Черепахина — выдающихся русских и советских ученых-цивилистов[2]. Как отмечалось, под руководством Б.Б. Черепахина Сергей Сергеевич написал кандидатскую диссертацию по гражданскому праву на тему «Акцептная форма расчетов между социалистическими организациями по советскому гражданскому праву» (защищена в 1952 г.). Тема весьма «приземленная», малоинтересная большинству цивилистов, поскольку в ней (в теме) больше юридической техники, нежели высокой цивилистики. Но не бывает этой самой великой науки гражданского права, если не видеть ее оснований в нашей обыденной жизни, в обычных общественных отношениях, регулируемых гражданским правом. Далее Сергей Сергеевич писал о регрессных обязательствах, гражданско-правовых формах кредитования жилищного строительства, составе гражданского правоотношения, кооперативных поставках в промышленности и т.п. Чистая цивилистика! И в это же время С.С. Алексеев пишет о теоретических основах классификации отраслей советского права, системе Основ гражданского законодательства СССР и республиканских гражданских кодексов, об основных этапах и тенденциях развития советского гражданского права и т.д.

Отчетливо видна любовь к цивилистике. И стремление к обобщениям, к теории гражданского права и вообще к теории права.

---

[1] См.: *Яковлев В.Ф.* Об авторе и его трудах // Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010. С. 10.

[2] См., в частности: *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 13–18.

Очень любопытно, что Сергей Сергеевич одновременно «делал» работу «Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов»[1] и писал докторскую диссертацию «Предмет советского социалистического гражданского права»[2]. Иными словами, сугубо прикладное и в то же время высокое-высокое. От высокого до земного. (Любопытно, что обе названные работы вошли в первый (!) том собрания сочинений С.С. Алексеева в десяти томах[3], а отбор произведений, которые следует включить в собрание, прежде всего, производил сам Сергей Сергеевич.)

С 1961 г. С.С. Алексеев работает на кафедре теории государства и права Свердловского юридического института. Заведующий кафедрой. Естественно, что он обращается к рассмотрению теории права (общей теории социалистического права, сущности общенародного права, механизма правового регулирования общественных отношений, социальной ценности права и т.д.). В 1977 г. Сергею Сергеевичу Алексееву присуждена Государственная премия СССР за цикл работ по проблемам марксистско-ленинской теории права, опубликованных в 1966–1975 гг. Но цивилистика «не отпускает». В 1970 г. Алексеев С.С. пишет замечательную статью «Односторонние сделки в механизме правового регулирования». Она замечательная и потому, что содержит ряд важных теоретических положений, и потому, что Сергей Сергеевич развивает идеи своего Учителя — Бориса Борисовича Черепахина. Пишет он в те же годы о гражданском праве, совершенствовании хозяйственного законодательства, правовом регулировании хозяйственных отношений, механизме социалистического хозяйства в гражданском праве, роли гражданского законодательства и т.д. Но конечно, преобладают труды, посвященные общетеоретическим проблемам. В конце 80-х гг. прошлого века С.С. Алексеев рассуждает о судьбе социализма, правовом государстве, общих дозволениях и общих запретах в советском праве и т.д. Но при этом много говорит о собственности (в том числе о частной собственности, что в те годы было крамолой), об аренде... И наконец, о частном праве! Это в то время, когда полагалось отмечать, что деление права на публичное и частное свойственно

---

[1] *Алексеев С.С.* Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. М.: Госюриздат, 1959. 176 с.

[2] *Алексеев С.С.* Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959. 336 с. (Работа переиздана. См.: Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. С. 15–316.)

[3] *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. (Первая из указанных работ: с. 317–462; вторая: с. 15–316.)

феодальному праву и буржуазному праву. Потом опять и многократно о частной собственности. О Гражданском кодексе! О правах человека! Позже, после возвращения в Свердловск-Екатеринбург (1996 г.), Сергей Сергеевич в основном писал об общей теории права и о философии права. Но не забывал и о гражданском праве. Так, в 1999 г. опубликована его работа «Частное право: Научно-публицистический очерк» (М.: Статут). Он был председателем редакционной коллегии серии «Цивилистические записки» (М.: Статут) и писал о юридических конструкциях; был инициатором издания сборников научных статей «Проблемы теории гражданского права» (М.: Статут), в одном из которых писал о собственности в акционерном обществе, а в другом — о правоприменительном и частном праве, и т.д.

* * *

Из множества работ, вышедших из-под пера С.С. Алексеева, сравнительно небольшое их число написано в соавторстве. Особенно редко в нераздельном соавторстве. Хотя есть и такие произведения. Как правило, среди последних статьи, рецензии и т.п. Соавторами в таких случаях стали В.Ф. Яковлев, Б.Б. Черепахин, О.А. Красавчиков, С.Н. Братусь, Е.Д. Шешенин, В.К. Мамутов, В.Е. Чиркин, А.В. Мицкевич, И.С. Самощенко и другие теперь уже широко известные ученые.

Вместе с тем довольно большое число книг (прежде всего, учебников, учебных пособий, учебно-методических пособий и других подобных произведений) написано под редакцией (руководством) С.С. Алексеева. В таких случаях был авторский коллектив, в котором он, безусловно, лидер. Как он организовывал работу? Сергей Сергеевич распределял, кто что должен написать, давал задания и обсуждал то, какой видится будущая книга. И конечно, устанавливались сроки. Затем он первым писал то, что должен был (допустим, главу учебника) и предоставлял всем соавторам возможность ознакомиться с тем, что написано и как. Таким образом, задавалась планка, указывалась форма подачи материала, определялась степень погружения в доктрину, практику применения правовых норм, предписывалась стилистика и т.д. Благодаря такой методике появлялся не сборник разнородных материалов, собранных под одной обложкой, но произведение, созданное авторским коллективом, членов которого объединяет единый замысел, общая идея, согласованные устремления, единообразная форма подачи материала и т.п.

Кроме прочего, таким образом Сергей Сергеевич подавал пример коллегам (первым выдавал должное) и дисциплинировал их. Кстати, о дисциплине. Многие заседания, которые проводил С.С. Алексеев, (например, заседание кафедры), он ограничивал во времени (допустим, один час). Успели — не успели, заседание закончено.

И при нераздельном соавторстве Сергей Сергеевич мог использовать ту же методику. В.Ф. Яковлев рассказывает: «...обсуждали какие-то проблемные вопросы. В результате этих обсуждений он (С.С. Алексеев. — *Б.Г.*) часто предлагал написать статью, на следующий день приносил страничку с планом и делил будущую работу на две части. Через неделю он уже приносил мне первую часть статьи, в то время как у меня еще ничего не было написано... приходилось откладывать дела и писать вторую часть. Когда же части складывались вместе, то ничего не приходилось править, получалась готовая статья, так как мы много дискутировали перед написанием, и все уже было проработано заранее»[1].

* * *

Сергей Сергеевич был человеком с математическим складом ума. Он умел очень хорошо анализировать любую ситуацию, все разложить по полочкам, сделать вывод. Вместе с тем он был лирически настроенный человек, хорошо знавший литературу, понимавший, что есть добро и зло, справедливость, права и свободы человека, интересы личности. Трудно, очень трудно совместить мышления математическое и гуманистическое. Сергею Сергеевичу это хорошо удавалось.

В связи с этим вспоминается, что всем известно: Сергей Сергеевич был прост в общении, открытым человеком. Но держал дистанцию. Например, В.А. Бублик говорит: «Я считал, что Сергей Сергеевич очень жесткий, строгий человек, но когда мы с ним общались в неформальной обстановке... я понял, что это на самом деле человек очень душевный»[2]. С легкой руки П.В. Крашенинникова многие называют С.С. Алексеева романтиком права[3]. Может, правильнее считать его

---

[1] *Яковлев В.Ф.* Сергей Сергеевич для права сделал очень много // Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. С. 478.

[2] Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. Екатеринбург: Изд. дом «Автограф», 2019. С. 128.

[3] См.: *Крашенинников П.В.* 12 апостолов права. М.: Статут, 2015. С. 187–203. Кстати, о *советской* правовой романтике писал и сам С.С. Алексеев. Оценивал ее негативно, называл коварной. См.: *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 18–22.

вообще романтиком, учитывая увлечения литературой, спортом, гитарой, туризмом, его гуманистические устремления и т.д.

А вот Л.А. Бирюкова говорит, что в Сергее Сергеевиче ее «всегда привлекало... какое-то концептуально-рациональное отношение к жизни, он всегда занимался тем, что ему нравилось. Если каким-то образом интерес к чему-то ослабевал (это не касалось, конечно, права, его статей и книг), он это оставлял и начинал что-то другое заново»[1].

А.П. Семитко (ученик Сергея Сергеевича), говоря о «великолепном, блестящем тексте» П.В. Крашенинникова о романтике права, посвященном С.С. Алексееву, вступает в дискуссию. Он пишет: «Как личность Сергей Сергеевич, конечно, был романтиком... он писатель, у него есть художественные произведения и для взрослых, и для детей, он любил песни под гитару у костра, туристические походы. Да, он был романтиком, но в своей работе, в науке и как исторический деятель он был реалистом... в этой части я не могу согласиться с определением "романтик права", — он был очень жестким реалистом»[2].

Не вступая в спор, можно констатировать, что А.П. Семитко допустил некоторое смешение. Получившая широкое распространение характеристика С.С. Алексеева как романтика права касается именно ПРАВА, правовой науки. Особенно красноречиво об этом свидетельствуют его работы в постмосковский период его жизни. Даже названия многих его работ говорят об этом. Его беседы, интервью: «Может быть, наши внуки вырвутся из этого плена», «В новом Гражданском кодексе заложен императив свободы», «Кодекс чести для государства»... Его статьи и книги: «Кодекс цивилизованного рынка», «Право — надежда наша: Научно-публицистические очерки», «Восхождение к праву: Поиски и решения» и т.д. А чего стоит его работа «Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху»?[3] Это не просто красивые слова. Названия этих и других работ, а тем более их содержание зовут читателя к осмыслению правовой действительности, они освящены трепетным отношением к праву, стремлением возвысить право...

Во многих иных сферах жизни Сергей Сергеевич мог быть строгим, жестким реалистом, проявляющим математический склад ума, но остающимся гуманистом, мыслителем, созидателем, организатором...

---

[1] Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 119.

[2] Там же. С. 226.

[3] См.: Перечень работ С.С. Алексеева, созданных в 1996–2010 гг. см.: *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: в 10 т. Справочный том. М.: Статут, 2010. С. 111–131.

Если бы на Первом съезде народных депутатов СССР в 1989 г. он был только романтиком права (и вообще просто романтиком), то, конечно, не стал бы выдающимся государственным и общественным деятелем, председателем Комитета конституционного надзора СССР, если бы он был только романтиком (права или вообще), то не стал бы создателем Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации, не смог бы еще до того создать и возглавить Институт философии и права Уральского отделения РАН...

«Сергей Сергеевич... очень сильный человек. В чем его сила? Первое качество — это талант, второе — необыкновенное трудолюбие»[1]. В.Д. Перевалов говорит о С.С. Алексееве как об ученом, что «просто поражает его невероятная работоспособность. Он не терял ни минуты... ни секунды. На любых занятиях, положим, ученого совета, диссертационного совета, всегда использовал момент, чтобы что-то записать, подискутировать как бы между прочим»[2].

* * *

Особо следует отметить манеру выступлений Сергея Сергеевича. Причем она различалась в зависимости от того, в какой аудитории он выступает с докладом, читает лекцию, делает сообщение и т.д. Неизменным всегда был негромкий (очень негромкий) проникновенный голос. Кажется, он никогда не возвышал голос. Не повышал голос. Не говорил пафосно. Но аудитория замирала[3]. Понятно, что не всегда слушатели понимали, о чем речь, не всегда и не во всем все они были согласны с тем, что он говорил, но все внимательно слушали. Любопытно, что даже когда Сергей Сергеевич говорил вроде бы общеизвестные «вещи», утверждения, иногда кажущиеся многим банальными (например, о ценности права, о необходимости обеспечивать права человека), то и тогда слушатели обычно замирали. Было что-то магическое в этом негромком

[1] *Яковлев В.Ф.* Сергей Сергеевич для права сделал очень много. С. 477.

[2] Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 198–199.

[3] К.П. Беляев, долгое время работавший с С.С. Алексеевым, вспоминает: «Он всегда говорил негромко, но мог такую нотку металла добавить в голосе, что все понимали: это нужно сделать... От него исходил какой-то магнетизм» (Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 112). В.В. Витрянский рассказывает: «1973 год, октябрь месяц. Я... поступил в Свердловский юридический институт... самая первая лекция... читал Сергей Сергеевич Алексеев... шумно было в аудитории... Он вообще говорил очень негромко. Но он заговорил, и буквально через две-три фразы воцарилась полная тишина... в этой тишине прошла вся пара» (Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 135).

голосе. Понятно, что слушателей «вели» мысль, логика, аргументы, обращение к эмоциям и т.п., но и сама манера производила неизгладимое впечатление. Причем очень часто слушатель не понимал эту магию, поскольку, как он думал, «шел» вслед за мыслью, аргументами и т.д. Конечно же, сказывался невероятный авторитет С.С. Алексеева, его умение «владеть» аудиторией. Так «держать» аудиторию не только содержанием, но и формой редко кто умеет.

Выступая на конференции, симпозиуме, конгрессе и других подобных научных или претендующих на научность мероприятиях, Сергей Сергеевич говорил на языке, понятном собравшимся. Если в зале юристы, то речь шла об обусловленности права экономикой и другими обстоятельствами, о понятии права, механизме правового регулирования, правоотношении... В студенческой аудитории он говорил о высоком предназначении права, о том, каким должен быть настоящий юрист... Обращаясь к политикам, чиновникам и вообще к властям предержащим, Сергей Сергеевич в первую очередь вспоминал о естественных правах человека... При этом он говорил на понятном языке тем, к кому обращается и кому внушал свои идеи.

Кстати, вот как он «подавал» материал студентам. Очень серьезно (!) по теме (например, о правоотношении). Минут пятнадцать совершенно серьезные «вещи». Затем что-нибудь шутливое, чтобы аудитория отдохнула, не под запись[1] (например, «Студент — он как собака: все понимает, только сказать не может»). Или его слова про «интеллигентность: “профессор, который заметил, что на его лекции заснули, начинает говорить еще тише”»[2]. Минуты две-три на отдых — и снова за работу.

* * *

Сергей Сергеевич был очень хорош в товарищеских отношениях. Вряд ли можно говорить, что у него была масса друзей. Кажется, он мало кого подпускал близко к себе настолько, чтобы можно было сказать: друзья. Добрые отношения — да, но дружба — другое. А вот с Вениамином Федоровичем Яковлевым он дружил. В.Ф. Яковлев многократно рассказывал о том, как они познакомились и как далее

[1] В.А. Бублик, слушавший лекции С.С. Алексеева, рассказывает: «...он говорил очень серьезные вещи, но мог и пошутить, чувствовал, когда аудитория устала, и разряжал напряженность... На его лекции не надо было никого загонять, не нужно было устраивать проверки, был аншлаг...» (Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 129).

[2] *Бирюкова Л.А.* // Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 117.

складывались их отношения. Впрочем, сейчас это не раз опубликовано. Слово Вениамину Федоровичу: «Первое собрание нашего курса я храню в памяти в мельчайших подробностях. За кафедру встал высокий, голубоглазый, очень красивый юноша, который скоро станет для меня личностью номер один в юриспруденции и самым значимым человеком после родных на этой земле. Я помню его речь почти дословно. “Что такое юрист? Это служитель. Он, как священник, служит праву. Диапазон его ролей огромен. Он может бороться с преступностью в роли следователя. Он может защищать людей в роли адвоката. Он может помогать людям составлять документы в роли нотариуса. В юридическом обслуживании мы нуждаемся с рождения до смерти. Право — колоссальная ценность. Ничего совершенней и ничего необходимей в обществе нет. Оно охватывает все стороны и уровни жизни, от него зависят все люди — от рождения до смерти и все организации — от создания до ликвидации. Все в обществе, самое общество есть право, право, право и право. Чем совершенней право, тем совершенней общество. Право имеет союзников. Это религия, культура и государство. Государство создает законы и обеспечивает их выполнение. Но право и государство в идеальном варианте служат человеку. Человек, право, государство. Вот такая триада”»[1].

Далее В.Ф. Яковлев говорит поэтично: «Сергей Сергеевич Алексеев, мой первый друг, мой друг бесценный...»[2].

В.Ф. Яковлев говорил о Сергее Сергеевиче: «Никто его так хорошо не знал, как я. Даже жена, даже дети, даже он сам. Я его любил, восхищался, учился у него, впитывал его качества. Он — одно из главных приобретений моей жизни»[3].

Конечно, добрые и дружеские отношения были у Сергея Сергеевича и с многими другими людьми (Г.П. Орловым, В.М. Десятковым...[4]).

* * *

Сергей Сергеевич Алексеев — выдающийся ученый. «Оттолкнувшись» от цивилистики и никогда не уходя от нее, он сделал невероятно много для развития общей теории права. И для всех отраслевых пра-

[1] *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. М.: Статут, 2022. С. 89–90.

[2] Там же. С. 113.

[3] Там же. С. 124.

[4] Об этом см., напр.: Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 12–13, 72, 161.

вовых наук. Прав В.В. Ярков, указывающий следующее: «Немногим российским ученым-юристам удалось создать как собственную научную школу, так и обогатить своими идеями в целом всю науку правоведения...»[1]. Вряд ли какое-либо исследование правовых проблем обходится без обращения к трудам С.С. Алексеева. Дело не только в высочайшем авторитете ученого. Суть в уникальной методологии, предложенной Сергеем Сергеевичем. Начиная с 60-х гг. XX века «сложилась методология написания работ по отдельным отраслям правоведения, когда многие авторы брали за основу общетеоретические положения С.С. Алексеева и накладывали их, как матрицу, на отраслевое законодательство и доктрину. Тем самым общетеоретические положения раскрывались и применялись для нового понимания более узких научных проблем»[2].

* * *

Странно, но о Сергее Сергеевиче написано не очень много[3]. Может, боязно. Личность! Но пишут неизменно уважительно, часто с почтением, с поклоном, рассказывают нередко восторженно... Тому есть основания.

Вот как говорят о Сергее Сергеевиче Алексееве и его деятельности люди хорошо или по крайней мере неплохо его знавшие:

• «С.С. Алексеев не просто Учитель, но и пропагандист, проповедник права, перу которого принадлежит немало изданий популярной юридической литературы»[4] (В.Ф. Яковлев);

• «Научные труды Сергея Сергеевича Алексеева — надежный фундамент современных представлений о праве, его философии и истории.

---

[1] *Ярков В.В.* Влияние идей профессора С.С. Алексеева на развитие науки гражданского процесса // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 3. К 80-летию С.С. Алексеева. М.: Статут, 2004. С. 98.

[2] Там же. С. 98–99.

[3] См.: *Тарасов Н.Н.* Служение праву. С.С. Алексеев (заметки на полях биографии) // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 3. К 80-летию С.С. Алексеева.; *Его же.* Сергей Сергеевич Алексеев (жизнь как восхождение к праву) // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика // Избранное / под ред. А.Г. Диденко. Алматы, 2020. Т. VI. С. 142–155; Алексеев Сергей Сергеевич: Правовед. Мыслитель. Публицист: К 85-летию со дня рождения ученого / М.Ф. Казанцев, В.Н. Руденко, Е.М. Сурина; отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. 466 с.; *Казанцев М.Ф.* Сергей Сергеевич Алексеев. Биографический очерк // Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Справочный том. С. 156–171; *Казанцев М.Ф., Руденко В.Н.* Указ. соч. С. 5–82; *Крашенинников П.В.* Школа Алексеева. С. 83–97.

[4] *Яковлев В.Ф.* Об авторе и его трудах. С. 11–12.

В них можно найти ответы на самые животрепещущие вопросы наших дней»[1] (П.В. Крашенинников);

• «Работы Сергея Сергеевича Алексеева обращены к живому и злободневному опыту как недавней, так и отдаленной истории нашей страны. Их отличает верность автора своему гражданскому и профессиональному долгу, гуманистически-просветительской традиции философско-правовой мысли»[2] (В.С. Ем);

• «Сергей Сергеевич появился в Москве в 1989 году... И он стал неофициально на какое-то время... главным юристом страны. Ему верили... есть такое заезженное слово “патриот”... все, что он делал, причем всю жизнь... он всегда делал для страны»[3] (А.Л. Маковский);

• «...именно в трудах Сергея Сергеевича есть цельный и системный подход, который мне показался гораздо глубже, чем у многих других теоретиков права... Сергей Сергеевич был не только великим ученым, но и замечательным человеком...»[4]. (С.А. Белов);

• «Наверное, без участия Сергея Сергеевича Кодекса (Гражданского. — *Б.Г., Е.С.*) просто не было бы... роль Сергея Сергеевича в этом была колоссальная... мыслитель... философ права... единственный в своем роде, других таких не знаю»[5] (В.В. Витрянский).

---

[1] См. там же. С. 4. П.В. Крашенинников сказал о С.С. Алексееве и так: «Для всех для нас это колоссальный, мощный пример в жизни» (Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 184).

[2] Там же. С. 6.

[3] Наш Сергей Сергеевич: Антология устных рассказов. С. 185, 193.

[4] Там же. С. 104–105.

[5] Там же. С. 138–140.

ВЕНИАМИН ФЕДОРОВИЧ ЯКОВЛЕВ

Вениамин Федорович Яковлев родился в 1932 г. В документах указывалось, что день его рождения 12 февраля, хотя на самом деле он родился 2 февраля. Такие неточности не были редкостью.

Место рождения: село Юдино Петуховского района Уральской области (ныне Курганской обл.).

Как писал сам Вениамин Федорович, «мои предки из Курской губернии переселились в сибирское село Староберезово, скорее всего, в столыпинскую реформу»[1].

Оба деда его были раскулачены[2]. Отца не стало 5 марта 1942 г. Он погиб у деревни Лощихино Барятинского района тогда Смоленской области. А высота, за которую пулеметчик 385-й стрелковой дивизии рядовой Яковлев Федор Кузьмич отдал свою жизнь, называлась Яковлевка[3].

Понятно, что жилось очень нелегко, точнее, очень тяжело. Сам Вениамин Федорович писал, что всю войну провел в очередях за хлебом... При этом его воспоминания о том времени достаточно взвешенные; он сдерживает эмоции. Хотя иногда прорывается боль. Например, когда он пишет, что «отец пытался устроиться, как обычно, механиком, но не смог пройти медкомиссию — у него нашли порок сердца. А на фронт призвали тут же. Как и не было никакого порока»[4]. Или когда говорит, что «мама в отчаянии, я в страшном горе» потому, что потерял хлебные карточки[5].

Школу В.Ф. Яковлев окончил в г. Ишиме Тюменской области в 1949 г. В этом же году поступил в Свердловский юридический институт

---

[1] *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. С. 78. П.В. Крашенинников указывает, что семья Яковлевых происходила из крестьян, переселившихся на Урал в начале XIX века из центрального региона России. См.: *Крашенинников П.В.* Памяти Учителя // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева; Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. М.: Статут, 2019. С. 12.

[2] См.: *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. С. 94.

[3] См. там же. С. 86–88.

[4] Там же. С. 84.

[5] См. там же. С. 85.

(далее также — СЮИ), который окончил в 1953 г. Мечтал об аспирантуре, и все объективные основания для приема были (отличник, активный студент...). Не взяли. Двадцать лет спустя Вениамин Федорович узнал причину: «прочел в личном деле дважды подчеркнутое красным: оба деда раскулачены»[1].

В.Ф. Яковлев уехал по распределению преподавать в юридическую школу в г. Якутск. Вскоре (в 1954 г.) стал директором этой школы. Сейчас уже мало кто помнит, что это за заведение. Вениамин Федорович в воспоминаниях дал краткую и четкую характеристику: «Слушатели школы при поступлении чаще всего не имели никакого представления о праве, и всего-навсего за два года надо было сделать из них юристов... подготовить их к работе следователями, помощниками прокуроров и даже судьями»[2].

В 1956 г. В.Ф. Яковлев стал членом КПСС, что в то время было чрезвычайно важным для того, чтобы сделать карьеру. Он вступил в коллегию адвокатов, вел дела.

В 1956 г. юридические школы были ликвидированы. В.Ф. Яковлев стал старшим помощником прокурора Якутской АССР.

В 1960 г. он поступил в аспирантуру Свердловского юридического института; защитил кандидатскую диссертацию в 1963 г. Научным руководителем был видный советский цивилист — заведующий кафедрой гражданского права профессор Октябрь Алексеевич Красавчиков (В.Ф. Яковлев был первым аспирантом О.А. Красавчикова, успешно защитившим диссертацию).

В 1963–1987 гг. Вениамин Федорович преподавал в Свердловском юридическом институте; в 1973–1987 гг. он проректор по учебной работе, в 1984–1987 гг. — заведующий кафедрой гражданского права СЮИ.

В 1987–1989 гг. — директор Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства (Москва) (до 1963 г. легендарный ВИЮН (Всесоюзный институт юридических наук); в 1988 г. переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт государственного строительства и законодательства; с 1991 г. — Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации).

В 1989–1990 гг. Яковлев В.Ф. — министр юстиции СССР; в 1990–1991 гг. — Главный государственный арбитр СССР, Председатель Высшего арбитражного суда СССР, также в 1991 г. занимал должность

[1] *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. С. 94

[2] Там же. С. 98.

Государственного советника по правовой политике при Президенте СССР. В 1992–2005 гг. — Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. С 2005 г. — советник Президента Российской Федерации. Также в 1996–2018 гг. был председателем Совета (руководителем) Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации имени С.С. Алексеева. С 1999 г. до 2018 г. — председатель Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. В.Ф. Яковлев заведовал кафедрой правового регулирования топливно-энергетического комплекса в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) Министерства иностранных дел Российской Федерации и кафедрой правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. С 2005 г. являлся сопредседателем Ассоциации юристов России.

Участвовал в подготовке Конституции Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации.

Заслуженный юрист РСФСР (1982 г.). Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» (1997, 2002, 2005, 2012). Почетный гражданин Свердловской области.

Имя Вениамина Федоровича Яковлева носит Уральский государственный юридический университет; на его здании установлена памятная доска. В сентябре 2024 г. рядом с главным учебным корпусом университета торжественно открыт памятник В.Ф. Яковлеву.

Умер Вениамин Федорович 24 июля 2018 г. в Москве. Похоронен в Екатеринбурге на Широкореченском кладбище.

* * *

О Вениамине Федоровиче написано немало[1] (хотя меньше того, что он заслуживает). В том числе изданы воспоминания о нем[2]. Он и сам рассказывал о своей жизни[3].

[1] См., напр.: *Медведев Д.А.* Предисловие к книге, посвященной памяти В.Ф. Яковлева // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. С. 10–11; *Крашенинников П.В.* Памяти Учителя. С. 12–16; *Суханов Е.А.* О Вениамине Федоровиче Яковлеве и его книге // Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 3-е изд., доп. М.: Статут, 2022. С. 17–22.

[2] См.: Про службу, дружбу и любовь. Воспоминания о В.Ф. Яковлеве / сост. В.В. Минина, Н.В. Смирнова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2023. 224 с.

[3] См.: *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов.

В данном случае речь пойдет о научной деятельности В.Ф. Яковлева, о его произведениях. Хотя вряд ли удастся удержаться в указанных рамках, ведь Вениамин Федорович Яковлев не только ученый, но и выдающийся государственный деятель, и великолепный организатор, и блестящий Учитель...

У В.Ф. Яковлева много работ. Большинство из них включено в трехтомное издание его избранных трудов (том второй состоит из двух книг)[1] объемом 160,5 печатных листов (более 2 500 страниц).

Научное наследие В.Ф. Яковлева включает в себя работы разных жанров: монографии, статьи, учебники, учебные пособия, доклады на конференциях и других подобных им мероприятиях, интервью и пр.[2] Их объединяет одна тема — ПРАВО. В.Ф. Яковлев писал: «Право — одно из величайших достижений цивилизации, обладающее колоссальной общественной ценностью... оно представляет собой кодекс общественного и государственного устройства, прав и свобод граждан, функций и обязанностей структур государственной власти... право служит стабильности общества и его позитивному развитию, обеспечивает создание условий для достойной жизни граждан»[3].

Все работы В.Ф. Яковлева важны. О системе права и законодательства[4], правовом обеспечении целостной системы управления народным хозяйством[5], правовой реформе[6], сравнительном правоведении[7], правовой науке и юридическом образовании[8] и т.д. и т.п.

Как представляется, среди всех этих очень значимых работ выделяются те, которые посвящены гражданскому праву, и те, в которых говорится о судебной системе Российской Федерации. Об отношении В.Ф. Яковлева к соответствующим проблемам, в частности, свиде-

---

[1] См.: *Яковлев В.Ф.* Правовое государство: вопросы формирования; *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: История и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 976 с.; *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: История и современность. Кн. 2. М.: Статут, 2012. 351 с.; *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: Становление и развитие. М.: Статут, 2013. 749 с. Далее даются отсылки к приведенным книгам без указания названия той или иной работы В.Ф. Яковлева.

[2] Сам по себе жанр не означает наличие или отсутствие научной составляющей. Так, положения доктринального характера часто формулируются в ходе доклада на конференции, в учебной литературе и даже в интервью.

[3] *Яковлев В.Ф.* Правовое государство: вопросы формирования. С. 3.

[4] См., напр., там же. С. 117–122, 129–136, 212–220.

[5] См., напр., там же. С. 151–160.

[6] См., напр., там же. С. 38–41, 42–50, 56–69.

[7] См., напр., там же. С. 222–225.

[8] См., напр., там же. С. 429–437, 449–454, 469–471, 472–474.

тельствует то, что в упоминавшемся трехтомном собрании избранных работ Вениамина Федоровича их рассмотрению отведены том второй (в двух книгах) (гражданское право) и том третий (арбитражные суды).

О Вениамине Федоровиче Яковлеве справедливо говорят «как об основателе системы арбитражных судов... о его служении праву, науке и правосудию»[1]. «Правильно говорят, что арбитражные суды являются «его детищем». Он не просто стоял у их истоков, он их реально создавал, обеспечивал становление системы арбитражных судов, наполнял их жизненной силой»[2].

Соответственно, Вениамин Федорович Яковлев рассматривал конституционные основы правосудия[3], говорил о судебной реформе[4], освещал опыт создания арбитражных судов[5], рассказывал о том, каким быть Высшему Арбитражному Суду[6], констатировал, что арбитражные суды — важный инструмент совершенствования рыночной экономики[7], анализировал состояние арбитражных судов и указывал, какой видится система арбитражных судов в будущем[8], и т.д. и т.п.

Но конечно, автору этих строк и всем занимающимся правовой наукой (или хотя бы интересующимся цивилистикой) ближе и дороже всего работы Вениамина Федоровича, посвященные гражданскому праву и общей теории права. (Разумеется, это не означает некую второсортность других трудов.)

Он писал о гражданском праве в системе права[9], о системе гражданского права[10], о соотношении гражданского права с публичным правом[11], о кодификации частного права[12] и т.д. И конечно, очень много им сказано о Гражданском кодексе Российской Федерации. Ему цели-

---

[1] *Андреева Т.К.* Несколько слов о В.Ф. Яковлеве... // Про службу, дружбу и любовь. Воспоминания о В.Ф. Яковлеве. С. 6 (автор — заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, канд. юрид. наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации).

[2] *Бойков О.В.* // Про службу, дружбу и любовь. Воспоминания о В.Ф. Яковлеве. С. 21 (автор — заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, заслуженный юрист Российской Федерации).

[3] См., напр.: *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 3. С. 53–56.

[4] См., напр., там же. С. 61–75, 82–91.

[5] См., напр., там же. С. 132–153.

[6] См., напр., там же. С. 169–177.

[7] См., напр., там же. С. 268–275.

[8] См., напр., там же. С. 303–312.

[9] См., напр.: *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 2. Кн. 1. С. 730–755.

[10] См., напр., там же. С. 716–729.

[11] См., напр., там же. С. 756–778.

[12] См., напр., там же. С. 809–815.

ком посвящена книга вторая тома второго упоминавшегося собрания избранных трудов Вениамина Федоровича Яковлева[1]. Но и в других работах Вениамин Федорович вновь и вновь говорил о Гражданском кодексе[2].

* * *

Среди всех замечательных произведений В.Ф. Яковлева выделяется совокупность трудов, посвященных исследованию метода регулирования социальных связей[3], а среди последних — монография «Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений»[4]. Этой темой Вениамин Федорович занимался начиная с 60-х годов прошлого века.

Учитывая значимость данной темы в творчестве Вениамина Федоровича Яковлева и особую роль указанной монографии, а также принимая во внимание то, какое место в отечественной правовой науке занимают соответствующие произведения, представляется целесообразным сосредоточиться на более или менее обстоятельном рассмотрении данной монографии. Можно было попробовать дать обзор трудов В.Ф. Яковлева. Но, как известно, никто не обнимет необъятного. А указанная работа является образцовой. И дает достаточно полное представление о творческом методе Вениамина Федоровича Яковлева.

Сначала некоторое отступление.

Вопрос о методе (методах) правового регулирования общественных отношений издавна занимает умы исследователей. Так, И.А. Покровский, рассматривая способы (приемы) регулирования междучеловеческих отношений, говорит о приеме юридической централизации, составляющем основную сущность публичного права[5].

При характеристике же гражданского права указывается на то, что оно является системой юридической децентрализации: «Если пуб-

---

[1] См.: *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 2. Кн. 2.

[2] См., напр.: *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 2. Кн. 1. С. 625–632, 652–653, 797–808, 820–837, 882–886, 928–934.

[3] См., напр., там же. С. 193–232, 431–443, 633–651, 875–881.

[4] *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. 210 с. (Работа переиздана. См.: *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 2-е изд., доп. М.: Статут, 2006. 240 с.; *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 2. Кн. 1. С. 3–185); *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 3-е изд., доп.

[5] См.: *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. (Серия «Классика российской цивилистики»). С. 39 (Впервые работа издана в 1917 г.)

личное право есть система субординации, то гражданское право есть система координации; если первое есть область власти и подчинения, то второе есть область свободы и частной инициативы»[1].

В советское время в ходе первой дискуссии о системе советского права и дискуссии о сущности советского гражданского права (1938–1955)[2] в том числе обсуждался вопрос о методе правового регулирования и его значении для разграничения отраслей права. Подавляющее «большинство ученых... провозглашали, что для определения гражданского права первостепенное значение имеет предмет регулирования»[3]. Вместе с тем немалое внимание уделялось и методу правового регулирования. Уже на тот момент (50-е гг. XX в.) весомый вклад в развитие учений о предмете и методе внес С.С. Алексеев[4]. А в 1959 г. Сергей Сергеевич опубликовал фундаментальный труд «Предмет советского социалистического гражданского права», одна из глав которого посвящена рассмотрению метода гражданского права[5] (в 1960 г. С.С. Алексеев защитил докторскую диссертацию на тему «Предмет советского социалистического гражданского права»).

Наконец, в 1972 г. была опубликована работа Вениамина Федоровича Яковлева «Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений»[6].

Несколько затянувшееся вступление, с одной стороны, обусловлено стремлением показать, что предлагаемая вниманию читателя книга В.Ф. Яковлева базируется на мощном фундаменте, а с другой стороны, эта работа представляет собой единственное (!) монографическое исследование метода гражданского права.

Как представляется, в науке существует осторожное отношение (быть может, даже опасение) к более или менее обстоятельному рассмотрению гражданско-правового метода регулирования социальных

---

[1] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. С. 40. Обстоятельный анализ взглядов, сформировавшихся к 20-м гг. XX в., см.: *Черепахин Б.Б.* К вопросу о частном и публичном праве: избранное / вступ. слово П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2024. С. 14–40. Впервые соответствующая статья опубликована в 1926 г. В основном позиция Б.Б. Черепахина совпадает с указанной точкой зрения И.А. Покровского.

[2] См. об этом: *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. М.: Статут, 2000. С. 217–231.

[3] Там же. С. 221.

[4] См. там же. С. 221, 224–225.

[5] См. там же. С. 252–330. См. также: Антология уральской цивилистики. 1925–1989: сб. статей. М.: Статут, 2001. С. 7–53.

[6] Далее — Главная книга, ссылки по изд. 2006 г.

связей. Это обусловлено в том числе и тем, что В.Ф. Яковлев в далеком 1972 г. построил весьма совершенную систему знаний.

Кажется, это тот случай, когда можно было сказать: «Умри, Денис, лучше не напишешь!»[1]. Прав Вениамин Федорович, который спустя треть столетия (в 2006 г.) указал, что «основные концептуальные положения работы (изданной в 1972 г. — *Б.Г.*), как выдержавшие испытания временем, остались неизменными. Другое дело, что метод гражданского права получил дальнейшее развитие»[2].

В данном случае не ставится цель описать идеи, сформулированные в рассматриваемой работе Вениамина Федоровича, создать конспект и т.п. Пожалуй, стоит выделить те «узловые», «ключевые» положения Главной книги и посмотреть, как они «живут» в цивилистике.

Итак...

«Рассматривая отраслевой метод регулирования в качестве структурного признака права, необходимо постоянно держать в поле зрения его вторичность, производность как сугубо правового явления от другого, материального признака системы права — предмета отраслевого регулирования»[3].

И потому глава первая монографии посвящена характеристике предмета гражданского права как объективной основе гражданско-правового регулирования общественных отношений (с. 18–81).

Это положение не являлось новейшим. Но о нем непременно следовало сказать с учетом того, что оно должно считаться основополагающим. Таким оно признается и сегодня. Так, В.В. Ровный указывает: «Отраслевой предмет непосредственно связан с отраслевым методом, при этом существо первого определяет особенности второго»[4].

Эта, на первый взгляд, бесспорная идея иногда уточняется, развивается. Так, Е.А. Суханов в 2004 г. пишет, что «содержание метода правового регулирования в существенной мере предопределяется характером регулируемых отношений (предметом правового регулирования)»[5]. Впоследствии Е.А. Суханов справедливо указывает: «Товарно-денежный

---

[1] По легенде будто бы так сказал Г.А. Потемкин Д.И. Фонвизину о пьесе «Недоросль». Фраза крылатая (иногда приписывается другим людям).

[2] Главная книга. С. 4.

[3] Там же. С. 16.

[4] Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. М.: Проспект, 2020. С. 34. Такой подход очень широко распространен. См., напр.: Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. Е.Е. Богдановой. С. 15 (автор главы — В.А. Микрюков).

[5] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 45.

оборот... требует адекватных ему (частноправовых) форм и институтов. Однако отечественный опыт свидетельствует о том, что регулирование имущественных отношений возможно как исключительно планово-административными (публично-правовыми) способами, так и их сочетанием с гражданско-правовыми. Следовательно, сам по себе предмет... не предопределяет юридической природы и характеры способов правового воздействия на него»[1]. Сказано это, скорее для того, чтобы обозначить (или обосновать) юридические особенности гражданского (частного) права, но все же речь о методе.

Как представляется, В.Ф. Яковлев говорил о должном; в то время нельзя было указывать на существование административно-командной экономики, сожалеть об искоренении частноправовых начал и т.п. Но быть может, благодаря тому, что тогда говорили о том, **как** следует **организовать** правовое регулирование частных отношений, мы получили новое, точнее, возрожденное частное право. И можем сказать больше, нежели можно было в 60–70-е гг. прошлого века. В том числе развивать ранее сформулированные идеи.

В отечественной правовой науке некоторое распространение получила концепция **единого** метода правового регулирования для всей правовой системы в целом. Суть: элементами метода являются такие правовые средства, как дозволение, предписание, запрет, которыми пользуются все отрасли права[2]. Однако прав Вениамин Федорович, который еще до того, как получила некоторое распространение указанная концепция, писал: «Разумеется, в каждой отрасли права имеются нормы, содержащие и тот, и другой, и третий вид велений. Более того, все их виды между собой тесно связаны: использование одного предполагает наличие двух других. Тем не менее отрасли права резко отличаются друг от друга преобладанием одного или специфическим сочетанием нескольких из названных видов предписаний, непосредственно выраженных в их нормах»[3].

Рассмотрев многочисленные точки зрения о понятии метода правового регулирования, В.Ф. Яковлев делает вывод, в соответствии с которым «отраслевой метод, отражающий социальное содержание регулируемых отношений и концентрирующий основные юридические свойства отрасли права, представляет собой способ воздействия

---

[1] Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. С. 43–44.

[2] Особенно активно пропагандирует такие идеи В.Д. Сорокин. См., например: *Сорокин В.Д.* Метод правового регулирования: теоретические проблемы. М., 1976; *Его же*. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.

[3] Главная книга. С. 92.

отрасли на поведение людей, способ организации правовой связи участников регулируемых отношений»[1].

Далее характеризуются основные черты метода гражданского права. При этом главной чертой гражданско-правового метода регулирования общественных отношений названо **правонаделение**.

Вениамин Федорович «поет» **дозволительность** гражданско-правового регулирования (§ 2 главы II).

Немало внимания уделено **диспозитивности** гражданско-правового метода. В том числе отмечено, что диспозитивность тесно связана «с главной сущностной чертой метода. Само по себе наделение правом включает в себя в качестве непременного компонента также и наделение диспозитивностью, ибо право как мера возможного поведения включает в себя в отличие от обязанности альтернативы: управомоченное лицо может и не воспользоваться этой мерой поведения по своему усмотрению»[2]. Показана неправильность отождествления наделения субъекта правом (правонаделения) и наделения его диспозитивностью. Вениамин Федорович рассказал, как диспозитивность выражается в содержании гражданско-правовых норм, об охране начал диспозитивности, о колебаниях степеней диспозитивности и ее рамок в отношениях с разным субъектным составом и т.д. (§ 3 главы II).

В работе характеризуется **правовая инициатива** как черта метода гражданского права, «которая используется гражданским правом в качестве движущего начала в становлении и развитии гражданских правоотношений. Для многих других отраслей права характерно отведение в динамике правоотношений значительной или решающей роли властным актом государственных органов. Механизм же действия гражданского права основан на использовании актов, исходящих от самих субъектов гражданского права» (§ 4 главы II).

Естественно, Вениамин Федорович много внимания уделяет рассмотрению **юридического равенства** субъектов как черте гражданского права. «В литературе юридическое равенство часто квалифицируется главным, иногда даже единственным признаком метода гражданского права, а само равенство понимается как отсутствие власти и подчинения во взаимоотношениях субъектов гражданского права»[3]. По мнению В.Ф. Яковлева, разделяемому и автором этих строк, указанный подход не вполне оправдан. Обычно говоря о равенстве субъектов граждан-

[1] Главная книга. С. 86.
[2] Там же. С. 113.
[3] Там же. С. 132.

ского права, мы констатируем, что отсутствуют отношения власти и подчинения, т.е. дается негативная характеристика. «Если раскрыть юридическое равенство субъектов данной отрасли в его позитивном содержании, то **оказывается, что она представляет собой одну из сторон дозволительной** сущности гражданского права и не служит единственной чертой гражданско-правового метода, а может быть уяснено лишь на общем дозволительном фоне гражданско-правового регулирования в совокупности с другими чертами метода»[1] (§ 5 главы II).

В работе В.Ф. Яковлева довольно обстоятельно описывается специфика **принуждения, санкций и ответственности** в гражданском праве с учетом особенностей метода гражданско-правового регулирования общественных отношений (§ 6 главы II).

Наконец, Вениамин Федорович показывает черты метода гражданского права в механизме правового регулирования и дает определение гражданско-правового метода, под которым предлагается понимать «способ воздействия на отношения, по своей сущности является дозволительным, характеризуется наделением субъектов на началах их юридического равенства способностью к правообладанию, диспозитивностью и инициативой, обеспечивает установление правоотношений на основе правовой самостоятельности сторон»[2] (§ 7 главы II).

Кроме того, в работе В.Ф. Яковлева характеризуется единство и дифференциация гражданско-правового регулирования общественных отношений (глава III) и указывается место метода гражданского права в системе правового регулирования (глава IV).

Изложенные и неупомянутые положения Главной книги В.Ф. Яковлева, естественно, были восприняты неоднозначно. Так, вскоре после издания данной работы О.С. Иоффе, отдавая «должное масштабам проведенного В.Ф. Яковлевым теоретического исследования» (метода гражданского права. — *Б.Г.*), отмечал, что эта книга «единственное в советской цивилистической литературе монографическое произведение, сосредоточенное на указанной проблематике. Гораздо полнее и многостороннее, чем его предшественники, автор характеризует взаимодействие предмета и метода, основные признаки самого метода и его дифференциацию соответственно особенностям отдельных комплексов регулируемых отношений»[3].

---

[1] Главная книга. С. 132.

[2] Там же. С. 190.

[3] *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. С. 261.

Одновременно О.С. Иоффе сожалеет о том, что В.Ф. Яковлев придает «решающее значение не признаку равенства, а так называемому правонаделению[1], указывает на то, что "диспозитивность и инициатива, отнюдь не противопоказанные другим отраслям советского права, далеко не во всех случаях сопутствуют гражданскому закону, знающему и императивные, и запретительные нормы"»[2].

Сам О.С. Иоффе всегда считал, что метод гражданского права характеризуется равенством и только этим; он часто говорил о методе равенства[3]. И сегодня иногда единственной чертой метода гражданско-правового регулирования признается только равенство субъектов. Так, весьма категоричен Н.Д. Егоров: «Метод как критерий, индивидуализирующий гражданско-правовую отрасль в системе российского права, должен характеризоваться только одной чертой... В качестве такой черты и выступает юридическое равенство сторон»[4].

О диспозитивности как черте метода гражданского (частного) права весьма красноречиво говорит тот факт, что уже давно такой метод очень и очень часто именуют **диспозитивным**, противопоставляя ему императивный метод регулирования, свойственный праву публичному. Что касается инициативы, то, как представляется, ни у кого не вызывает сомнений, что возникновение, изменение и прекращение гражданских правоотношений происходит по инициативе субъектов таких отношений. А если правоотношения возникают при ее отсутствии, то динамика правоотношения все же происходит по инициативе участников.

В современной юридической литературе, как правило, положения Главной книги воспроизводятся как само собой разумеющиеся. Иногда форма подачи материала представляется несколько курьезной, хотя спорить со сказанным нет оснований. Например, В.В. Ровный, рассматривая метод гражданского права, говорит об особенностях правового положения участников гражданско-правовых отношений, об особенностях оснований возникновения гражданских правоот-

---

[1] См.: *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. С. 261.

[2] Там же.

[3] См.: Советское гражданское право. Курс лекций. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 10; *Иоффе О.С.* Право и поведение // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. Избранное. Т. 3 / под ред. А.Г. Диденко. Алматы, 2008. С. 55.

[4] Гражданское право. Часть I: учебник / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. М.: Изд-во ТЕИС, 1996. С. 12.

ношений, особенностях содержания таких правоотношений и т.д.[1] И конечно, это правильно. А затем делаются выводы, которые, думается, базируются в том числе и на сказанном В.Ф. Яковлевым: метод гражданского права отмечен равенством сторон, координацией, договорным и диспозитивным характером, а также общедозволительным (правонаделительным) характером, чертами плюрализма и децентрализации, имущественно-компенсационной (восстановительной) направленностью, значительной ролью частной инициативы и личного усмотрения участников гражданского оборота[2].

В 2001 г. О.Н. Садиков важными чертами метода гражданско-правового регулирования признавал равенство субъектов, диспозитивность, имущественный характер мер защиты субъективных прав и судебный порядок защиты. При этом правонаделению «отказано в праве» считаться чертой метода гражданского права[3].

Позже О.Н. Садиков назвал те же черты метода гражданско-правового регулирования, но промолчал о своем критическом отношении к такой черте, как правонаделение[4].

Е.А. Суханов**,** рассматривая метод гражданского права, говорит о правовом положении, приобретаемом участниками регулируемых отношений, особенностях правовых связей между ними, специфике разрешения возникающих конфликтов... И при этом речь идет о юридическом **равенстве** субъектов частного права, о том, что правовые связи между субъектами частного права чаще всего возникают только по их **воле**, обычно — в силу заключаемых ими по своему **усмотрению**, по своей **инициативе** договоров, о разбирательстве споров, возникающих между участниками отношений, регулируемых гражданским правом, независимыми органами — **судами**, об **имущественном** характере мер защиты гражданских прав, о **компенсационном** характере таких мер... Наконец, констатируется, что «метод гражданского (частного) права основан на предоставлении его субъектам ряда юридических возможностей (прав), которые они самостоятельно, инициативно используют для удовлетворения своих интересов и потребностей, т.е. на началах **дозволения и правонаделения**. Этим он принципиально отличается от характерного для публичного права метода подчинения,

---

[1] См.: Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А.П. Сергеева. С. 35–42.

[2] См. там же. С. 42–43.

[3] См.: Гражданское право России. Общая часть: Курс лекций / отв. ред. О.Н. Садиков. М.: Юристъ, 2001. С. 26–28.

[4] См.: Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. О.Н. Садикова. М., 2006. С. 13–14.

обязывания и установления запретов. Следовательно, **юридическое равенство и автономия воли имущественно самостоятельных участников** в совокупности и характеризуют **метод** воздействия гражданского (частного) права на регулируемые им отношения».

Кроме упомянутых литературных источников, идеи, сформулированные В.Ф. Яковлевым, развиты в трудах многих его коллег, учеников... Других последователей[1].

Как отмечалось, сам В.Ф. Яковлев и до издания Главной книги, и после ее издания неоднократно обращался к рассмотрению метода гражданского права и характеристике его черт (юридического равенства, объективного и субъективного в методе правового регулирования, единства и дифференциации гражданско-правового метода и т.д.). И в последние годы своей жизни В.Ф. Яковлев в том числе говорил о методе гражданского права. Можно выделить следующие основные положения:

1) каждая отрасль права имеет свой метод регулирования;

2) метод представляет собой концентрированное выражение юридического содержания норм данной отрасли права;

3) главное, что отличает отрасли права одну от другой, — это характер содержащихся предписаний и различное соотношение в каждой из отраслей права разного вида предписаний.

Право использует **три вида предписаний: запрет, обязывание, дозволение.** В зависимости от наличия и сочетания этих трех видов предписаний одни отрасли права являются отраслями преимущественно с запретительным регулированием (уголовное право), другие — преимущественно с обязывающим регулированием (административное, налоговое право) и третьи — преимущественно с дозволительным регулированием (гражданское право);

4) существенными чертами метода гражданского права являются следующие:

4.1) правонаделительная направленность и правоприменительное воздействие,

4.2) правовая инициатива,

4.3) правовая диспозитивность,

---

[1] См., например: *Илларионова Т.И.* О содержании метода гражданско-правового регулирования // Актуальные проблемы гражданского права: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1986. С. 33–41; Гражданское право: учебник для вузов. Часть первая / под общ. ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М., 1998. С. 9–12 (автор главы — Т.И. Илларионова); *Брюхов Р.Б.* Диспозитивность в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

4.4) юридическое равенство сторон,

4.5) особенности принуждения в гражданском праве[1].

Сегодня в законе указано, что гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Говорится и о воле, и об интересе, и о свободе, и о добросовестности... И эти основные начала гражданского законодательства, сформулированные в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, получили развитие в других нормах гражданского права. В ст. 2 этого Кодекса говорится о том, что гражданское право регулирует отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников.

Представляется, что есть все основания сказать, что те **идеи**, которые воспевал Вениамин Федорович Яковлев, **живут и побеждают**.

Как пишет Л.Ю. Михеева, на учении В.Ф. Яковлева о методе правового регулирования до сих пор во многом зиждется дифференциация отраслей отечественного права[2]. Права Е.А. Борисенко, говоря, что «"Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений" — больше, чем просто книга о праве. Это книга о том, как право может повлиять на жизнь человека, на частную сферу каждого из нас»[3].

* * *

В.Ф. Яковлев был блестящим оратором. Он читал лекции, выступал с докладами, сообщениями и т.п. в самых разных аудиториях: в Якутской юридической школе, в Свердловском юридическом институте, в разных других научных и учебных заведениях Советского Союза, а потом Российской Федерации, в Федеральном Собрании Российской Федерации[4], на научных и иных мероприятиях, которые проводились в других государствах, и т.д. и т.п.

---

[1] См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. С. 49–59.

[2] См.: *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 3-е изд., доп. С. 5 (предисловие, автор — Л.Ю. Михеева).

[3] *Борисенко Е.А.* Больше, чем просто книга о праве // Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. 3-е изд., доп. С. 33.

[4] Как отмечает П.В. Крашенинников, по всем частям Гражданского кодекса Российской Федерации, а также по комплексным изменениям, вносимым Президентом

Даже будучи в походах, которые Вениамин Федорович очень любил. Мне посчастливилось слышать много его рассказов о походах на острове Ольхон, полуострове Камчатка, на Южных Курилах и т.д. Кое-что сейчас опубликовано[1], но, конечно, в письменном виде чаще всего не слышно авторской интонации или она ощущается не столь ярко, как при устном рассказе Вениамина Федоровича. Да и его знаменитое чувство юмора «не очень легко положить на бумагу». Вот что, в частности, рассказывает Вениамин Федорович о лекциях в ходе путешествия по Якутии: «Последний отрезок мы плыли на туристическом корабле. Наша троица (С.С. Алексеев, Г.П. Орлов, В.Ф. Яковлев. — *Б.Г.*) во время плавания не бездельничала. В дороге мы трудились — читали лекции. По праву или о международном положении. Гонорар получали рыбой. Я начитал лекций на столько рыбы, что потом угощал весь институт»[2]. Помнится, Вениамин Федорович рассказывал, что у членов команды судна, в связи со спецификой работы разлученных с женами, особым успехом пользовались его лекции по семейному праву, в ходе которых в том числе и серьезно, и шутливо обсуждались имеющиеся или возможные драматические и комические истории.

Манера всегда очень интеллигентная, голос негромкий (всегда негромкий!), но сказанное выглядит очень убедительным, иногда завораживающим. Видно, что лектор настроен к аудитории очень доброжелательно.

Материал излагался непринужденно.

Вот как о выступлениях Вениамина Федоровича пишет Е.А. Суханов: «Спокойные, четкие и глубокие по сути выступления В.Ф. Яковлева как на заседаниях различных парламентских комитетов и комиссий, так и особенно на пленарных заседаниях Госдумы, отличающихся необычайной остротой, благотворным и умиротворяющим образом воздействовали на разгоряченных оппонентов как “слева”, так и “справа”, заставляя их задуматься над обоснованностью своих позиций. Обычно после его выступлений успокоившиеся депутаты принимали взвешенное решение в поддержку предложенного законопроекта»[3].

РФ, проектов официальным представителем был именно Вениамин Федорович (напомним: с 1994 г. до последних дней его жизни). Он участвовал во всех (!) заседаниях Федерального Собрания, посвященных Гражданскому кодексу, а это, кроме заседаний палат, парламентские слушания, заседания комитетов и рабочих групп. См., в частности: *Крашенинников П.В.* Памяти Учителя. С. 16.

[1] См.: *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. С. 113–124.

[2] Там же. С. 124.

[3] *Суханов Е.А.* О Вениамине Федоровиче Яковлеве и его книге. С. 18–19.

Д.А. Медведев отмечает, что Вениамин Федорович «легко находил общий язык с представителями самых разных политических взглядов... каждый раз, когда Вениамин Федорович в ходе дискуссии брал слово, правовая проблема в его изложении становилась такой яркой, живой, интересной, что хотелось немедленно принять участие в ее обсуждении»[1].

Я и сам многократно был свидетелем того, как ярко проявлялся дар убеждения, свойственный Вениамину Федоровичу. Например, в 1981 г. Свердловский юридический институт стал носить имя бывшего Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко. Поскольку сколько-нибудь значимые в стране мероприятия (действия, компании и т.п.) обычно проводятся «по многочисленным просьбам трудящихся» (повышение цен, антиалкогольные компании и т.д.), постольку необходима была инициатива сотрудников и студентов института о присвоении ему имени Р.А. Руденко.

Не знаю, как проявлялась такая «инициатива» в различных подразделениях учебного заведения, но студентов курса, на котором учился я (полагаю, это был четвертый курс, 1981 г.), убеждать в необходимости принятия соответствующего решения пришлось проректору по учебной работе В.Ф. Яковлеву. Несмотря на высочайший авторитет Вениамина Федоровича и на то, что не принято было возражать «начальству», присутствовавшие в зале не горели желанием поддержать столь значимое предложение. Более того, появилась альтернатива: надо, чтобы институт носил имя Ф.Э. Дзержинского (в то время он был чрезвычайно популярен. И не только среди юристов; о нем издавалось множество книг, снималось много фильмов и т.д.). Вениамин Федорович терпеливо объяснял, что из трех (!) юридических институтов, существовавших на тот момент в Советском Союзе, один из них носит имя Ф.Э. Дзержинского — Харьковский юридический институт[2], а другой — Саратовский юридический институт — имя Д.И. Курского[3]. Понятно, что не могут два из трех юридических институтов носить имя Ф.Э. Дзержинского. Говорил о заслугах Романа Андреевича Руденко, рассказывал о Нюрнбергском процессе, на котором Р.А. Руденко выступал главным обвинителем

[1] *Медведев Д.А.* Предисловие // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. С. 10–11.

[2] Любопытно, что до того институт носил имя Л. Кагановича, а теперь — Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого.

[3] Ныне Саратовская государственная юридическая академия (с 2011 г.).

от Советского Союза по делу о главных военных преступниках нацистской Германии...

Вениамин Федорович убедил, не «сломал», не «продавил» — мы искренне поддержали предлагаемое решение.

К выступлениям Вениамин Федорович тщательно готовился, набрасывал тезисы, но при этом легко реагировал на нештатные ситуации. Помнится, я как-то публично заявил, что не стоит недооценивать юристов, обслуживающих криминальные и подобные им структуры; весьма часто они очень грамотны, благо, что оплата неплохая... Вениамин Федорович, председательствовавший на заседании, тут же возразил: грамотный, хороший юрист служит закону и справедливости...

Кажется, лекции Вениамин Федорович читал всю жизнь. Вот как он вспоминал о детстве: «Читать я начал в четыре года... С тех пор читал запоем... все, что попадалось на глаза... Любимым моим занятием было пересказывать прочитанное братьям-сестрам, одноклассникам. Целые книги... Они меня слушали часами, затаив дыхание и открыв рот... Когда стал преподавателем, искусство рассказчика пригодилось: студенты слушали, не замечая звонков на перерыв. Уже тогда стало понятно — в жизни никакой опыт не пропадает, однажды он выручает, и выручает в таких ситуациях, которые ни предвидеть, ни предугадать невозможно»[1].

Будучи студентом Свердловского юридического института, я слушал лекции профессора В.Ф. Яковлева о праве собственности, обязательствах, договоре... Лекции очень четко структурированы, материал подавался очень логично, последовательно, в доступной, но не простоватой форме. Например, лекция «Общее понятие права собственности» включала в себя четыре вопроса: 1) понятие права собственности, 2) содержание права собственности, 3) виды и формы права собственности в СССР, 4) приобретение и прекращение права собственности. При этом, кроме прочего, указано на то, что необходимо четко различать собственность как экономическую категорию и право собственности как юридическую категорию, дана их характеристика; отмечена неоднозначность словосочетания «право собственности» — указано, в чем суть права собственности в объективном смысле и права собственности в субъективном смысле; характеризуются правомочия собственника; называются черты права собственности (оно коренное, непроизводное, наиболее содержательное (три правомочия), абсолютное и др.) и т.д.

[1] *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. С. 79–80.

В ряде случаев приводились теоретические положения, о которых можно было прочитать не во всех учебниках. Например, при рассмотрении права оперативного управления, кроме прочего, отмечено, что оно вещное (дано пояснение), носит черты абсолютного права, но есть субъект, по отношению к которому оно абсолютным не является, — государство. Довольно часто излагаемое иллюстрировалось примерами.

* * *

Вениамин Федорович хорошо относился к людям. Думаю, он исходил из того, что в принципе любой человек хороший, важно разглядеть хорошее в человеке и постараться развить в нем лучшее... Это отнюдь не означает, что Вениамин Федорович «закрывал глаза» на недостатки, не замечал негативное и т.п. Во-первых, акцент всегда делался на положительном, на поощрении доброго. Во-вторых, Вениамин Федорович никогда не отчитывал, не повышал голос, не объяснял, что субъект является недостойным, порочным и т.п. Во всяком случае, я никогда не видел ничего подобного. Как мне кажется, в соответствующих случаях он старался помочь человеку.

Он не говорил плохо о людях. В том числе «за глаза». Как-то раз я довольно иронично отозвался об одном из руководителей некоего заведения, который, на мой взгляд, чрезмерно увлечен различного рода мелочами в ущерб стратегии. Вениамин Федорович отреагировал так: «Жаль, что он остался на уровне...» (названа предыдущая должность этого руководителя). И не более того.

Один раз в жизни был свидетелем неблаговидного поступка некоего довольно известного профессора. И на мои слова о том, что ситуация неприятная, Вениамин Федорович сказал: «Он нехороший человек». Все. Причем сказано не публично.

В разных ситуациях Вениамин Федорович старался, так или иначе, поддержать человека. Вспоминается 29 июня 1984 г. После защиты мною кандидатской диссертации. На крыльце учебного корпуса СЮИ (ул. Комсомольская, 21). Курим. Октябрь Алексеевич в мой адрес — жестко: «Сегодня хорошо работал. Молодец». Вениамин Федорович примирительно: «Так он вроде всегда такой». Октябрь Алексеевич: «Если бы».

При всем этом, как бы банально это ни звучало, Вениамин Федорович был демократичным, лишенным вельможности, близким к людям... Даже в возрасте около восьмидесяти лет он мог выйти и выходил «погонять» мяч с молодыми людьми (во всяком случае, в сравнении

с ним молодыми)[1]. Как-то, будучи в командировке в г. Алматы, Вениамин Федорович, встретив меня вечером в коридоре гостиницы, поинтересовался, куда я спешу. Услышав, что запланирована масса неотложных дел, в том числе с песнями[2], Вениамин Федорович, изображая легкую обиду: «А меня почему не зовете?» Вечер удался. Были и неповторимые рассказы Вениамина Федоровича о путешествиях, разного рода забавных историях, и песни и т.д.

* * *

Красноречиво характеризует Вениамина Федоровича и то, как мы писали учебник по гражданскому праву[3]. Поначалу Вениамин Федорович отказывался войти в число соавторов: дел много. И по строгому счету, зачем это ему? Все же согласился. Прошло несколько дней, и Вениамин Федорович звонит: какие указания о том, как писать? Я искренне отвечаю, дескать, могу ли Вам указывать, как надо написать? Он «поймал» «Вам указывать» и спрашивает: «А другим авторам Вы какие-то требования сформулировали?» Отвечаю, что, конечно, сформулировал, целую инструкцию написал (она, кстати, стала потом основой обращения к читателю в учебнике) и разослал авторам. Вениамин Федорович с возмущением: «А мне почему не прислал?!» Отправили.

Вениамин Федорович представил текст первой главы учебника «Гражданское право как отрасль права» (предмет, принципы, функции, метод, система гражданского права в системе права) ранее установленного срока, и — поразительно — не нужна была никакая правка! Все отточено. И в соответствии с концепцией задуманного учебника.

Может быть, Вениамин Федорович мог быть жестким. Но это никогда не демонстрировалось. Удивительно, как при его доброжелательности, внимательности к людям, терпеливости, толерантности (при всей двусмысленности слова есть такое понятие), стремлении понять в том числе и неудобную, неразделяемую им точку зрения он был очень принципиальным и последовательным человеком. Как в так называемой обычной жизни, так и в науке — при участии в про-

[1] Как рассказывает сам Вениамин Федорович, он с детства любил мяч. См.: *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. С. 79–82.

[2] Кстати, песни Вениамин Федорович очень любил и знал их великое множество. См. там же. С. 113–114.

[3] См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 4-е изд. В 2023 г. уже вышло пятое издание.

ведении правовой политики, при организации и непосредственном участии в законотворческой деятельности, управленческой работе и т.д. и т.п.

* * *

Всем известно замечательное (потрясающее, неповторимое!) чувство юмора Вениамина Федоровича. Оно проявлялось в самых разных ситуациях. Как-то в г. Екатеринбурге, предоставляя слово для выступления Вениамину Федоровичу, я сделал оговорку: дескать, не рискую перечислять все титулы. По пути к трибуне Вениамин Федорович вроде как про себя, но громко проворчал: «А мог бы попробовать назвать хотя бы некоторые...» Через год-два в аналогичной ситуации я постарался, попробовал. Яковлев в той же манере известил аудиторию: осталось забытым, что он заведующий кафедрой, член-корреспондент Российской академии наук и еще что-то.

Выступая оппонентом докторской диссертации, соискателем которой был довольно молодой исследователь, Вениамин Федорович поведал присутствующим, что ранее, читая работы автора, он представлял себе человека, умудренного жизненным опытом. Вывод был примерно таким: изучив диссертацию и увидев написавшего ее, можно констатировать, что «работа гораздо более зрелая, нежели ее автор» (отзыв был положительным и весьма благожелательным). Председательствующим на заседании диссертационного совета был Сергей Михайлович Корнеев. В аудитории — Александр Львович Маковский, Василий Владимирович Витрянский, многие другие видные ученые... А соискателем ученой степени доктора юридических наук — Павел Владимирович Крашенинников, которому на тот момент (1997 г.) было тридцать три года.

Кстати, П.В. Крашенинников вспоминает «случай, связанный с празднованием 200-летия создания Министерства юстиции. Тогда министр юстиции Ю.Я. Чайка собрал здравствующих министров, занимавших этот пост в разное время в СССР, РСФСР и России, и преподнес нам в качестве подарков... наши же портреты, т.е. картины с нашим изображением. Как потом выяснилось, выполненные одним художником. Мы, конечно же, немного растерялись, стояли в некотором замешательстве. Эту напряженную ситуацию разрядил Вениамин Федорович, сказав: “Предлагаю обменяться портретами”. И, обращаясь к Теребилову, добавил: “Владимир Иванович, я буду рад иметь Ваш портрет. Может, и мой Вам пригодится”. Напряжение

снято, и мы перешли к следующей стадии празднования для рождения Минюста»[1].

* * *

В ходе настоящего повествования неоднократно упоминалась книга Вениамина Федоровича «Советник трех президентов». По-видимому, о ней, так же как и о упоминавшейся Главной книге, следует сказать особо.

Увидев имя автора (В.Ф. Яковлева), логично предположить, что речь пойдет о правовом государстве, гражданско-правовом методе правового регулирования общественных отношений, развитии законодательства (прежде всего гражданского), судебной системе и т.д. Ведь это книга знаменитого российского правоведа, государственного деятеля...

В данном случае — в этой книге — мы видим Вениамина Федоровича как ЧЕЛОВЕКА, каким его знали близкие люди, коллеги, друзья, слушатели...

Понятно, что при прочтении книги вполне очевидны его умение анализировать и чрезвычайно широкий круг знаний, высочайший профессиональный уровень, способности организатора и т.д. Но на первом плане в этой книге блестящий талант Вениамина Федоровича как рассказчика. И мы видим мудрость Вениамина Федоровича, его доброжелательность, великолепное чувство юмора, мастерское владение словом. В его рассказах всегда занимательный сюжет. Рассказывает ли Вениамин Федорович о том, почему он решил стать юристом, или о 1 сентября 1949 г., когда перед студентами первого курса, среди которых был и Вениамин Федорович, выступал молодой аспирант С. Алексеев, или о туристских походах и т.д. и т.п., в его повествовании всегда есть некоторая интрига, есть образы, динамика... Все это сопровождается описанием многочисленных деталей. Прекрасный русский язык; любая литературная обработка кажется излишней. И всегда... всегда рассказ ведется по-доброму и с юмором.

Я слушал много историй из уст Вениамина Федоровича. Любопытно, что по существу некоторые из них отнюдь не веселые. Но благодаря таланту рассказчика, в частности образности речи, ироническому отношению к той или иной ситуации, а также доброму отношению к персонажам, все они всегда воспринимались с восторгом.

---

[1] *Крашенинников П.В.* Памяти Учителя. С. 15.

Очень приятной была манера Вениамина Федоровича рассказывать что-либо. Негромкий голос, широкое использование эпитетов, выделение интонацией того, что кажется важным. В ходе разговора в качестве аргумента, подтверждающего какую-то позицию, или попросту как иллюстрацию Вениамин Федорович мог рассказать поучительную историю. Мог быть и анекдот.

Так я впервые услышал именно от Вениамина Федоровича в далекие восьмидесятые годы прошлого века анекдот об известном персонаже советских, а затем российских анекдотов, который не знал русских писателей, потому что сам он «не читатель, а писатель». При этом речь была лишена пафоса, какой-либо театральности.

Кажется, он избегал всякого рода новомодных слов, заимствованных из иностранных языков, если в том не было крайней необходимости. Зачем? Если великолепно владеешь русским.

В ходе рассказа он мог рассмеяться, как бы приглашая оценить комичность ситуации, ловкость персонажа, о котором идет речь, и т.д.

Слышал не раз, как пересказывают то, что когда-то говорил Вениамин Федорович. Вроде тот же сюжет, персонажи, похожие интонации... Но нет того эффекта. Видимо, потому, что в рассказах Вениамина Федоровича не было театральности. Но это был ТЕАТР.

Разумеется, гораздо чаще устных рассказов, ныне облекаемых в письменную форму, Вениамину Федоровичу приходилось читать лекции в самых разных аудиториях, выступать с докладами, вести совещания, конференции, проводить заседания...

Насколько известно, к запланированным мероприятиям Вениамин Федорович тщательно готовился. Мог быть подготовлен полноценный доклад. Иногда — тезисы выступления. Такие тезисы могли быть изложены и в рукописной форме на обычном тетрадном листке (не раз видел это во время встреч Вениамина Федоровича со студентами Уральского отделения Российской школы частного права (ныне Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ). Но конечно, Вениамин Федорович даже в рамках запланированного мероприятия легко реагировал на нештатные ситуации, вступал в дискуссию и пр.

Сегодня, помня о высочайшем профессионализме и заслугах перед государством и обществом Вениамина Федоровича Яковлева, все же (слава Богу!) вспоминаешь и то, как, читая лекции по гражданскому праву в Свердловском юридическом институте, он сравнивал гражданское право со всем известной отраслью права и говорил, что вторая отрасль чрезвычайно важна, потому что «это примерно как Аральское

море, а гражданское право — как Черное море». Не забыть, как на тех же лекциях Вениамин Федорович иллюстрировал теоретические положения примерами «из жизни» Остапа Бендера, Кисы Воробьянинова, Шуры Балаганова и иных подобных «героев» русской литературы, а также настоящих героев.

Помнится, как искрометно он вел вечера, посвященные принятию части четвертой Гражданского кодекса и юбилею С.С. Алексеева, рассказывал о походах и чудных официальных и неофициальных заседаниях...

* * *

Не могу сказать, что я очень много общался с Вениамином Федоровичем. Но мне посчастливилось видеть его проректором по учебной работе Свердловского юридического института, профессором кафедры гражданского права СЮИ и заведующим этой кафедрой, директором Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства, министром юстиции Советского Союза, Государственным советником по правовой политике при Президенте СССР, Председателем Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, советником Президента Российской Федерации, председателем Совета (руководителем) Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации имени С.С. Алексеева...

Посчастливилось встречаться в Свердловске — Екатеринбурге, Перми, Москве, Санкт-Петербурге, Алматы, Париже... В студенческой аудитории и на заседаниях различного рода советов (ученых, диссертационных и пр.), конференциях (конгрессах, форумах и т.п.), совещаниях (симпозиумах) и т.д. и т.п.

Вениамин Федорович часто приезжал в Екатеринбург. Насколько я понимаю, он вообще был непоседа. Но этот город для него был особенным. По многим причинам. Он здесь учился. Значительную часть жизни прожил в Свердловске. Здесь счастливая часть жизни; как он говорил, работа профессором Свердловского юридического института. Дети, внуки, правнуки...

Бывая, считай, в родном городе, Вениамин Федорович непременно приходил в юридический институт (академию, университет), Уральское отделение Российской школы частного права (ныне Уральский филиал Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева), Арбитражный суд Свердловской области и Арбитражный суд Уральского округа и другие организации, органы, заве-

дения и выступал перед преподавателями, студентами, нотариусами, судьями и т.д.

Мероприятия, в которых Вениамин Федорович участвовал и на которых мне повезло присутствовать, были официальные и очень даже (совсем!) неофициальные. В том числе традиционные банкеты, проводимые после защиты кандидатских и докторских диссертаций (иногда Вениамин Федорович «председательствовал» на этих чрезвычайно важных заседаниях), вечера, посвященные юбилеям уважаемых им людей (по случаю юбилея Сергея Сергеевича Алексеева Вениамин Федорович тоже вел стол), «заседания», посвященные юбилеям самого Вениамина Федоровича, вечерние посиделки, сопровождавшие научные и иные важные мероприятия... Вениамин Федорович и на формальном заседании, и при товарищеском общении был открыт, добр, но проводил свою «политику».

За столом Вениамин Федорович тоже чутко реагировал на то, что происходит. Помнится, во время проведения одного из торжественных вечерних мероприятий, когда он хотел произнести третий подряд тост, я, видимо, бесцеремонно (увы) произнес: «Вениамин Федорович! Шикана». Он сразу понял и тут же заставил говорить меня.

И разговоры... В том числе знаменитые рассказы Вениамина Федоровича о людях, разных путешествиях, приключениях, просто «за жизнь». И песни, романсы. Почему-то чаще всего вспоминается, что Вениамину Федоровичу нравилось, когда звучало: «Берега, берега, берег этот и тот. Между ними река — моей жизни...».

ТАМАРА ИВАНОВНА ИЛЛАРИОНОВА

Тамара Ивановна родилась 8 января 1936 г. в г. Кургане. Тогда этот город входил в Челябинскую область. Сейчас административный центр Курганской области.

В 1960 г. Тамара Ивановна окончила экономико-юридический факультет Томского государственного университета.

Кандидатскую диссертацию защитила в 1971 г. Тема диссертации — «Основания внедоговорной ответственности организаций».

Докторскую диссертацию защитила в 1985 г. Тема: «Система гражданско-правовых охранительных мер».

Тамара Ивановна написала более 90 работ. В том числе она автор монографий, учебных пособий, статей и т.д. Особо выделяется учебное пособие «Механизм действия гражданско-правовых охранительных мер» (Свердловск, 1980 г.). Помнится, приезжал оппонентом по какой-то диссертации известный московский профессор Николай Сергеевич Малеин. Выступая на традиционном банкете, состоявшемся после успешной защиты, он, ссылаясь на мнение академика В.Н. Кудрявцева, говорил об этом произведении как о лучшей книге года. Я был заинтригован. Прочитал. Мало что понял. Через несколько лет перечитал и восхитился четкостью изложенных положений — настоящее учебное пособие.

Когда я сдавал вступительные экзамены в аспирантуру, то в составе комиссии была и Тамара Ивановна. Был вопрос о неустойке: это способ обеспечения обязательств или мера ответственности? Я бойко отвечал, что, по моему разумению, это способ обеспечения, потому что... Октябрь Алексеевич Красавчиков, естественно входивший в состав комиссии, шутливо обратился к Тамаре Ивановне: «Ну вот Вам готовый оппонент». Какой уж там оппонент... Вчерашний студент, хоть и бывший отличником, мало что понимавший, а тут признанный специалист — Тамара Ивановна Илларионова, кандидат юридических наук, доцент... И слова О.А. Красавчикова об оппоненте неслучайны: она в то время писала докторскую диссертацию.

Тамара Ивановна считала неустойку мерой гражданско-правовой ответственности. Я же в ходе упомянутого экзамена квалифицировал

ее в качестве способа обеспечения обязательства. На результате экзамена мое мнение, противоречащее позиции Т.И. Илларионовой, не сказалось — я стал аспирантом. Любопытно, что, тогда (в 1981 г.) сформулировав точку зрения едва ли не интуитивно, может подсознательно, до сих пор считаю, что неустойка — это способ обеспечения обязательства, а взыскание неустойки есть мера ответственности. Это представляется бесспорным, но, хоть это прозвучит парадоксально с точки зрения стилистической, споры продолжаются... Причем если Тамара Ивановна формулировала позицию, аргументировала ее весьма деликатно, убедительно допускала («прощала») иное мнение, то сегодня часто безапелляционно и без каких-либо аргументов утверждается, что неустойка не является способом обеспечения обязательства. То, о чем писали Д.И. Мейер, Г.Ф. Шершеневич и другие русские ученые, неважно; оно попросту игнорируется. Цивилисты советского периода сплошь и рядом заблуждались или обслуживали власть — потому не заслуживают внимания. И наконец, сейчас изрекается истина...

Необольшевизм.

Но конечно, наиболее известной работой Тамары Ивановны является монография «Система гражданско-правовых охранительных мер» (Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982). Это ее диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Не дословно, но в решающей степени. Тогда поначалу эта работа казалась несколько сложной, отягощенной философскими категориями. При внимательном ознакомлении с ней оказалось, что этот труд Т.И. Илларионовой отмечен оптимальным сочетанием высокой теории гражданско-правовой науки и общей теории систем. Бывает, что тот и иной исследователь правовой сферы, прибегая к системному анализу, будучи очарованным этим, безусловно, восхитительным методом (учением), «уходит из права». У Тамары Ивановны работа по праву, по цивилистике. При этом в том числе с опорой на фундаментальное учение о системах.

Тамара Ивановна написала много статей. Здесь она привержена, прежде всего, таким темам, как охранительные правоотношения, деликты, гражданско-правовая ответственность. Это неудивительно, учитывая темы ее упоминавшихся обеих диссертаций. Она писала о структурных особенностях некоторых деликтных обязательств[1], об от-

[1] См.: Гражданские правоотношения и их структурные особенности: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1973. С. 73–81.

дельных аспектах теории правовой ответственности[1], об управлении качеством и унификации мер гражданско-правовой ответственности[2], об ответственности и защите по жилищному законодательству[3] и т.д.

Конечно, не только указанные проблемы входили в сферу ее научных интересов. Так, она писала о структуре гражданской правосубъектности[4]. При этом любопытно, что Тамара Ивановна присоединяется к мнению С.С. Алексеева о необходимости выделять в качестве самостоятельного элемента правосубъектности деликтоспособность (что, впрочем, неудивительно, учитывая, какими темами она была увлечена более всего). И не соглашается с утверждением В.С. Якушева о целесообразности выделять в составе правосубъектности такой самостоятельный элемент, как правовые гарантии. Не согласна Тамара Ивановна с О.А. Красавчиковым, выделяющим в составе правосубъектности трансдееспособность: способность лица своими действиями создавать для других лиц права и обязанности и его способность принимать на себя права и обязанности в результате действий других субъектов.

Писала Т.И. Илларионова о методе гражданско-правового регулирования, о поднормативном регулировании имущественных отношений в гражданском праве, о сделках, о значении форм вины в дифференциации гражданско-правовых санкций и т.д.

Тамара Ивановна принимала участие в подготовке учебников по гражданскому праву. Так, в учебнике 1985 г., подготовленном в 1985 г., в томе 1 Т.И. Илларионова написала главу 26 «Прекращение обязательств». Краткое вступление и лаконичная характеристика оснований прекращения обязательств[5].

Очень четко, выпукло, все необходимое, как и должно быть в книге, являющейся учебником.

Во втором томе этого же учебника Тамара Ивановна написала параграфы 9–15 главы 44 «Обязательства по возмещению вреда». Здесь

---

[1] Рецензия на монографию С.Н. Братуся «Юридическая ответственность и законность». М.: Юрид. лит., 1976 // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 62. С. 149–155.

[2] См.: Правовые проблемы управления качеством продукции на базе стандартизации и метрологического обеспечения: материалы конференции. Свердловск, 1978. С. 378–382.

[3] См.: Основы советского жилищного законодательства: межвуз. сб. науч. трудов. С. 139–149.

[4] См.: Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 62. С. 54–64.

[5] См.: Советское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. С. 527–533.

все гораздо более детализировано. Говорится об объеме, размере и способах возмещения вреда, о возмещении вреда, возникшего в связи с повреждением здоровья гражданина и смертью потерпевшего, о регрессных требованиях в институте обязательств по возмещению вреда и т.д.[1]

Кроме того, во втором томе названного учебника Т.И. Илларионова написала главу 45 «Обязательства, возникающие вследствие спасания социалистического имущества»: нормативная основа возмещения, субъектный состав, юридико-фактическое основание возникновения обязательства, объект спасения и т.д.[2]

Во второй половине 80–90-х гг. прошлого века произошли гигантские перемены во всей нашей жизни. В том числе в экономике, политике, праве, культуре и т.д. и т.п.

Принимались новые законы, которые базировались на иных идеях, нежели на тех, что пропагандировались ранее. Появились новые субъекты гражданских прав (хозяйственные общества и товарищества и др.), новые, точнее, давно забытые, но теперь возвратившиеся объекты (недвижимость и др.), «реабилитированы» вещные права и т.д. и т.п.

Требовалось осмыслить данные и другие новеллы. В издании комментариев к законам — бум! А еще издаются монографии; иногда очень содержательные, иногда пустые. А сколько брошюр, статей! И конечно, учебники, ибо в высшем учебном заведении это необходимая «вещь». Члены кафедры гражданского права УрГЮА (Уральская государственная юридическая академия; ранее — Свердловский юридический институт; ныне — Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева (УрГЮУ) решили, что нам надо написать свой учебник.

Не секрет, что все учебники, даже носящие одинаковые названия (например, «Гражданское право»), существенно различаются как по содержанию, так и по форме подачи материала (стилистике), объему и пр. Нам хотелось написать не простоватый, но доступный студентам учебник. Надеюсь, удалось. В то время он был востребован. Правда, вышла только часть первая[3].

---

[1] См.: Советское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. С. 392–413.

[2] См. там же. С. 414–418.

[3] См.: Гражданское право: учебник для вузов. Часть первая / под общ. ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М.: Изд. гр. НОРМА-ИНФРА-М, 1997. 464 с.

Т.И. Илларионова, естественно, не только занималась редактированием, но и сама немало написала в этом учебнике. Ее глава 1 «Гражданское право — отрасль российского права». Здесь дается общая характеристика отрасли гражданского права, раскрываются предмет и метод регулирования, рассматриваются принципы и функции гражданского права, показывается структура отрасли и говорится о науке гражданского права.

Она написала также главу 21 «Ответственность по российскому гражданскому праву». Здесь речь идет о понятии, формах, основаниях возникновения, видах ответственности и т.д. И еще она автор главы 22 «Прекращение обязательств». А главу 4 написали совместно ответственные редакторы. Любопытно, почему так получилось: когда собрали материал, отредактировали, обнаружили, что попросту забыли про главу 4 «Осуществление гражданских прав, исполнение обязанностей. Способы защиты гражданских прав», хотя в плане она значилась. Никому не поручено писать эту главу. Пришлось поделить на троих.

Тамара Ивановна заведовала кафедрой гражданского права Свердловского юридического института. Как я помню, она не стремилась командовать. Но ее уговорили выставить свою кандидатуру на выборах на заседании кафедры, с тем чтобы заведующим кафедрой не стал единственный и, казалось бы, неоспоримый кандидат... Она согласилась, и ее выбрали. Заведовала кафедрой Тамара Ивановна с 1987 г. до 1992 г. И кажется, с удовольствием уступила это место Владимиру Александровичу Плетневу.

На кафедре гражданского права Тамара Ивановна проработала более тридцати лет.

В том числе руководила аспирантами. Одиннадцать из них стали кандидатами юридических наук.

Впоследствии два ученика Тамары Ивановны стали докторами юридических наук.

Заслуженный юрист Российской Федерации.

Профессор.

* * *

Умерла Тамара Ивановна Илларионова 29 октября 2003 г.

Похоронена на Широкореченском кладбище г. Екатеринбурга.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЕТНЕВ

Все далее сказанное о Владимире Александровиче Плетневе весьма субъективно. Да и можем ли мы, так любящие говорить об объективности всего и вся, быть объективными? И надо ли это везде и всегда?

Я расскажу о В.А. Плетневе, каким я его знал; это мое видение Учителя и друга.

Стало уже едва ли не традицией описание научных (или производственных, политических и пр.) достижений ушедших от нас людей. Зачастую складывается впечатление, будто человек для того лишь и жил, чтобы в назидание потомкам писать книги (или стихи и песни), либо для того, чтобы строить дома, что-нибудь производить и пр. и пр. Нередко остается без внимания, что ушел ЧЕЛОВЕК. А потом уже ученый, писатель, строитель...

Впрочем, показать именно человека невероятно сложно. Удается немногим[1].

Кроме того, есть сферы, куда не следует вторгаться.

За три дня до окончания тысячелетия — 28 декабря 2000 г. не стало Владимира Александровича Плетнева.

В автобиографии В.А. Плетнев писал: «Я, Плетнев Владимир Александрович, родился в с. Сафакулево Сафакулевского района Курганской области 26 апреля 1950 г. В 1957 году пошел в школу. В 1959 году вместе с родителями переехал в Челябинск, где в 1967 году окончил среднюю школу № 63. В комсомол вступил в 1964 году. С сентября 1967 года по апрель 1968 года работал электромехаником Челябинского почтамта. В мае 1968 года был призван на службу и по май 1971 года служил в ВМФ. В 1970 году был принят кандидатом в члены КПСС, а в августе 1971 года — в члены КПСС. В 1971 году поступил на дневное отделение Свердловского юридического института, который с отличием закончил в 1975 году».

---

[1] Так, счастливым исключением являются воспоминания В.Ф. Ходасевича о Брюсове, Андрее Белом, Гумилеве, Есенине и других выдающихся представителях русской литературы начала XX столетия. См.: *Ходасевич В.Ф.* Некрополь: Воспоминания. М.: Статут, 2012. Любопытно, что, выслушав воспоминания о Валерии Брюсове, Горький сказал: «Жестоко вы написали, но превосходно. Когда я помру, напишите, пожалуйста, обо мне» (там же. С. 170). И В.Ф. Ходасевич написал (см. там же. С. 142–170).

Затем учеба в аспирантуре под научным руководством заслуженного деятеля науки РСФСР доктора юридических наук, профессора Красавчикова Октября Алексеевича[1]. Защита кандидатской диссертации 24 ноября 1978 г. Тема диссертации — «Договоры авиационного обслуживания». С 12 ноября 1977 г. Владимир Александрович работает в качестве преподавателя кафедры гражданского права. 27 июля 1983 г. ему присвоено ученое звание доцента.

* * *

Владимир Александрович был блестящим **Учителем.**

Автора этих строк он начал учить гражданскому праву в теперь уже далеком 1978 г. Любопытно, что, по моему тогдашнему разумению, гражданское право есть «муть зеленая». Дело в том, что в отличие от большинства однокурсников у меня к тому времени уже было юридическое образование (среднее специальное). К сожалению, гражданское право, хотя и затрагивалось в ходе обучения в глубокоуважаемом мною учебном заведении, однако явно не было фаворитом среди отраслей права, с которыми нас (учащихся техникума) знакомили. Итак, будучи студентом второго курса Свердловского юридического института, я был весьма невысокого мнения о гражданском праве. Естественно, это мнение получило достаточно широкое распространение среди моих товарищей. И вот в такую в какой-то мере «подогретую» (неумышленно) аудиторию вошел Владимир Александрович Плетнев. Поразительно, но после двух-трех занятий предубеждение по отношению к гражданскому праву растаяло как дым. В этом несомненная заслуга читавшего лекции по части первой гражданского права учителя Владимира Александровича (а затем и моего тоже) профессора Октября Алексеевича Красавчикова и, конечно же, самого Владимира Александровича...

Группу, в которой я учился, Владимир Александрович вел по «лабиринтам» гражданского права два года.

Как преподаватель он был строг.

Регулярно проверялось выполнение домашних заданий. Нерадивый студент мог быть уверен, что будет «опять двойка».

Блестящий методист. Очень четко ставился вопрос. Гарантировалась «свобода слова». В то же время не позволялось «растекаться мыслью по древу» либо увести в сторону от обсуждаемой проблемы.

[1] Об О.А. Красавчикове и его наиболее значимые работы см.: *Красавчиков О.А.* Категория науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. М.: Статут, 2005.

Во всех случаях анализируются высказывания всех принявших участие в дискуссии, выявляются «положительное» и «отрицательное» в позиции того или иного участника дискуссии, формулируется собственное мнение, отмечается, что в науке по соответствующей проблеме существует и иная точка зрения, указывается ученый, сформулировавший такую точку зрения, и его аргументы... И при этом — очень важно — практическое занятие не превращалось в лекцию, в монолог преподавателя. Все очень четко, лаконично, емко, достаточно... Сказано все необходимое. Не сказано ничего лишнего.

Владимир Александрович стремился научить, помочь. Никогда не забуду происшедший в начале третьего курса случай. Решение задачи было однотипным у всех студентов. И его одобрил В.А. Плетнев. Был лишь один «диссидент», впрочем высказавший свое мнение, но не особенно настаивавший на правильности решения. После этого решили еще одну задачу, приступили к следующей. И вдруг Владимир Александрович прерывает свои рассуждения и следует весьма неожиданное: «Вы знаете, я все думаю о той задаче, которую мы решали первой. Мы не правы. Прав...» (называется имя того самого «диссидента»). И следует система аргументов, бесспорно подтверждающих тот факт, что задача должна быть решена так и не иначе.

Довольно сложно, особенно начинающему преподавателю, сказать студентам: «Я не готов ответить на Ваш вопрос. Мне надо подумать». Или: «Мне нужно посоветоваться с коллегами». Или: «Давайте обсудим его на следующем занятии». Владимир Александрович Плетнев мог. Ему совсем нечасто приходилось так говорить. При его-то знаниях! И все же такое случалось. (Любопытно, что никто из претендовавших на вступление в сообщество правоведов, обычно судящих своих преподавателей достаточно строго, не делал вывода: «Он сам ничего не знает». Напротив, такая позиция вызывала уважение.) Владимир Александрович мог, видимо, потому, что ставил перед собой цель научить, а не выглядеть эффектно любой ценой, «подавить эрудицией» и т.п. (захоти он последнего, это было бы ему совсем нетрудно). Помню, по окончании второго курса на последнем занятии Владимир Александрович, не называя имен (!), высказал благодарность тем студентам, которые проявили наибольшее усердие в постижении гражданско-правовой материи и показали хорошие знания. Были и такие слова: «Я старался помочь вам в изучении гражданского права...» Всем бы нам (преподавателям) такое старание!

Владимир Александрович всегда держал необходимую дистанцию в отношениях со студентами (впоследствии я увидел, что при всей

широте его натуры (его души) соответствующее правило распространялось не только на студентов).

* * *

В.А. Плетнев — **Ученый**. Слова этого по отношению к себе он не допускал, в крайнем случае — с изрядной долей иронии. По-видимому, такая позиция была обусловлена чрезвычайно трепетным отношением к науке и высочайшей требовательностью к себе. Думается, эти же обстоятельства явились отправными при формировании стиля исследования, свойственного трудам В.А. Плетнева[1].

В научном стиле Владимира Александровича (как и любого другого ученого) в какой-то мере угадываются человеческие качества автора, его культурный уровень. Видимо и то, что он прежде всего **Учитель**. Если же попытаться обнаружить характерные черты стиля В.А. Плетнева, то первое, на что нельзя не обратить внимание, — это основательность подхода к исследованию той или иной проблемы. Анализировал ли Владимир Александрович правовое положение воздушно-транспортного предприятия или правосубъективность в механизме правового регулирования либо рассматривал иной вопрос, он всякий раз учитывал ранее сделанные в литературе высказывания, касающиеся предмета исследования. Работы отмечены оптимальным сочетанием «высокой теории» и «практики». Материал подается лаконично, без «архитектурных излишеств». Все необходимое и ничего лишнего. Поэтому произведениям В.А. Плетнева чужда легковесность. Поэтому в них нет утверждений «с кондачка». Это добротные научные работы, изучение которых требует труда читателя (они не относятся к тем, что можно читать на сон грядущий).

«Ультрареволюционных» идей Владимир Александрович, похоже, избегал. В то же время нельзя не отметить его «научную смелость». Так, в гражданско-правовой науке едва ли не безраздельно господствует концепция, в соответствии с которой характер, содержание и исчерпывающий перечень вещных прав определяются законом.

Однако В.А. Плетнев пишет: «Систему вещных прав вряд ли можно считать состоящей из исчерпывающего перечня. Любое титульное владение является по своей природе вещным правом и может возникать

[1] Некоторые работы В.А. Плетнева вошли в сборник, изданный много лет спустя после его смерти. См.: *Плетнев В.А.* Избранное / сост. и науч. ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. 224 с.

в том числе и на основе договора. Договор аренды порождает не только обязательственное правоотношение между сторонами, но и вещное между арендатором и неопределенным кругом лиц. Одна и та же вещь может быть объектом и обязательственных, и вещных отношений. В силу того, что гражданские права и обязанности возникают не только из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла закона порождают гражданские права и обязанности, эти действия могут породить особые вещные права, не называемые законом и иными правовыми актами»[1].

При этом в сноске делается оговорка о том, что существует иная позиция, указывается ее наиболее яркий сторонник и работа, в которой изложена соответствующая точка зрения.

В результате: а) высказано свое мнение; б) материал подан объективно и предельно корректно по отношению к ранее сделанным высказываниям.

Не место вдаваться в полемику. Пожалуй, и обозначать свою позицию автору этих строк не следует. Опять-таки — не место. Нельзя, однако, не заметить, что, к сожалению, подобный стиль исследования не является преобладающим в современной юридической литературе. Нередко главным аргументом в пользу того или иного утверждения служит ссылка на мнение авторитетного ученого. Отсылки, разумеется, нужны. Но одной отсылки мало. Во-первых, мнение одного авторитетного ученого едва ли не всякий раз может быть опровергнуто утверждением не менее уважаемого исследователя. Так, бесспорно выдающимся ученым является Г.Ф. Шершеневич и, слава Богу, его труды возвращены в научный оборот[2]. В то же время в работе, не уступающей по популярности цивилистическим исследованиям Г.Ф. Шершеневича, об учебнике Г.Ф. Шершеневича сказано: «Репетиториум, удовлетворяющий современным требованиям. Некоторые учения, имеющие второстепенное с точки зрения догматики значение,

[1] См.: Гражданское право: учебник для вузов. Часть первая / под общ. ред. Г.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М.: Норма, 1997. С. 297.

[2] См., в частности: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907). М.: СПАРК, 1995. Издательством «Статут» в серии «Классика российской цивилистики» изданы «Учебник русского гражданского права» в двух томах (2005), «Курс торгового права» в двух томах (2003), «Конкурсный процесс» (2000). В 2016–2017 гг. издательством «Статут» издано пятитомное собрание избранных произведений Г.Ф. Шершеневича, в котором составителем и автором вступительных слов к каждому тому выступил П.В. Крашенинников.

изложены очень подробно, и наоборот, многим капитальным учениям отведено слишком мало места. В учебнике масса крупных ошибок»[1].

Кстати, по мнению Д.И. Мейера, есть «случаи, в которых право пользования по найму обращается в вещное право нанимателя, становится правом на чужую вещь»[2].

Во-вторых, памятуя о ранее сделанном в науке, не следует отступать от библейского «Не сотвори себе кумира». В науке должна торжествовать формула «Платон мне друг, но истина дороже». Впрочем, иногда «голая» отсылка есть элементарное «злоупотребление правом».

Вряд ли правильно научные воззрения (может быть, и сомнительного характера) отвергать «с порога» или попросту игнорировать. Учитывая существующее в юридической науке мнение (пусть и не относящееся к господствующему), которое здесь изложено в цитатах Д.И. Мейера и В.А. Плетнева, можно ли согласиться с тем, что в большинстве исследований, посвященных вещным правам, о наличии такого мнения даже не упоминается.

Следует еще раз подчеркнуть, что в данном случае не преследуется цели аргументировать или опровергнуть точку зрения, в соответствии с которой систему вещных прав вряд ли можно считать состоящей из исчерпывающего перечня. Речь «всего лишь» о научном стиле В.А. Плетнева.

* * *

Владимир Александрович был человеком необычайно энергичным (некоторые из его друзей говорили о нем: неугомонный). Не припоминаю его шедшего куда-либо неторопливо. Всегда стремителен. Его всегда ждет масса дел. Удивительно ли, что за время работы в юридическом институте (позже — юридической академии) он был и куратором академической группы, и председателем совета по работе в студенческом общежитии, и членом группы народного контроля, и физоргом кафедры, и членом профбюро факультета и т.д. и т.п.? Удивительно ли, что за тот же период он окончил двухгодичный университет педагогического мастерства при Свердловском юридическом институте, факультет повышения педагогической квалификации при Свердловском институте народного хозяйства, побывал на стажировках в Госарбитраже при Свердловском облисполкоме и во ВНИИСЗ (Всесоюзный

[1] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 1. С. 52.
[2] Там же. С. 626.

научно-исследовательский институт советского законодательства; ныне Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации), что около года длилась его научная стажировка в ФРГ (г. Кельн)?.. В.А. Плетнев заведовал подготовительным отделением Свердловского юридического института (1980–1984), был заместителем заведующего кафедрой, а с 19 октября 1992 г. до 31 августа 2000 г. — заведующим кафедрой гражданского права, с марта 1999 г. В.А. Плетнев — заместитель, а затем первый заместитель председателя Арбитражного суда Свердловской области. Все это время он успевал читать лекции по гражданскому праву, спецкурсу «Проблемы гражданского права», проводить практические занятия, вести научно-исследовательскую работу, а также участвовать в научных конференциях, проводившихся в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени, Твери, Домбае, Риге, Иркутске, Екатеринбурге...

В 80-х — начале 90-х гг. В.А. Плетнев активно участвовал в работе по т.н. хоздоговорам. Сейчас уже стало забываться соответствующее понятие: институт заключает договор с каким-либо министерством, заводом и т.п. Ну, скажем, хоздоговор по теме «Материально-техническое обеспечение производственного объединения в условиях перехода к рыночным отношениям» (такой договор был с одним из московских производственных объединений; руководителем темы был как раз Владимир Александрович, а я участвовал в выполнении работ). Сотрудники института обобщают практику, анализируют состояние договорной работы, вырабатывают различного рода рекомендации (например, по определению размера убытков, причиненных поставкой продукции ненадлежащего качества) и т.д. и т.п.

Такого рода работа приносила определенную пользу и институту, и сотрудникам, принимавшим участие в такой работе, и заказчику. Кроме банального желания заработать[1], работа по «хоздоговору» привлекала еще и тем, что благодаря ей можно было увидеть, как реализуется на практике то или иное положение закона, ощутить обусловленность правовых норм и практики их применения соображениями экономического или иного порядка, очень часто увидеть то, что не прочтешь ни в одной книге (некоторые явления напрочь игнорируются учеными, поскольку представляются порочными с точки зрения доктринальной (даже если они имеют всеобщее или достаточно широкое распространение) либо кажутся слишком мелкими с позиций юридической

[1] Оплата примерно равнялась аспирантской стипендии (рублей 80). Иногда чуть больше (100–150 руб.).

науки. Но ведь для того, чтобы они «казались» слишком «мелкими» (или «крупными»)), их надо знать. Может быть, благодаря в том числе работе по «хоздоговорам» В.А. Плетнев, в научной работе иногда «уносясь в заоблачные выси», никогда не забывал вернуться на «грешную землю»: или отталкивался от какой-либо практической потребности, или стремился проследить, к каким практическим последствиям может привести реализация положения, сформулированного доктриной.

* * *

Очень внимательный к людям. Он обладал редким даром — умел слушать и слышать человека. И понять его. С ним можно было посоветоваться, попросить о помощи. Помогал многим и многим. Словом и делом. Сам не очень любил просить помощи. Если, однако, он чувствовал «недобросовестность» говорящего (очевидную неправоту, обман, злоупотребление добрым отношением и т.п.), то проявлялся взрывной характер Владимира Александровича. В моем присутствии некий «исследователь» как-то попытался изложить идею о формировании новой отрасли права. Разумеется, за счет права гражданского. Нет нужды говорить, о чем речь, дабы не пропагандировать, на мой взгляд, более чем сомнительные «вещи», тем более что они до сих пор не обнародованы. Владимир Александрович прервал настроившегося на длительный монолог «отца-основателя» достаточно резко: «Попытайтесь. Сомневаюсь, что из Ваших потуг что-то выйдет». Впрочем, в последние годы характер его существенно смягчился. Он стал гораздо более терпимым. Снисходительнее, что ли. Не торопился судить людей (воистину: «Не судите, да не судимы будете»).

* * *

Владимир Александрович Плетнев был очень яркий и разносторонний человек.

Прекрасно образованный. Говорящий на безупречном русском языке, не испорченном «внешним» (иноязычным) влиянием. К сожалению, такое «внешнее» влияние всегда было достаточно активным. В последние 15–20 лет мы узнали много «новых» слов и словосочетаний. Проявляется это и в праве, и в правовой науке. Жонглирование иностранными словами, не всегда понятными слушателю (читателю), вообще стало модно. По-видимому, он (слушатель, читатель), по замыслу говорящего (пишущего), таким образом должен почувствовать свою ущербность

и восхититься образованностью (?) излагающего что-либо. Владимиру Александровичу такой метод подачи материала, да и просто способ общения, был чужд. В то же время при обсуждении специально-юридических проблем он мог легко вспомнить эквивалент какого-либо понятия термина на немецком языке, которым владел свободно.

В.А. Плетнев не был воинствующим радетелем чистоты русского языка. Но он никогда **не мог** сказать «ми́зерный», «обеспече́ние», «гене́зис» и т.п., хотя большинство именно так и говорит. Интересно, что при всем этом он сам прекрасный стилист, восхищался речью одного из московских профессоров («Как он говорит!»). Владимир Александрович мог учить и умел учиться.

Трепетное отношение к русскому языку проявлялось и в том, что, проверяя студенческие курсовые или контрольные работы, он просто не мог не расставить недостающие знаки препинания (или вычеркнуть лишние), исправить грамматические ошибки и т.п.

Владимир Александрович отличался великолепным чувством юмора. При этом часто юмор был мудрым, что ли. Вспоминается, что году в 1999-м, увидев, что я прихрамываю, он очень обеспокоенно спросил о причине. Как я потом понял, всей душой желая сочувствия, я довольно многословно стал излагать... В том числе были слова: «Такого никогда не было». На что Владимир Александрович, сдержанно улыбаясь, но вполне серьезно произнес: «Привыкай. Дальше хуже будет». Да уж...

* * *

Как известно, у нас «встречают по одежке». Владимиром Александровичем всегда гарантировалась хорошая встреча. Потому что он не просто аккуратно одевался. Нет. Костюм его всегда был изысканным. Он был щеголь, «как dandy лондонский одет». Думаю, это ему было органически присуще с детства. Помнится, он рассказывал мне, как он «доставал» в Москве плащ...

В 60-е годы прошлого века в Советском Союзе были невероятно популярны плащи (дождевики) из болоньи. Это был культ, символ. Тем более что в каком-то фильме в таком плаще был сам Ален Делон. Это о нем, о плаще, пел В.С. Высоцкий:

Мои друзья хоть не в болонии,
Зато не тащат из семьи.
А гадость пьют — из экономии,
Хоть поутру, да на свои!

(«Диалог у телевизора»)

Это о нем до сих пор поет А.Я. Розенбаум:
По улице Марата
Мы шли толпой лохматой,
Болонии под горло застегнув...

И еще:
Хрустят плащи-болонии —
Доставки загранплаванья:
То теплоход «Эстония»
Ошвартовался в гавани.

(«На улице Марата»)

Ну как мог школьник Володя Плетнев жить в г. Челябинске, не имея такого плаща? Насколько я понимаю, семья была очень небогатой. Он где-то заработал сколько-то денег и на поезде поехал в Москву «за болоньевым плащом» (время в пути более суток).

«Достал» он плащ, который в то время, кстати, стоил 60–80 рублей (средняя зарплата тогда была 120–140 рублей).

Так или иначе, многое повторяется в нашей жизни. Наверное, в 2000 г. мы с Владимиром Александровичем оказались в Санкт-Петербурге на каком-то научном мероприятии высокого уровня, судя по составу его участников. Из Екатеринбурга была еще Тамара Ивановна Илларионова, доктор юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права Свердловского юридического института — Уральской юридической академии (1987–1992), профессор. Замечательный человек, к сожалению, рано ушедший из жизни (в 2003 г.). Когда удалось найти время, свободное от кипучей научной деятельности, мы с Тамарой Ивановной гуляли по Невскому проспекту, пили кофе... Владимир Александрович отлучился, позже подъехал. Оказывается, еще дома, в Екатеринбурге, он увидел по ТВ рекламу какого-то пальто, изготавливаемого в Санкт-Петербурге; созвонился с отделом сбыта фабрики, где создавали сей шедевр, и узнал, что можно приехать и купить. Съездил. Купил. Демонстрировал. Стильное пальто. Серо-черное, «в елочку».

Может, и правда надо украшать свою жизнь такими милыми безделушками...

И еще о его отношении к одежде. У него была великолепная шуба. Не знаю, какой был мех, но выглядела она потрясающе! Мужчины тогда такое обычно не носили, но Владимир Александрович выглядел в ней шикарно.

А шапка?! В то время очень популярна была шапка из ондатры. Верх мечтаний — из норки. У Владимира Александровича — из бобра. Вспоминается знаменитый портрет Ф.И. Шаляпина в тяжелой бобровой шубе, написанный Б.М. Кустодиевым...

При всем этом он хорошо чувствовал обстановку и знал, куда следует явиться в джинсах, а где без бабочки ну никак не обойтись.

Владимир Александрович вообще жил красиво.

Красивый человек, он притягивал к себе людей умом, пониманием, терпением, готовностью помочь...

* * *

Владимир Александрович был женат дважды. Первой его женой была дочь известного советского цивилиста, работавшего на кафедре гражданского права СЮИ, Емельяна Дмитриевича Шешенина Ольга Емельяновна. Она тоже занималась научной и преподавательской деятельностью в СЮИ (гражданским процессом). У них дочь Вера, которой Владимир Александрович очень гордился. Сейчас она судья арбитражного суда.

Второй женой стала Елена Валерьевна Кузнецова, тоже работавшая в СЮИ.

«Иных уж нет, а те далече».

* * *

В том, что мы называем обыденной жизнью, Владимир Александрович, как и во многом другом, выделялся. Любил порядок во всем. Любил, чтобы кругом было красиво. Я бывал у него дома. Не то чтобы очень часто, но все же... Красивая мебель, великолепно накрытый стол с изысканными блюдами... Кроме прочего, помнится, гостям демонстрировался редкий в те времена в нашей стране такой предмет мебели, как кресло-качалка.

На письменном столе — что дома, что в институте (академии) — ничего лишнего, но все необходимое. И никогда не было того, что мы любим называть творческим беспорядком, — все упорядочено.

В этой самой обыденной жизни Владимир Александрович отличался практичностью, организованностью при решении в том числе и, казалось бы, самых мелких вопросов. Так, мы часто бывали в командировках (в Москве, Ленинграде, Магнитогорске и т.д.). В те времена, как правило, в гостиницах селили в многоместные номера (что хорошо

показано в многочисленных советских кинофильмах, например в «Мимино» Георгия Данелии). Хорошо, если номер двухместный. О таком способе подачи пищи, как шведский стол, сегодня едва ли не общепринятом, в те времена в нашей стране мало кто знал. К счастью, у Владимира Александровича всегда были с собой кипятильники, концентраты каш, растворимый кофе... Пока я, как обычно, несколько неорганизованно собираюсь (на завод, научную конференцию и т.п.), у него уже все готово. И он поторапливает: «Скорее завтракать. Опаздываем!»

В некоторых случаях в таких ситуациях я узнавал от него нечто мне неведомое. Помню, в Ленинграде надо было бежать на какое-то очередное мероприятие, а я чуть ли не в отчаянии не могу найти расческу (наверное, потерял). Владимир Александрович примерно так: «Не занимайся ерундой! Возьми зубную щетку». Выручил «в трудный час», помог. Ни до того, ни после того не слышал о таком способе «укладки волос», но мне тогда совет пригодился (в то время (вторая половина 1980-х — первая половина 1990-х гг.) растительность на наших головах уже можно было «уложить» зубной щеткой).

* * *

Годы жизни Владимира Александровича Плетнева: 26 апреля 1950 г. — 28 декабря 2000 г. Умер внезапно. На 29 декабря было намечено празднование Нового года в Уральском отделении Российской школы частного права при Президенте Российской Федерации (ныне Уральский филиал Исследовательского центра частного права при Президенте Российской Федерации имени С.С. Алексеева). Как отмечалось, к созданию этого филиала Владимир Александрович Плетнев имел самое непосредственное отношение. И преподавал курс «Вещное право».

А 28 декабря 2000 г. В.А. Плетнева не стало.

Похоронен Владимир Александрович Плетнев на Широкореченском кладбище города Екатеринбурга.

МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА КИРИЛЛОВА

Мария Яковлевна Кириллова родилась 1 апреля 1921 г. в деревне Желяновке Ишимского района Тюменской губернии[1]. Отец ее был рабочим, мать — домохозяйкой.

В школе она училась очень хорошо и окончила ее с почетной грамотой. Это давало возможность поступить в высшее учебное заведение без экзаменов. В 1940 г. Мария Яковлевна поступила в Свердловский юридический институт (далее — также СЮИ). Но в 1941 г. началась Великая Отечественная война. Мария Яковлевна окончила в том же 1941 г. двухмесячные курсы военных радистов. И стала инструктором, т.е. стала обучать других людей. Следовательно, уже тогда обнаружилась ее способность учить.

С марта 1943 г. Кириллова М.Я. на фронте. Харьков. И ее снова оставили при штабе фронта обучать — повышать квалификацию радистов. Ее способность к преподаванию была очевидной. Позже служила радистом в штабе фронта.

Демобилизована в августе 1945 г. Снова СЮИ, который она с отличием окончила в 1948 г. Поступила в аспирантуру, т.е., как говаривали в царское время, Мария Яковлевна Кириллова «была оставлена в университете для приготовления к профессорскому званию».

Научным руководителем был теперь знаменитый Борис Борисович Черепахин, «в народе того времени ББЧ»[2]. Он появился в институте в 1939 г. Стал заведовать кафедрой гражданского права и процесса, был назначен проректором института. Впоследствии (в 1952 г.) Б.Б. Черепахина пригласили заведовать кафедрой Ленинградского юридического института, а потом, после воссоздания юридического факультета в Ленинградском государственном университете (ныне

---

[1] Именно так — губернии. Она была ликвидирована в 1923 г. А Тюменская область появилась только в 1944 г.

[2] О Б.Б. Черепахине см.: *Алексеев С.С.* Борис Борисович Черепахин // Черепахин Б.Б. Труды по гражданскому праву. 2-е изд. М.: Статут, 2020. С. 5–12; *Крашенинников П.В.* Заповеди советского права: очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. С. 175–188; *Толстой Ю.К.* Уроки Черепахина // Толстой Ю.К. Из пережитого. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2013. С. 285–298.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)), он стал деканом юридического факультета и заведующим кафедрой гражданского права, позже — профессором кафедры гражданского права.

Одновременно «в учениках» у Б.Б. Черепахина оказались будущие корифеи: С.С. Алексеев, О.А. Красавчиков, В.М. Шахматов, Е.Д. Шешенин. Хорошая компания, фронтовики, целеустремленные... Сильные люди!

Кандидатскую диссертацию Мария Яковлевна защитила в июне 1952 г. Тема: «Исковая давность по советскому гражданскому праву».

Преподавательскую деятельность в СЮИ Мария Яковлевна начала в 1948 г.

С 1955 по 1959 г. М.Я. Кириллова преподает в Пекинском политико-юридическом институте (КНР). Читала лекции и в Шанхае, Нанкине студентам, разного рода руководителям и т.д. На китайском языке были изданы две ее книги: «Гражданское право СССР» (Пекин, 1957) и «Гражданский процесс» (Пекин, 1957).

Далее снова преподавание в СЮИ. До конца своих дней (до 2018 г.).

Как видно из уже сказанного, Мария Яковлевна была преподавателем от Бога. Сама она справедливо говорила, что преподает с 1941 г. Преподавателем она была строгим, но справедливым. Болела душой за дело. Мария Яковлевна особое внимание уделяла воспитанию студентов и молодых коллег. Меня — Б. Гонгало — она, кстати, нередко упрекала в недостаточной жесткости в руководстве кафедрой. Но при ее строгости она была доброжелательной. Многим теперь уже маститым юристам (или считающими себя таковыми) она не только дала путевку в правоведение, но и поддерживала с ними теплые отношения в последующие годы, помогала советом и т.д. Большинство ее учеников о ней не забывали. Так, П.В. Крашенинников, учившийся у Марии Яковлевны, проживающий в Москве, но часто бывающий в Екатеринбурге, едва ли не всякий раз приходил к Марии Яковлевне. Иногда шампанское, иногда чай... И разговоры...

В сентябре 1983 г. без защиты докторской диссертации М.Я. Кириллова становится профессором.

М.Я. Кириллова была демобилизована радистом первого класса в звании старшины.

Деятельность Марии Яковлевны Кирилловой многократно отмечалась государством: она награждена орденами и медалями. Особо можно выделить орден Отечественной войны, медаль «За боевые заслуги», медаль Жукова. У нее множество ведомственных и иных наград: нагрудные знаки «За отличные успехи в работе» (1998), «Почетный работник

высшего профессионального образования Российской Федерации» (1999), медаль Анатолия Кони (2001), нагрудный знак «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации» и т.д. В 2015 г. Мария Яковлевна была удостоена звания «Юрист года».

Великая благодарность Марии Яковлевне Кирилловой за ее талант, терпение и время, которые были отданы своим ученикам.

Благодарность за то, что кафедра гражданского права Уральского государственного юридического университета (ранее — СЮИ, УрГЮА) такая, какая она сегодня есть (естественно, на мой взгляд, замечательная). Это ведь Мария Яковлевна в значительной степени предопределила нынешний «облик» кафедры. И дело не только в том, что Мария Яковлевна работала на кафедре гражданского права с момента ее образования (1954 г.), а до того работала на кафедре гражданского права и процесса. Дело прежде всего в том влиянии, которое оказывала Мария Яковлевна на жизнь кафедральную. Оно всегда было колоссальным. И не могло быть другим, учитывая то, какая она — Мария Яковлевна.

Благодарность за то, что она «привела на кафедру» многих ныне известных юристов. Кто-то из них и ныне работает на кафедре, кто-то занимается другими, не менее важными делами. Кажется, Мария Яковлевна вела занятия на курсе, где учился А.А. Евстифеев. Она же руководила его дипломной работой (кажется, о неосновательном обогащении). Мария Яковлевна дала «путевку в профессиональную жизнь» В.А. Бублику, доктору юридических наук, профессору, ректору УрГЮУ...

Благодарность за то, что Мария Яковлевна учила нас. Учила не только гражданскому праву. Но и жизни. Умению работать, тому, какими должны быть отношения между коллегами, как относиться к студентам... Очень многому.

Мария Яковлевна — Учитель.

* * *

Мария Яковлевна Кириллова оставила богатое научное наследие (о нем далее). Но думается, научным наследием является и то, что под ее руководством успешно защищены диссертации П.В. Крашенинниковым, А.В. Брызгалиным, С.Г. Кимом, Ю.Л. Ершовым, Л.Ю. Добрыниной, С.Б. Полич, Е.А. Рыжковской, Е.М. Подрабинок.

И все ее ученики отмечают ее требовательность и доброту...[1]

[1] См., напр.: *Крашенинников П.В.* В учениках у Марии Яковлевны Кирилловой. Памяти любимого учителя // Победитель. Созидатель. Учитель: памяти профессора

Об отношении учеников к своему учителю говорят красноречивые слова Павла Владимировича Крашенинникова: «В 1990 г. у меня родилась дочь, мы ее назвали в честь Марии Яковлевны. Поэтому дочь у нас Маша. Потом Мария Яковлевна все время спрашивала, как Мария поживает. Это тоже важно сказать. Маша об этом знает, все родные знают, и я очень рад и благодарен, что они меня поддержали»[1].

Умерла Мария Яковлевна Кириллова 18 февраля 2019 г.

Похоронена на Сибирском кладбище г. Екатеринбурга.

* * *

Теперь о научном наследии профессора М.Я. Кирилловой.

Предлагается **краткий обзор избранных** работ Марии Яковлевны Кирилловой. Избранных мною — Брониславом Гонгало. Почему выбраны именно эти работы? Потому что мне они представляются наиболее значимыми, наиболее ярко характеризующими творчество Марии Яковлевны. Не составляет труда ознакомиться с ее произведениями[2]. В данном же случае предлагается субъективное мнение о некоторых работах М.Я. Кирилловой и их значении.

Труды Марии Яковлевны, несомненно, сохраняют актуальность. Как представляется, некоторые положения произведений (их части) Марии Яковлевны вызывают интерес с **исторической** точки зрения. Причем не только как «преданья старины глубокой», но и как демонстрирующие обусловленность многих теоретических и практических решений (в том числе в законотворчестве) тем, что было. Конечно, многое написанное Марией Яковлевной помогает понять сегодняшний день (законодательство, практику его применения и т.д.), исходя из сформулированных ею **теоретических** позиций. Хотя случается, что сегодняшние решения не были бы приняты, если бы учитывались ранее высказанные идеи. Мария Яковлевна написала немало работ (о сроках в гражданском праве, праве собственности и праве

Марии Яковлевны Кирилловой: сб. статей / под ред. Б.М. Гонгало и П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2021. С. 9–16; *Ким С.Г.* Воспоминания о профессоре М.Я. Кирилловой и «хождении в науку» // Там же. С. 149–162; *Брызгалин А.В.* Мария Яковлевна Кириллова: требовательный наставник и добрый человек // Там же. С. 186–190.

[1] *Крашенинников П.В.* В учениках у Марии Яковлевны Кирилловой. Памяти любимого учителя. С. 17.

[2] Список трудов см.: Победитель. Созидатель. Учитель: памяти профессора Марии Яковлевны Кирилловой: сб. статей / под ред. Б.М. Гонгало и П.В. Крашенинникова. С. 191–199.

оперативного управления, поставке и качестве продукции, авторском праве и изобретательском праве, жилищно-строительных кооперативах и гражданском правоотношении и т.д.). Но естественно, что суть не в количестве трудов. Суть в том влиянии, которое они оказывали и оказывают на **развитие цивилистической науки**, совершенствование законодательства и практики его применения. Заслуживает внимания **творческий метод**, используемый Марией Яковлевной. То, как она писала, несомненно, оказывало и оказывает влияние на **преподавание**.

В 60–70-е гг. прошлого века Мария Яковлевна «работала на докторскую диссертацию». Это очевидно следует из глубины проработки материала, степени погружения в теорию гражданского права, тщательнейшего анализа практических проблем, отточенности формулировок...

В 1961 г. О.А. Красавчиков так подписал Марии Яковлевне свою книгу «Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система)» — докторскую диссертацию: «Дорогой Марии Яковлевне Кирилловой с наилучшими пожеланиями и в ожидании эквивалента».

Тема кандидатской диссертации Марии Яковлевны: «Исковая давность по советскому гражданскому праву». После защиты диссертации в Свердловске в 1952 г. М.Я. Кирилловой было издано много работ, посвященных рассмотрению исковой давности, — статей, монографий, глав учебников и т.д. Последние работы, написанные Марией Яковлевной, тоже про исковую давность: комментарии к Гражданскому кодексу Российской Федерации, книги, главы учебника... Замечательно, что ряд работ выполнены в соавторстве с благодарным учеником Марии Яковлевны Павлом Владимировичем Крашенинниковым[1].

М.Я. Кириллова очень обстоятельно рассмотрела **суть исковой давности**, показала ее **значение** для регулирования общественных отношений и защиты нарушенных прав. Говоря попросту, Мария Яковлевна в том числе рассказала, зачем (для чего) нужна исковая давность.

Так, в 1966 г. она указывала:

«Если лицо, право которого кем-либо нарушено, неопределенно долгое время не обращается за защитой своих интересов, неактивно в восстановлении нарушенных прав, то и нет оснований гарантировать

[1] См., например: Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий к части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. С. 553–570; *Кириллова М.Я., Крашенинников П.В.* Сроки в гражданском праве. Исковая давность. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2016; Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 5-е изд., перераб. и доп. С. 403–423.

ему защиту права всегда, в любое время, независимо от истекшего срока с момента нарушения этих прав»[1].

«Отсутствие института исковой давности в значительной степени поколебало бы воздействие права, которым вносится определенная стройность, целенаправленность в систему имущественных отношений»[2].

«Если... надлежит рассмотреть дело, из которого видно, что спорное правоотношение возникло длительное время назад, доказательства в значительной степени не сохранились, нет возможности точно установить объем правомочий истца и т.д., то суд, арбитраж, третейский суд может сказаться не в состоянии правильно разрешить дело»[3].

Из сказанного видно, что Мария Яковлевна, с одной стороны, опирается на идеи, сформулированные русскими цивилистами (хотя и нельзя было сослаться на соответствующие работы, написанные до 1917 г.). Например, Г.Ф. Шершеневич, рассматривая социальное основание давности, вскользь упомянув несколько точек зрения, указывает следующее: «Действительное основание давности заключается в том, что общество нуждается в прочном порядке и всякая неопределенность отношений, способная колебать приобретаемые права, возбуждает против себя протест»[4].

С другой стороны, Мария Яковлевна аргументирует свою позицию гораздо более обстоятельно.

Не случайно изложенные о понятии и значении исковой давности позиции воспроизводятся в современной литературе.

Мария Яковлевна четко разграничивает понимание и значение исковой давности с точки зрения **процессуального** права и исходя из положений **материального** права.

Не секрет, что нередко исковая давность рассматривается в литературе с процессуальной точки зрения. Часто по этому пути идут и законы. Так, Е.В. Васьковский в конце XIX в. в учебнике гражданского права достаточно категорично утверждал, что «исковая давность ус-

---

[1] *Кириллова М.Я.* Исковая давность. М.: Юридическая литература, 1966. С. 15.

[2] Там же. С. 15.

[3] Там же. С. 16. См. также: Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий: в 3 т. Т. I: Комментарий к части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. С. 558 (авторы комментария к ст. 195 — М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинников); Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2021. С. 400 (авторы главы — М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинников).

[4] *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. С. 190–191.

тановлена в **публичном интересе** с целью устранить неопределенность прав»[1] (выделено мной. — *Б.Г.*). В 1965 г. В.Г. Вердников и А.Ю. Кабалкин, говоря о гражданских кодексах союзных республик, принятых и введенных в действие в 1963–1965 гг., указывают: «Сроки исковой давности... исчисляются по впервые включенным в ГК РСФСР и гражданские кодексы большинства других республик правилам главы «Исчисление сроков». В Украинской ССР, Белорусской ССР эти вопросы по-прежнему решаются в гражданских процессуальных кодексах»[2].

В этой связи Мария Яковлевна указывает: «...уже нет сомнений в том, что исковая давность является гражданско-правовым институтом, так как она определяет сроки для защиты нарушенного материального права с помощью принудительных мер...»[3]. Детально проанализировав точку зрения, в соответствии с которой исковая давность не только является гражданско-правовым институтом, но и имеет прямое отношение к процессуальному праву и является одновременно процессуальным институтом, а также аргументировав несостоятельность такой точки зрения, Мария Яковлевна констатирует: институт исковой давности имеет материально-правовое значение. «Речь идет о защите *нарушенного материального права*. Под защитой понимается, безусловно, не сам процесс как форма, в которой осуществляется рассмотрение вопроса о защите, а именно результат этой формы — удовлетворение требований истца, которые он предъявляет к должнику. Судебный процесс представляет собой одну из форм осуществления защиты нарушенного права»[4].

Понятие «исковая давность» неразрывно связано с понятием **«право на иск».** Так, наиболее известный специалист по вопросам давности по русскому гражданскому праву, творивший до 1917 г., И.Е. Энгельман[5]

---

[1] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 185.

[2] *Бердников В.Г., Кабалкин А.Ю.* Новые гражданские кодексы союзных республик. М.: Юридическая литература, 1965. С. 44.

[3] *Кириллова М.Я.* Исковая давность. С. 8.

[4] Там же. С. 10.

[5] Об авторитете этого ныне почти забытого выдающегося российского цивилиста, в частности, свидетельствует тот факт, что в 1944 г., когда если и вспоминали дореволюционных ученых, то лишь для того, чтобы указать на ошибочность их воззрений, М.М. Агарков в списке литературы к главе учебника об исковой давности указал всего два источника. Один из них — 1926 года издания, а другой — работа И.Е. Энгельмана, опубликованная в 1901 г. См.: Гражданское право. Т. I / под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М., 1944. С. 116.

указывал: «Исходная точка зрения давностного срока определяется положительным возникновением права на иск»[1].

Право на иск обстоятельно наследовалось специалистами в области гражданского права, но прежде всего, конечно, процессуалистами. Мария Яковлевна, проанализировав разные точки зрения, указывала следующее: «...право на иск необходимо рассматривать в двух аспектах: процессуальном и материальном. В процессуальном смысле право на иск — это право на предъявление иска, в материально-правовом — это право на удовлетворение иска, право на принудительное осуществление материально-правового требования... Право на иск в материальном смысле... есть определенное правомочие на осуществление нарушенного или оспоренного субъективного права путем применения предусмотренных законом принудительных мер к должнику...»[2].

«Действие исковой давности не распространяется на право на иск в процессуальном смысле»[3]. «Установление законом сроков исковой давности имеет стимулирующее, дисциплинирующее значение, создает угрозу для заинтересованного лица в отказе в защите его нарушенного в принудительном порядке, но не преследует цели прекращения существования самого материального права»[4].

По мере углубления специализации понятие «право на иск» становилось все менее интересным цивилистам. Мы чаще говорим о праве (правомочии) на защиту гражданских прав, о мерах защиты и мерах ответственности и т.д. Под иском в гражданском законе понимается способность материального субъективного права к принудительному осуществлению через суд[5], т.е. то, что Мария Яковлевна называла правом на иск в материальном смысле. В процессуальной же науке возобладало мнение, в соответствии с которым «иск является понятием и институтом процессуального права, следовательно, он не может быть... двойственным материально-процессуальным институтом»[6].

Создается ошибочное впечатление, что приведенные здесь взгляды Марии Яковлевны на понимание права на иск оказались не востребованы современной цивилистической наукой. Не вдаваясь в вопросы

---

[1] *Энгельман И.Е.* О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование. М.: Статут, 2003. С. 401 (Классика российской цивилистики).

[2] *Кириллова М.Я.* Исковая давность. С. 18.

[3] Там же. С. 19.

[4] Там же.

[5] См.: Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2020. С. 222 (автор главы — В.В. Ярков).

[6] Там же. С. 223.

терминологии, можно констатировать, что они, несомненно, сказались на существующем учении о защите гражданских прав[1].

Чрезвычайно важен вопрос о правовых последствиях истечения исковой давности. В законодательстве Российской империи и в юридической науке того периода считалось, что истечение исковой давности погашало субъективное право, прекращало правовое отношение. В советский период мнения разделились.

М.Я. Кириллова в этой связи указывала следующее: «Имеющиеся в цивилистической литературе высказывания о последствиях истечения срока исковой давности в основном сводятся к двум точкам зрения. Сторонники одной из них утверждают, что истечение срока исковой давности прекращает существование материального субъективного права (М.А. Гурвич, М.П. Ринг, О.С. Иоффе и др.), сторонники другой — считают, что с истечением давностного срока погашается возможность требовать в принудительном порядке исполнения обязанности должником и тем самым защиты материального субъективного права кредитора, само же материальное право последнего сохраняется и в порядке, предусмотренном законом, получает защиту, хотя и менее действенную (Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, С.И. Вильнянский, Б.Б. Черепахин и др.)»[2].

Мария Яковлевна весьма обстоятельно аргументирует позицию, в соответствии с которой с истечением давностного срока, по общему правилу, утрачивается возможность получить защиту нарушенного права в принудительном порядке, однако само материально-правовое требование лица по отношению к должнику сохраняется.

Данная точка зрения ныне безраздельно господствует в юридической науке[3] и воплощена в законе (в частности, см. п. 1 ст. 206 ГК РФ, где указано, что должник или иное обязанное лицо, исполнившее обязанность по истечении срока исковой давности, не вправе требовать исполненное обратно, хотя бы в момент исполнения указанное лицо и не знало об истечении давности).

Понятие исковой давности во все времена связывалось с тем, что требуется защитить **нарушенное** (нарушаемое) право, ибо если нет нарушения права, то не требуется его принудительное осуществление.

---

[1] См., напр.: *Вавилин Е.В.* Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 360 с.

[2] *Кириллова М.Я.* Исковая давность. С. 17.

[3] Об этом см., например, работу ученика М.Я. Кирилловой А.В. Мертвищева «Натуральные обязательства в российском гражданском праве». М.: Проспект, 2015.

Кроме ранее приводившихся на этот счет высказываний Марии Яковлевны, можно вспомнить и указание о том, что речь идет о защите **нарушенного** права; имеется конкретное право, и оно нарушено[1].

Сегодня это утверждение воспринимается как постулат (и это очень хорошо). Тем более досадно, если вдруг невзначай происходит отступление от этой идеи. Тем более в законе!

В 2013 г. в абз. 2 п. 2 ст. 200 ГК РФ включено правило, в силу которого срок исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования, **не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства.**

Кажется, никем не оспаривается, что исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено (ст. 195 ГК РФ).

Исчисление этого срока, по общему правилу, начинается со дня, когда **лицо узнало** или **должно было узнать о нарушении своего права** и о том, **кто является** надлежащим **ответчиком по иску** о **защите этого права** (п. 1 ст. 200 ГК). Обычно, характеризуя данную норму, говорят, что законодатель использовал т.н. **субъективный** критерий (лицо узнало... должно было узнать...).

Иногда в законе при определении момента, с которого начнет течь срок исковой давности, используется и т.н. **объективный** критерий. В соответствующих случаях начало течения срока «привязано» к некоему факту, объективно существующему. Так, в п. 1 ст. 181 ГК в качестве такого объективного критерия называется день, когда началось исполнение ничтожной сделки, а когда говорится об оспоримой сделке — день прекращения насилия или угрозы... Справедливости ради надо сказать, что при насилии и угрозе субъективный момент присутствует, но эти обстоятельства рассматриваются как препятствующие обращению в суд или как уважительные (извинительные) причины того, что не было обращения к суду. Но все же прекращение угрозы или насилия — это факт реальной действительности, объективно существующий.

Так называемый объективный критерий использован и в п. 2 ст. 196 ГК: срок исковой давности не может превышать десять лет со **дня нарушения права,** для защиты которого он установлен (здесь же указано единственное исключение из этого правила).

Когда в абз. 2 п. 2 ст. 200 ГК говорится о том, что срок исковой давности не может превышать десять лет **со дня возникновения обя-**

[1] См.: *Кириллова М.Я.* Исковая давность. С. 11.

зательства, срок исполнения которого не определен или определен моментом востребования, то создается впечатление, будто использован уже известный т.н. объективный критерий. Однако, как представляется, произошла **подмена понятий** или нечто на нее очень похожее. Само понятие исковой давности неразрывно связано с тем, что речь идет **о защите нарушенного права!** Нет нарушения — не надо ничего защищать — не надо исчислять срок исковой давности. А в данном случае дается 10 лет **со дня возникновения обязательства,** в течение которых можно обратиться к суду за защитой... **ненарушенного права!** Нонсенс!

Вероятно, целесообразно в законе установить предельный срок, в течение которого принудительной силой государства обеспечивается обязательство, если обязательством не определен срок его исполнения или он определен моментом востребования. Но при чем здесь **срок исковой давности?**

Если нет нарушения права, то беспредметным является разговор об исковой давности. Вопрос об исковой давности можно и нужно обсуждать только при нарушении права. «Привязывать» начало течения исковой давности к моменту возникновения обязательства — значит «ломать» само понятие «исковая давность». А с точки зрения правотворческой это привело к грубому противоречию между правилами ст. 195 (исковая давность не течет, если нет нарушения права) и нормой, включенной в абз. 2 п. 2 ст. 200 ГК (давность течет со дня возникновения обязательства, а нарушено ли право — неважно).

Такое определение момента начала течения срока исковой давности противоречит сути исковой давности.

В законе допущена вполне очевидная ошибка. А надо было всего-то обратиться к трудам Марии Яковлевны.

В соответствии со ст. 208 ГК исковая давность не распространяется на **требования вкладчиков** к банку о выдаче вкладов. Здесь же (в указанной статье ГК) названы еще несколько случаев, при которых исковая давность не применяется к требованиям:

1) о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законом;

2) о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина (за прошлое время требования удовлетворяются не более чем за три года);

3) собственника или иного владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения.

Законом могут предусматриваться и другие случаи, когда исковая давность не применяется.

Во всех перечисленных случаях, кроме требований вкладчиков к банкам, речь идет о требованиях, порожденных правонарушением.

Когда говорится о личных неимущественных правах и нематериальных благах, то учитывается специфика нарушенного права или блага. Так, Мария Яковлевна указывала: «Право на защиту чести и достоинства гражданина или организации... не может подпадать под действие исковой давности, поскольку честь и достоинство представляют собой неотъемлемые блага личности, их защита должна осуществляться независимо от срока, прошедшего с момента нарушения»[1].

Неприменимость исковой давности к требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, также обусловлена спецификой и социальной значимостью нарушенных нематериальных благ — жизни и здоровья, тем, что «они непосредственно связаны с личностью потерпевшего и его наследником»[2]. К тому же последствия нарушения сказываются и спустя длительное время после факта причинения вреда. Более того, состояние здоровья может и ухудшиться, т.е. вред может увеличиваться. Но даже здесь во имя стабильности поставлен ограничитель в отношении прошедшего времени — три года.

Исковая давность не применяется к требованиям владельца об устранении всяких нарушений его права, хотя бы эти нарушения не были соединены с лишением владения по той простой причине, что в данном случае речь идет о длящемся правонарушении. Нарушение происходит вновь и вновь.

Как отмечалось, исковая данность не распространяется на требования вкладчиков к банку о выдаче вкладов. Среди всех отмеченных случаев, указанных в ст. 208 ГК, данное требование выглядит уникально, поскольку речь идет об исковой давности (она не применяется), но нет нарушения права!

Рассматривая этот вопрос, исходя из правил ранее действовавшего законодательства (ст. 90 ГК РСФСР 1964 г.), Мария Яковлевна указывала следующее: «...не применяются давностные сроки к требованиям

---

[1] *Кириллова М.Я.* Проблема неприменимости сроков исковой давности при защите интересов личности // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 53. С. 85–86.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий к части первой (авторы комментария к ст. 208 — М.Я. Кириллова, П.В. Крашенинников).

вкладчиков о выдаче вкладов, внесенных в государственные трудовые сберегательные кассы и в Государственный банк СССР... Особенность данного вида требований состоит в том, что они основаны **не на правонарушении.** Отношения вкладчика со сберегательной кассой в том и состоят, что последняя, принимая денежный вклад, обязуется выдать его по первому требованию, а сами эти отношения бессрочны. Таким образом, **это длящееся нормальное правоотношение**, к которому невозможно применять давностные сроки, поскольку нет нарушения права вкладчика»[1] (выделено мной. — *Б.Г.*).

Таким образом, не было и нет оснований вносить в закон указание о неприменимости исковой давности к требованиям о выдаче вкладов, поскольку оно (это указание) является само собой разумеющимся; в этом суть правоотношения, возникающего по поводу внесения вклада.

М.Я. Кириллова рассказала о существе, но деликатно умолчала о том, что допущена ошибка исходя из соображений концептуального характера. В то время, когда Мария Яковлевна анализировала данную проблему, к счастью, не имело широкого распространения размашистое порицание закона. Это с одной стороны. А с другой стороны, рассматриваемое указание закона, будучи несостоятельным с теоретической точки зрения, способствует защите прав вкладчиков и потому имеет право на существование. Более того, благодаря ему права вкладчика будут защищаться и в том случае, когда эти права нарушены (например, отказано в выдаче вклада) независимо от того, сколько времени прошло с момента нарушения.

Мария Яковлевна характеризовала и **иные сроки**, существующие в гражданском праве, в том числе рассматривала соотношение этих (иных) сроков со сроками исковой давности. В частности, Мария Яковлевна указывала: «...принципиальной является проблема, касающаяся согласования правил о сроках исковой давности и **претензионных сроках**... (выделено мной. — *Б.Г.*). Практическое значение соотношения претензионных сроков и сроков исковой давности связано с широким применением правил о предъявлении и рассмотрении претензий и урегулировании разногласий по хозяйственным договорам... Претензионный порядок означает возможность непосредственного урегулирования споров между участниками правоотношений до обращения с иском в арбитраж»[2].

---

[1] *Кириллова М.Я.* Проблема неприменимости сроков исковой давности при защите интересов личности. С. 87–88.

[2] Там же. С. 93.

Претензионные сроки «входят в установленные законодательством сроки исковой давности; предъявление претензий и ожидание ответов не приостанавливает течение давностных сроков. Начала истечения претензионного и давностного сроков совпадают, так как они начинают течь с того момента, когда кредитор узнал или должен был узнать о нарушении своего права»[1].

Мария Яковлевна указывала, что «разграничение сроков исковой давности и **пресекательных** сроков (выделено мной. — *Б.Г.*) должно проводиться по признаку их воздействия на материальное гражданское право. Если срок исковой давности может послужить препятствием к осуществлению материального права в принудительном порядке, то срок пресекательный прекращает существование самого материального гражданского права»[2].

К вопросу о сроках в гражданском праве М.Я. Кириллова обращается вновь и вновь. В связи с рассмотрением проблем **договорной дисциплины** она высказала ряд утверждений, которые, несомненно, актуальны и сегодня.

«В гражданском законодательстве сроки являются важным средством правового регулирования имущественных отношений прежде всего между социалистическими организациями, а также между организациями и гражданами и между гражданами...

Гражданское законодательство предусматривает большое количество сроков, функциональное назначение которых различно. Это сроки осуществления гражданских прав и исполнения правовых обязанностей; сроки существования гражданских прав, а также сроки применения мер защиты нарушенных гражданских прав и интересов. В плане укрепления договорной дисциплины все виды сроков так или иначе находят практическое применение. Непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме имеют сроки исполнения обязанностей сторон в договоре и сроки осуществления защиты нарушенных субъективных гражданских прав...

Регулирующие функции претензионных сроков и сроков исковой давности имеют одинаковую направленность — установить временные пределы применения средств защиты нарушенных гражданских прав и интересов. Однако способы защиты в том и другом случаях неодинаковы. Претензионный порядок предполагает удовлетворение

[1] *Кириллова М.Я.* Проблема неприменимости сроков исковой давности при защите интересов личности. С. 93.

[2] *Кириллова М.Я.* Исковая давность. С. 139.

обоснованных требований кредитора непосредственно должником, а исковой порядок означает применение судом, арбитражем, третейским судом мер принуждения к должнику с возложением на него обязанности возмещения убытков, уплаты неустойки (пени, штрафа) и последующего исполнения основной обязанности по договору. Поэтому претензионный порядок характеризуется в науке как бесспорный способ защиты нарушенного права.

Стимулирующая функция института исковой давности в осуществлении хозяйственных связей обусловлена теми последствиями, которые наступают в случае истечения установленных законом сроков для предъявления исков. По общему правилу, истечение срока давности до предъявления иска в суд или арбитраж есть основание для отказа в иске. Другими словами, пропуск срока давности без уважительных причин лишает управомоченное лицо возможности защитить свое право с помощью принудительной силы государства...[1]

В настоящее время вопросы о сроках в гражданском праве не привлекают пристального внимания исследователей. Прежде всего, потому, что они обстоятельно изучены в 50–60-е годы прошлого века М.Я. Кирилловой и другими учеными[2]. Но конечно, нельзя считать, что «тема закрыта».

Как указывалось, в последние годы Мария Яковлевна в соавторстве с П.В. Крашенинниковым снова писала о сроках. С одной стороны, те же идеи, а с другой — они даются в развитии. Так, в учебнике по гражданскому праву Мария Яковлевна и Павел Владимирович, говоря о понятии и видах сроков, в частности, указывают:

«Понятие **"срок" в гражданском праве применяется в двух значениях: либо определенный период (отрезок), либо момент во времени**. С наступлением срока связываются определенные правовые последствия. Таким образом, сроки выполняют регулятивную функцию норм гражданского права.

Значение: сроки упорядочивают гражданский оборот, создают определенность и устойчивость правовых связей, дисциплинируют их участников, способствуют соблюдению обязательств, обеспечива-

[1] См.: *Кириллова М.Я.* Функции института исковой давности в укреплении договорной дисциплины // Договорная дисциплина в советском гражданском праве: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1985. С. 78–80.

[2] См., например: *Грибанов В.П.* Сроки в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. С. 245–284.

ют своевременную защиту прав и интересов субъектов гражданских правоотношений.

В системе юридических фактов срок относится к событиям, поскольку наступает (истекает) так же независимо от воли людей, как и течение времени вообще.

Гражданское законодательство содержит ряд общих и специальных правил относительно сроков. Первые распространяются на все отношения, регулируемые гражданским правом, вторые — только на те, применительно к которым установлены соответствующие сроки. Первоначально необходимо рассмотреть общие правила, предусмотренные в ст. 190–194 ГК.

Гражданско-правовые сроки можно классифицировать по разным основаниям. **В зависимости от того, кем установлены сроки, различают три их вида**:

- во-первых, **нормативные** (например, ст. 21 ГК «Дееспособность гражданина», ст. 42 ГК «Признание гражданина безвестно отсутствующим», ст. 196 ГК «Общий срок исковой давности» и другие статьи Кодекса);
- во-вторых, **договорные** — определяются соглашением сторон (например, пятилетний срок в договоре коммерческого найма жилого помещения);
- в-третьих, **судебные** — предусматриваются решением суда.

Нормативные сроки в свою очередь могут быть императивными (например, сроки исковой давности, действия авторских прав, патента, приобретательной давности и др.) **и диспозитивными. Срок, установленный диспозитивной нормой, действует в случае, если стороны в договоре не определили иной**. Известны также нормы права, в которых предусмотрен максимальный срок, но в его пределах по соглашению сторон могут устанавливаться иные сроки. Так, согласно п. 2 ст. 1016 ГК договор доверительного управления имуществом заключается на срок, не превышающий пяти лет, но стороны вправе указать любой срок в пределах этого максимального.

Далее сроки различаются по их **назначению** и в связи с этим определяют:

- сроки, **порождающие** гражданские права;
- сроки осуществления гражданских прав;
- сроки **исполнения** обязанностей;
- сроки **защиты** прав».

Далее очень четко и кратко (как и требуется в учебнике) характеризуются **пресекательные** и **претензионные** сроки, дается понятие **гарантийных** сроков, показывается их отличие от **сроков службы** то-

варов, определяются **сроки годности** товаров, **сроки реализации** товаров и т.д.[1]

В знаменитом учебнике по гражданскому праву, который был создан представителями Свердловской (Уральской) школы цивилистики в 1968 г.[2], Мария Яковлевна написала несколько глав. В данном случае приводится фрагмент из главы о праве собственности как образец того, какой должна быть учебная литература. Все очень четко, без «архитектурных излишеств», доступно. Если не читать слова «социалистический», «колхоз», «РСФСР» и т.п., то **все** написано будто сегодня. И вряд ли удастся лучше сказать.

«**Определение права собственности.** В науке и в законодательстве термин "право собственности" имеет два значения: а) право собственности в объективном смысле, б) право собственности в субъективном смысле.

Право собственности в объективном смысле есть система установленных государством правовых норм, закрепляющих, регулирующих и охраняющих общественные отношения по поводу присвоения (принадлежности) средств производства и предметов потребления, а также по владению, пользованию и распоряжению ими.

Право собственности в субъективном смысле представляет собой определенную меру дозволенного поведения управомоченного лица по владению, пользованию и распоряжению имуществом в пределах, установленных законом.

Следовательно, право собственности в объективном смысле — это совокупность правовых норм (правовой институт), а право собственности в субъективном смысле — это субъективное гражданское право на известное имущество, принадлежащее определенному лицу (или лицам). Субъективное право предопределяется нормами объективного права. Для возникновения субъективного права собственности недостаточно наличия только норм института права собственности. Здесь, как и во всех иных случаях, необходимы юридические факты, влекущие возникновение конкретного правоотношения собственности, элементом которого является субъективное право. Таким образом, субъективное право собственности возникает на основании объек-

[1] См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. 5 изд., перераб. и доп. Т. 1. С. 403–407.

[2] См.: Советское гражданское право / под ред. проф. О.А. Красавчикова. М.: Высшая школа, 1968. (Были 2-е изд. (1972) и 3-е изд. (1985)). Кстати, автору этих строк посчастливилось начать знакомство с гражданским правом в 1971–1974 гг. именно благодаря этому учебнику.

тивных норм права собственности, а также конкретных юридических фактов, влекущих возникновение правоотношения собственности. Субъективное право собственности характеризуется как имущественное, абсолютное и бессрочное.

Субъекты права собственности — это социалистическое государство как таковое, колхозы и иные общественные организации, а также граждане. Лицо, которому принадлежит субъективное право собственности, называется собственником.

Имущество может принадлежать на праве собственности двум или нескольким субъектам (например, колхозу и иной кооперативной организации, двум или нескольким гражданам). В таком случае возникает право общей собственности, в котором могут быть определены доли (долевая собственность) или без определения долей (совместная собственность). Лица, имеющие сообща право собственности на какое-то определенное имущество, называются сособственниками.

Объекты права собственности — это вещи (имущество), принадлежащие собственнику на праве собственности.

Право собственности может возникать по поводу всякого имущества. Объектами права собственности могут быть как индивидуально-определенные вещи (предметы), так и вещи, определяемые признаками, общими **для данного рода вещей…**

Содержание субъективного права собственности включает в себя правомочия, предоставляемые законом собственнику. К числу таких правомочий относятся правомочия владения, пользования и распоряжения (ст. 19 Основ, ст. 92 ГК). Указанные правомочия основаны на экономических отношениях владения, пользования и распоряжения.

Субъективное право собственности характеризуется совокупностью этих правомочий, каждое из которых обладает определенной спецификой и известной самостоятельностью.

Отдельные правомочия могут принадлежать и несобственнику, но наличие того или иного правомочия не создает у него права собственности. Например, наниматель имущества имеет правомочия по владению и пользованию нанятым имуществом, но он не является собственником этого имущества.

Правомочия, которые могут принадлежать несобственнику имущества, являются производными от прав собственника, так как они возникают по общему правилу по воле собственника (при его согласии) или на основании административного акта. В то же время собственник может быть по тем или иным основаниям временно лишен или ограничен в возможности осуществления одного (или более) правомочия,

однако право собственности принадлежит по-прежнему данному лицу. Так, в случае похищения вещи собственник лишается возможности осуществлять правомочия по владению, пользованию и распоряжению. Закон предоставляет собственнику право на истребование своей вещи от лица, похитившего вещь»[1].

В конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века в промышленности Советского Союза создавались **производственные объединения** (комбинаты). На начало 1976 г. количество производственных и научно-производственных объединений составило 2,3 тыс., на долю которых приходилось 24 процента промышленной продукции[2].

Мария Яковлевна рассматривала правосубъектность таких объединений. Далее приводятся извлечения из ее работы, которые, как представляется, интересны не только с исторической точки зрения. Сегодня создаются финансово-промышленные группы, холдинги, кластеры... В том числе исследуется правосубъектность таких образований — появляются диссертации, научно-методические рекомендации и пр. При этом, как правило, эти образования либо рассматриваются как бы «с нуля», как «откровение», либо характеризуются с опорой на опыт т.н. цивилизованных стран. К сожалению, часто игнорируется собственный опыт.

Итак, М.Я. Кириллова в 1978 г. пишет следующее.

«Объединения — это качественно новое явление в управлении промышленным производством. Они представляют собой не механическое соединение предприятий, а единый производственно-хозяйственный комплекс, в котором органически слиты наука и производство, широко развиты специализация и кооперирование. Предприятия, объединения наряду с другими организациями входят в единый народно-хозяйственный комплекс, охватывающий все звенья общественного производства, распределения и обмена (ст. 16 Конституции СССР)...

При образовании производственных объединений учитываются такие экономические факторы, как технологическая общность процесса производства, однородность выпускаемой продукции, наличие устойчивых кооперированных связей, а также необходимость комбинирования производства, комплексной переработки сырья и др.

---

[1] Советское гражданское право / под ред. проф. О.А. Красавчикова. С. 301–302.

[2] См.: *Кириллова М.Я.* Особенности правосубъектности производственных объединений (комбинатов) // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 62. С. 80.

Безусловно, принимается во внимание и территориальное расположение объединяемых предприятий и организаций, и целесообразность полной или частичной централизации выполнения производственно-хозяйственных функций.

Все это означает, что входящие в данный хозяйственный комплекс подразделения становятся органической частью единого сложного экономического механизма, который действует как хозяйствующий субъект, производящий товар, самостоятельно выступающий в экономическом обороте. Правовой формой, закрепляющей экономическую обособленность и хозяйственную самостоятельность производственного объединения, является юридическое лицо. Именно поэтому в п. 2 Положения о производственном объединении (комбинате) юридическим лицом признано производственное объединение, а его структурные подразделения — производственные единицы — юридическими лицами не признаны.

Правосубъектность производственного объединения определена Положением, которое устанавливает общий объем его прав и обязанностей...

Производственное объединение как юридическое лицо имеет... сложную внутреннюю структуру, что предопределяет особенности его правосубъектности. Организационное единство такого объединения обеспечивается слиянием в один сложный производственный организм всех его подразделений независимо от большей (производственные единицы) или меньшей (цех, участок, отдел и т. п.) степени самостоятельности в осуществлении производственной и иной хозяйственной деятельности, выполняемой объединением в целом.

Производственное объединение... закрепляет часть своих основных и оборотных средств за производственными единицами, которые распоряжаются указанным имуществом прежде всего в процессе осуществления своих производственных функций и иной деятельности...

Взаимосвязи производственных единиц одного объединения носят внутренний характер, основаны на началах хозяйственного расчета и предполагают взаимный контроль за выполнением производственной деятельности. Порядок осуществления указанных отношений, разрешение внутрихозяйственных споров, последствия нарушения обязанностей определяются самим производственным объединением»[1].

[1] *Кириллова М.Я.* Особенности правосубъектности производственных объединений (комбинатов). С. 80–82.

Жилищное право Советского Союза рождалось в муках. И от бедности[1]. К счастью, многие видные цивилисты уделяли ему пристальное внимание. Мария Яковлевна писала о правовом положении **жилищно-строительных кооперативов**, была научным руководителем диссертаций, посвященных соответствующей проблематике. Так, П.В. Крашенинников в 1991 г. под руководством М.Я. Кирилловой написал диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Правовое регулирование организации и деятельности жилищно-кооперативных товариществ».

Предваряя воспроизведение извлечений из работы Марии Яковлевны о жилищно-строительных кооперативах, следует обратить внимание на существовавшую в советский период особенность регулирования отношений, возникающих по поводу создания и деятельности этих объединений. Закон содержал лишь самые общие указания о жилищных кооперативах, а более или менее обстоятельные предписания включались в утверждаемые Советами Министров союзных республик (т.е. правительствами республик) примерные уставы жилищно-строительных кооперативов. Пусть не обманывает название документа: Примерный устав жилищно-строительного кооператива был нормативным актом.

Кроме того, ряд вопросов организации и деятельности жилищно-строительных кооперативов решался в совместных постановлениях Центрального комитета КПСС и Совета Министров (правительства) Советского Союза (в советский период такие акты обладали юридической силой ничуть не ниже закона).

В 1981 г. был принят Закон «Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик». В Свердловске под редакцией О.А. Красавчикова создан сборник научных трудов известных цивилистов под названием «Основы советского жилищного законодательства». В числе авторов О.А. Красавчиков, В.Ф. Яковлев, Ю.Г. Басин, М.И. Бару, А.А. Пушкин, М.Н. Сибилев, М.Я. Кириллова, Г.И. Петрищева, И.С. Вишневская, В.Ф. Яковлева, В.Ф. Чигир, Т.И. Илларионова и др. Звездный состав!

Мария Яковлевна написала статью о жилищно-строительных кооперативах (ЖСК).

Ее содержание представляет не только исторический интерес. Все те же вопросы решаются (должны решаться) и в нынешних нормативных актах.

---

[1] См. об этом: *Гонгало Б.М., Крашенинников П.В.* Развитие кодификации жилищного права // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д.А. Медведева. С. 330–377.

Итак, М.Я. Кириллова пишет: «В Основах[1] решены лишь некоторые проблемы организаций и деятельности ЖСК. Детальное регулирование вопросов о приеме граждан в члены кооператива, права и обязанности пайщиков, права членов их семей, основания исключения из кооператива и др. должны осуществляться примерными уставами ЖСК, утвержденными советами министров союзных республик. Одним из принципиальных признается вопрос о понятии нуждаемости в улучшении жилищных условий, необходимой для принятия гражданина в члены кооператива... кроме общих критериев нуждаемости, устанавливаемых законодательством... должны быть предусмотрены категории граждан, которые пользуются преимущественным правом вступления в кооператив... Правовое положение членов семьи пайщика также должно определяться в примерных уставах...

Основания для исключения из членов кооператива должны быть предусмотрены в примерных уставах и не могут устанавливаться в уставе конкретного кооператива, поскольку это означало бы возможность каждому ЖСК предусматривать свои основания, что явно противоречит принципу единства социалистической законности. Правило ст. 36 Основ жилищного законодательства, по которому выселение из занимаемого жилого помещения в доме государственного или общественного жилого фонда допускается по основаниям, установленным законом, должно быть учтено и при разработке примерных уставов ЖСК, поскольку исключение из кооператива означает одновременно и выселение. В качестве оснований для исключения и выселения должны быть предусмотрены: систематическое разрушение или порча жилого помещения пайщиком или членами его семьи; использование жилого помещения не по назначению; систематическое нарушение правил социалистического общежития пайщиком или членами его семьи, делающее невозможным для других проживание с ними в одной квартире или одном доме, если меры предупреждения и общественного воздействия оказались безрезультатными...

На основании примерного устава ЖСК соответствующей союзной республики конкретные кооперативы разрабатывают свои уставы, которые утверждаются общими собраниями членов ЖСК и регистрируются в жилищных отделах исполкомов местных Советов. Принимаемый устав не должен противоречить примерному уставу и действующему законодательству. Он может отражать специфику

[1] Имеются в виду Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик. — *Б.Г.*

данного кооператива, уточнять отдельные положения применительно к условиям его работы (например, численность состава правления, ревизионной комиссии, выбора уполномоченных). В уставе должны предусматриваться образование фондов на текущий и капитальный ремонты и время проведения ремонтов. Улучшение использования, содержания и сохранности жилищного фонда кооперативов является задачей первостепенной важности. В уставах следует предусмотреть договоры, которые кооперативы заключают с различными организациями, а также с домоуправлением на техническое обслуживание дома»[1].

В 1982 г. Мария Яковлевна написала учебное пособие «**Развитие советского авторского права**»[2]. Хотя название работы ориентирует на то, что будут рассматриваться изменения законодательства (быть может, история авторского права), на самом деле М.Я. Кириллова создала учебник по авторскому праву. Особенность его в том, что в достаточно лаконичной форме (82 страницы, 5 печатных листов) излагаются все вопросы авторского права: понятие, значение и принципы авторского права, субъекты и объекты соответствующих отношений, неимущественные и имущественные права автора, авторские договоры. При этом в необходимой мере для такого рода работ использована научная и учебная литература, приводятся различные примеры (в частности, недобросовестного использования опубликованного произведения) и т.д.

Работа отличается чеканным стилем, все «разложено по полочкам». Эта книга представляет собой блестящий образец оптимального сочетания высокой теории и учебного материала. И изложено все хорошим русским языком. По мнению многих учившихся гражданскому праву в 80-е годы прошлого века, данная книга Марии Яковлевны была основным источником при изучении авторского права.

Ряд очень интересных идей высказан Марией Яковлевной в статье «Договорное и внедоговорное использование произведений науки, литературы и искусства».

Писала Мария Яковлевна и о субъектах изобретательского права[3].

Договор поставки в настоящее время мало интересует исследователей. Один из многих. Разновидность договора купли-продажи. Между

---

[1] *Кириллова М.Я.* Обеспечение граждан жилыми помещениями в домах жилищно-строительных кооперативов // Основы советского жилищного законодательства: межвуз. сб. науч. трудов. С. 96–99.

[2] *Кириллова М.Я.* Развитие советского авторского права: учебное пособие. Свердловск, 1982.

[3] См.: *Кириллова М.Я.* Субъекты изобретательского права // Проблемы современного изобретательского права: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1983. С. 95–105.

тем в советские времена договор поставки являлся одним из главных видов хозяйственных договоров[1], представлял «собой основную юридическую форму, опосредствующую экономические связи материально-технического снабжения социалистического производства и распределения товаров народного потребления с целью доведения их до потребителя через предприятия торговли»[2]. О договоре поставки писали кандидатские и докторские диссертации, комментарии к положениям о поставках и т.д. и т.п. С учетом значимости этого договора в то время это было необходимо.

Мария Яковлевна писала о договоре поставки в указанных и других работах. Причем, как представляется, ее методика рассмотрения этого договора актуальна и сегодня как при анализе правового регулирования отношений поставки, так и при характеристике иных договорных связей. М.Я. Кириллова в учебном пособии «Договор поставки», которое, видимо, нельзя было назвать монографией только по формально-юридическим соображениям, последовательно рассмотрела (1) понятие и значение договора поставки; (2) основные нормативные акты, регулирующие отношения поставки; (3) плановые предпосылки договора поставки; (4) структуру договорных связей по поставкам; (5) формы и порядок заключения договора, сроки действия договора; (6) содержание договора поставки; (7) исполнение договора поставки; (8) ответственность сторон за нарушение договора поставки[3].

В учебнике гражданского права 1998 г.[4] Мария Яковлевна написала несколько глав. В том числе главу о **гражданских правоотношениях**[5]. Здесь дано понятие гражданского правоотношения: «...общественное волевое отношение, урегулированное нормами права, участники которого выступают как юридически равные субъекты, приобретающие взаимные права и обязанности»[6]. Сказано об особенностях гражданского правоотношения (они имущественные и неимущественные, обычно носят волевой характер, их субъекты юридически равны, права и обязанности субъектов взаимообусловлены). Естественно, рассматривается состав гражданского правоотношения (субъекты, объекты,

---

[1] См.: *Кириллова М.Я.* Договор поставки: учебное пособие. Свердловск, 1974. С. 10.

[2] *Кириллова М.Я.* Специфические черты договора поставки // Гражданско-правовой договор и его функции: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1980. С. 99.

[3] См.: *Кириллова М.Я.* Договор поставки (объем работы 10,5 п.л., тираж 3 000 экз.).

[4] См.: Гражданское право: учебник для вузов. Часть первая / под ред. Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева. М., 1998.

[5] См. там же. С. 35–47.

[6] Там же. С. 36.

содержание), дается классификация таких правоотношений, показывается их динамика (возникновение, изменение и прекращение), воспроизводится понятие правопреемства и указываются его виды (общее и частное).

* * *

У Марии Яковлевны учились многие поколения юристов. Учились в аудитории, по ее работам.

Мария Яковлевна оставила богатое наследие, которое, несомненно, востребовано сегодня и будет нужно завтра.

ГАЛИНА ИВАНОВНА ПЕТРИЩЕВА

Галина Ивановна Петрищева родилась в 1923 г. в г. Карачеве Брянской области. Школу окончила в 1941 г. в г. Смоленске.

В 1941 г. поступила в Свердловский юридический институт (далее также СЮИ). Окончила институт в 1946 г. с отличием.

Война. С августа 1941 г. до октября 1942 г. работала в сортировочном госпитале № 1155. В удостоверении, выданном начальником госпиталя, сказано: «Возложенное на нее дело выполняла блестяще».

По окончании института (1946 г.) Галина Ивановна стала заместителем директора Свердловской юридической школы (учебное заведение, в котором за два года готовили более или менее квалифицированных в праве юристов). В 1950 г. она стала директором школы. Юридические школы были закрыты в 1956 г. Галина Ивановна возглавила курсы по переподготовке юристов.

Работала на кафедре гражданского права с сентября 1957 г. Защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук в 1959 г. Тема: «Основания возникновения и изменения жилищных правоотношений в государственном жилищном фонде».

В 1959–1961 гг. была деканом вечернего факультета СЮИ.

Галина Ивановна Петрищева была признанным в Советском Союзе специалистом в области жилищного права. Не только «жилищником», но в первую очередь в этой сфере.

* * *

Галина Ивановна была высокой, стройной, темноволосой. Прекрасная осанка. Безупречные манеры. Одежда строгая, изысканная. Жабо, брошки, шейные платки...

Аристократка. Но без высокомерия.

Галина Ивановна была строгой с людьми, выдерживала дистанцию. Но при этом не было надменности, недоброжелательности и т.п. Напротив, она была очень внимательна, уважительно относилась к студентам, аспирантам, молодым преподавателям... (я был и тем, и другим, и третьим, когда общался с Галиной Ивановной).

И не сомневаюсь, что уважительное, внимательное отношение у нее было и к другим людям.

Вениамин Федорович Яковлев вспоминает, как в семидесятых годах прошлого века приехал в Свердловск, тогда теоретик номер один в области гражданского права О.С. Иоффе. Банкет. Олимпиад Соломонович «подсел и предложил — давайте удерем отсюда к Галине Ивановне Петрищевой (сотрудница нашей кафедры, очень красивая женщина, но холостячка, у нее был больной отец, и она посвятила свою жизнь уходу за ним)... Иоффе прошелся по столу со своим огромным портфелем, нагрузил его деликатесами и бутылками... И мы смылись. Галина Ивановна несказанно нам обрадовалась, бросилась что-то готовить на кухню...»[1].

Умерла Галина Ивановна Петрищева 17 августа 1987 г.

Похоронена на Широкореченском кладбище г. Екатеринбурга (тогда, в 1987 г., еще Свердловска).

* * *

Помню Галину Ивановну Петрищеву с того времени (с 1979 г.), когда учился в Свердловском юридическом институте, слушал ее лекции по жилищному праву. Позже (в 1981 г.) проходил практику в Ленинском районном народном суде г. Свердловска, руководителем была Галина Ивановна. Помню ее доброе отношение. Потом оказался аспирантом на кафедре гражданского права. В памяти осталась ее неизменная доброжелательность и готовность всегда помочь словом и делом. И высокий профессионализм.

Сегодня я должен сказать о творческом наследии Галины Ивановны. Но прежде небольшое отступление. В последние годы некоторое распространение получило несколько снисходительное отношение к советской правовой науке. Бывает, что ее попросту клеймят. Можно только удивляться: откуда же взялись сегодняшние «гении», которым невероятным образом удалось воспринять идеи римского права, «услышать» высказывания русских цивилистов, творивших до 1917 г., быть очарованными концепциями западных ученых (например, об экономическом анализе права), формулирующих положения о том, что происходит сегодня и что нас ждет завтра (например, о т.н. цифровом праве), и т.д. и т.п.? А науки гражданского права советского периода как будто и не было; если и была, то только досадным недоразумением

[1] *Яковлев В.Ф.* Советник трех президентов. С. 110–111.

или вредным явлением[1]. На самом деле советская гражданско-правовая наука, как бы она от того ни открещивалась, была продолжением русской цивилистики. Сегодняшняя доктрина гражданского права есть очередной этап развития отечественной цивилистики[2].

Поэтому и к творческому наследию Галины Ивановны Петрищевой не следует относиться как к «делам давно забытых дней», как размышлениям, имеющим только историческое значение, и т.п. Ее работы по-прежнему актуальны. Во всяком случае, в основной своей части (думаю, из сказанного далее это будет видно).

Галина Ивановна была известным на весь Советский Союз специалистом по жилищному праву. В те времена соответствующие исследования были очень востребованы[3].

При более или менее обстоятельном рассматривании произведений Галины Ивановны очевидно, что в первую очередь она была преподавателем, а потом уже исследователем. Так, в семидесятые годы прошлого века ею было подготовлено и опубликовано учебное пособие «Правовое регулирование жилищных отношений»[4]. В этой работе, рассчитанной на студентов, изучающих спецкурс «Советское жилищное право»[5], дается вся информация, необходимая для того, чтобы успешно сдать экзамен/зачет. Охарактеризованы основания возникновения и содержание жилищных правоотношений, проанализированы нормативные акты, а также постановления Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР, посвященные применению жилищного законодательства, по ряду вопросов дается сравнительный анализ законодательства РСФСР и других союзных республик, высказываются предложения по совершенствованию правового регулирования жилищных отношений, указывается, где опубликованы важнейшие акты судов и обзоры судебной практики...

---

[1] Например, А.Г. Диденко полагает, что целый ряд разработок советского периода потерял свое значение (в том числе в области жилищного найма). По его мнению, к советской гражданско-правовой доктрине следует относиться предельно критически. См.: *Диденко А.Г.* О советском гражданско-правовом наследии // Гражданское законодательство: Статьи. Комментарии. Практика. Избранное. Т. V / под ред. А.Г. Диденко. Алматы, 2017. С. 500.

[2] См. об этом: *Гонгало Б.М.* Советская цивилистика и сегодняшний день // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 114–127. Работа переиздана: *Гонгало Б.М.* Избранное: в 5 т. Т. 3: Гражданское право. М.: Статут, 2021. С. 49–70.

[3] Об этом см, напр.: *Гонгало Б.М.* Жилищное право — уходящая любовь моя // Гонгало Б.М. Избранное: в 5 т. Т. 4: Жилищное право. М.: Статут, 2021. С. 5–13.

[4] *Петрищева Г.И.* Правовое регулирование жилищных отношений: учебное пособие. Свердловск, 1977. 80 с.

[5] См. там же. С. 4.

Таким образом, есть основания утверждать, что данная работа представляет собой учебник, в котором в весьма лаконичной форме изложены все основные положения советского жилищного права. Такого рода работы во все времена представляли интерес, в том числе для практических работников, а также для всех интересующихся соответствующей проблематикой (а не только для студентов, как скромно указала сама Галина Ивановна).

Вместе с тем при выполнении работы, как видно из ее содержания, использованы теоретические положения, сформулированные такими видными учеными, как О.А. Красавчиков, О.С. Иоффе, Ю.К. Толстой, Ю.Г. Басин, и многими другими специалистами в области гражданского и жилищного права[1].

Анализируются различные точки зрения о месте жилищного права в системе советского права и о путях совершенствования жилищного законодательства[2], классификации жилищных фондов[3], о понятии нуждаемости в улучшении жилищных условий[4], признании ордера на жилое помещение недействительным (аннулировании ордера)[5], круге членов семьи нанимателя по договору найма жилого помещения[6] и т.д.

В результате внимательного рассмотрения данной работы оказывается, что, кроме сугубо учебного материала, полезного для студентов и широкого круга читателей, в ней излагается ряд положений, имеющих существенное значение для правовой науки. И все это всего лишь на восьмидесяти страницах!

При написании следующего учебного пособия[7] Галина Ивановна следовала той же методологии. Предметом рассмотрения стали основания изменения и прекращения жилищных правоотношений: раздел жилой площади[8] (ныне такого способа изменения договора найма жилого помещения в государственном и муниципальном жилищном фонде не существует); объединение договоров[9] (ныне правила

---

[1] См., например: *Петрищева Г.И.* Правовое регулирование жилищных отношений. С. 4, 5, 7, 9, 19 и т.д.

[2] См. там же. С. 7.

[3] См. там же. С. 8–11.

[4] См. там же. С. 11.

[5] См. там же. С. 30–31.

[6] См. там же. С. 52–53.

[7] См.: *Петрищева Г.И.* Изменения и прекращение жилищных правоотношений: учебное пособие. Свердловск, 1981.

[8] См. там же. С. 8–16.

[9] См. там же. С. 16–19.

об этом см. в ч. 1. ст. 82 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ); замена нанимателя[1] (в настоящее время см. об этом ч. 2 ст. 82 ЖК РФ); изменение договора вследствие переустройства и перепланировки квартиры[2] (правила переустройства и перепланировки жилья, действующие сегодня, см. в ст. 25–29 ЖК РФ); обмен жилыми помещениями[3] (сегодня соответствующие правила содержатся в ст. 72–75 ЖК РФ); выселение из жилого помещения[4] (ныне такие основания предусмотрены в ст. 83–91 ЖК РФ).

При написании этого учебного пособия сложность была в том, что 24 июня 1981 г. был принят закон, подобного которому ранее не было, — Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик. Уже 20 ноября 1981 г. данное учебное пособие подписано в печать. При этом, как справедливо отмечала Галина Ивановна, «еще не приняты и даже не разработаны общесоюзные и республиканские нормы, конкретизирующие и развивающие отдельные положения Основ»[5]. Поэтому в работе используются различные виды и приемы толкования закона, используется накопленный в результате десятилетий опыт правоприменительной деятельности государственных, особенно судебных, органов и т.д.

Разумеется, в работе излагаются и положения, имеющие значение для доктрины (в том числе с привлечением многочисленных источников)[6].

Уже после ухода Галины Ивановны было опубликовано еще одно учебное пособие, посвященное жилищному праву, в котором другой материал, но неизменным остался методологический подход. Это пособие написано в соавторстве с В.В. Чубаровым[7].

Кроме указанных учебных пособий, Галина Ивановна является соавтором учебника «Советское гражданское право», выдержавшего три издания (1968, 1972, 1985) (М.: Высшая школа), в котором писала тоже о жилищном праве[8] (но не только о нем).

---

[1] См.: *Петрищева Г.И.* Изменения и прекращение жилищных правоотношений: учебное пособие. С. 19–20.

[2] См. там же. С. 20–28.

[3] См. там же. С. 28–44.

[4] См. там же. С. 45–83.

[5] Там же. С. 4.

[6] См. там же, напр., с. 12–13, 17–18, 20–21 и т.д.

[7] См.: *Петрищева Г.И., Чубаров В.В.* Защита жилищных прав граждан в домах государственного и общественного жилищного фонда. Свердловск: Изд-во СЮИ, 1989.

[8] См., напр.: Советское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под ред. О.А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1985. С. 115–170.

После принятия упоминавшихся Основ советского жилищного законодательства во всех союзных республиках, входивших в СССР, разрабатываются жилищные кодексы. Свой проект был предложен кафедрой гражданского права Свердловского юридического института[1]. Разумеется, активное участие в его подготовке приняла и Галина Ивановна.

Галина Ивановна писала и сугубо научные статьи по жилищному праву[2]. Но естественно, не ограничивалась только жилищно-правовой проблематикой. Так, в упоминавшемся учебнике по гражданскому праву ею написаны страницы, на которых изложен также материал об имущественном найме и безвозмездном пользовании имуществом[3]. А еще в 1963 г. Галина Ивановна в соавторстве с О.А. Красавчиковым и Е.Д. Шешениным подготовила учебное пособие об имущественном найме[4]. Начинается работа с пояснений терминов «имущественный наем», «аренда», «прокат», далее анализируется законодательство, практика его применения, рассматриваются разные точки зрения (например, о форме договора[5], понятии капитального ремонта[6] и т.д.). Кстати, давно известно, что новое — это часто хорошо забытое старое. Сегодня мало кто знает, что в СССР начиная с конца 50-х гг. XX в. «возникли и получили права гражданства отношения по прокату легковых автомашин без шоферов, когда наниматель одновременно является и пользователем, и лицом, обслуживающим транспортное средство»[7]. Сегодня забыт собственный опыт, но широкое распространение получил т.н. каршеринг — краткосрочная аренда (прокат) автомобилей. Вспомнилось в связи с тем, что немалая часть рассматриваемой сравнительно небольшой работы посвящена именно «Договору проката легковых автомашин (без шоферов)»[8].

---

[1] Материалы к проекту Жилищного кодекса РСФСР / Свердловский юридический институт, Свердловск, 1982.

[2] См., напр.: *Петрищева Г.И.* Предоставление жилых помещений в домах государственного и общественного жилищного фонда // Основы советского жилищного законодательства: межвуз. сб. науч. тр. С. 81–91; *Она же.* Развитие права на жилище // XXVI съезд КПСС и проблемы советского гражданского права: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1982. С. 70–80.

[3] См.: Советское гражданское право. С. 96–115.

[4] См.: *Красавчиков О.А., Петрищева Г.И., Шешенин Е.Д.* Договор имущественного найма в советском гражданском праве: учеб. пособие. Свердловск, 1963. 72 с.

[5] См. там же. С. 9.

[6] См. там же. С. 11.

[7] Там же. С. 56.

[8] Там же. С. 56–71.

В 1965 г. Галина Ивановна приняла участие в подготовке беспрецедентной работы «Гражданский кодекс РСФСР. Учебно-практическое пособие» в двух частях[1]. Руководителем авторского коллектива был О.А. Красавчиков. Необычность данного пособия состоит в том, что оно выполнено в виде комментария к Гражданскому кодексу. Чаще всего комментарии имеют практическую направленность. Иногда издаются научно-практические комментарии (законов, судебной практики и пр.). В данном случае комментарий Гражданского кодекса адресован в первую очередь тем, кто изучает гражданское право. Он относится к учебной литературе.

В 1977 г. на заседании кафедры гражданского права Свердловского юридического института состоялось обсуждение учебника по советскому гражданскому праву, подготовленного авторским коллективом цивилистов Харьковского юридического института. (Тогда юридических институтов в Советском Союзе было «всего ничего»: в Свердловске, Саратове, Харькове и Москве (Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ)). Галина Ивановна одобрила выделение вопросов, связанных с осуществлением и защитой гражданских прав в самостоятельную главу[2], отметила, что слишком много внимания уделено вопросам процессуального характера, указала, что у читателей не создается четкого представления о содержании гражданского правоотношения, и т.д.[3]

Произведения Галины Ивановны, несомненно, полезны и сегодняшнему читателю как при изучении истории государства и права, так и при постижении теории гражданского права, формировании навыков, необходимых при исследовательской работе, и т.д.

---

[1] Гражданский кодекс РСФСР: учеб.-практ. пособие. Свердловск: Среднеуральск. книжн. изд-во, 1965.

[2] Любопытно, что сегодня такое выделение считается само собой разумеющимся, по этой теме защищаются докторские диссертации (Е.В. Вавилин) и вообще она считается весьма актуальной.

[3] См.: Вопросы теории и методологии преподавания советского гражданского права // Правовые проблемы гражданской правосубъектности: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 62. С. 136–137.

ЕМЕЛЬЯН ДМИТРИЕВИЧ ШЕШЕНИН

Емельян Дмитриевич Шешенин родился 13 января 1925 г. в деревне Шешенина Симаковского сельсовета Батуринского района Шадринского округа Уральской области. Родители — крестьяне, старообрядцы. Раскулачены, переселены в с. Косулино (Свердловской обл.). По В.С. Высоцкому: из Сибири — в Сибирь.

В 1941 г. Емельян Дмитриевич поступил в Свердловский юридический институт (далее также СЮИ). Абитуриентов, окончивших школу в 1941 г., освободили от всех вступительных экзаменов, кроме сочинения.

Как рассказывает сам Емельян Дмитриевич, сразу после зачисления студенты были направлены на Широкореченское торфопредприятие, где занимались просушкой торфа, нарезанного чернорабочими, ушедшими на фронт[1]. С 1 сентября учеба. Но при этом и уборка урожая, разгрузка вагонов, «в том числе со смерзшимся каменным углем (исключительно тяжелая работа)»[2], разгрузка вагонов на Свердловском мясокомбинате и т.д. Занимались заготовкой сена, ремонтировали здание СЮИ и т.д. и т.п. И учились.

В январе 1943 г. Е.Д. Шешенин призван в Красную Армию и направлен в Первое Тюменское военно-пехотное училище[3].

Только в феврале 1946 г. (после фронта, ранений и госпиталей) он вернулся в СЮИ, окончил его и поступил в аспирантуру.

Научным руководителем стал сам Борис Борисович Черепахин. Кандидатскую диссертацию на тему «Договор подряда на капитальное строительство по советскому праву» Е.Д. Шешенин защитил в 1952 г.

Впоследствии Емельян Дмитриевич Шешенин первым в отечественной цивилистике предложил и обосновал учение об услугах как

---

[1] *Шешенин Е.Д.* Начало войны // Воспоминания выпускников и ветеранов. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2001. С. 11.

[2] См. там же. С. 11–13.

[3] Так пишет сам Е.Д. Шешенин. См. там же. С. 13. По документам призван в РККА 4 февраля 1943 г.

объектах гражданских прав. В 1964 г. он подготовил и представил к защите докторскую диссертацию на тему «Договоры услуг в советском гражданском праве». К сожалению, защита не состоялась.

Лейтенант.

Доцент.

Награжден орденом Отечественной войны, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Умер 29 января 2002 г. Похоронен на Широкореченском кладбище г. Екатеринбурга.

Помнится, как-то в совершенно приватном разговоре я спросил Емельяна Дмитриевича о том, как бы он оценил свой вклад в правовую науку. Он ответил, что, по его мнению, еще лет тридцать его будут помнить. Думаю, он ошибался: его еще долго будут помнить. Добрым словом.

Автор более ста печатных работ, среди которых широко известны следующие: «Договор подряда на капитальное строительство по советскому гражданскому праву» (1952 г.); «Правовое положение и организационно-правовые формы промышленности местного типа» (1952 г.); «Правовое положение государственных строительных организаций» (1953 г.); «Банковские ссуды на индивидуальное жилищное строительство» (1954 г.); «Договоры заказа индивидуального оборудования» (1954 г.); «Понятие и основные признаки хозяйственного договора» (1956 г.); «Договоры транспортных услуг» (1959 г.); «Договор услуг в советском гражданском праве» (1965 г.); «Обязательства по оказанию услуг» (1980 г.).

СЕРГЕЙ АРКАДЬЕВИЧ СТЕПАНОВ

Сергей Аркадьевич Степанов родился 19 февраля 1955 г. в г. Ленинграде в семье военнослужащего.

Школу окончил в г. Чите.

В 1976 г. с отличием окончил Свердловский юридический институт.

Работал следователем в прокуратуре Читинской области, старшим следователем в прокуратуре г. Каменска-Уральского Свердловской области.

С 1996 г. работал в Уральском отделении Российской школы частного права (ныне Уральский филиал Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации) (далее также РШЧП). Был заместителем руководителя отделения, читал лекции.

Доктор юридических наук, профессор (об этом далее).

Награжден медалью Анатолия Кони.

Умер Сергей Аркадьевич Степанов 12 ноября 2019 г. в г. Екатеринбурге.

Похоронен на Лесном кладбище г. Екатеринбурга[1].

* * *

Не думал я, что придется писать о Сергее Аркадьевиче Степанове в связи с тем, что его не стало...

Как известно, лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи. В данном случае не буду пытаться написать биографию Сергея Аркадьевича. Всему свое время. Да и не знаю, смогу ли я написать ее.

Здесь лишь некоторые воспоминания, неорганизованно всплывающие; как их иногда называют, штрихи к портрету.

Поэтому не предполагаю определять роль Сергея Аркадьевича в развитии правовой науки, анализировать его труды и т.п. Здесь об ушедшем от нас Сергее Аркадьевиче Степанове, каким я его знал.

---

[1] См.: Сергей Аркадьевич Степанов. Книга памяти. М.: Проспект, 2020. 336 с. (Воспоминания близких, друзей, коллег, учеников о С.А. Степанове.)

В 2019 г. к 95-летию С.С. Алексеева вновь увидело свет его произведение «Социальная ценность права в советском обществе», которое было издано в далеком 1971 г. Предисловие к данной монографии написано Сергеем Аркадьевичем Степановым:

– доктором юридических наук, профессором кафедры теории государства и права Уральского государственного университета;

– приглашенным профессором Пекинского объединенного университета (КНР);

– приглашенным профессором Хэбэйского университета экономики и бизнеса (г. Шицзячжуан, провинция Хэбэй, КНР);

– приглашенным профессором Индийского национального университета (Джодхпур, Индия);

– основателем музея Сергея Сергеевича Алексеева «Восхождение к праву» (г. Екатеринбург).

Это последняя книга, которую мне подписал Сергей Аркадьевич («от автора вступительного слова») во время одной из последних встреч (в музее С.С. Алексеева).

А познакомились мы в 1997 г. Я читал курс о правах на недвижимость в Уральском отделении Российской школы частного права. Сергей Аркадьевич пришел на работу в Уральское отделение РШЧП, насколько я помню, заместителем руководителя отделения (не так важно, как формально именовалась его должность).

Поначалу мы немного общались. Сергей Аркадьевич участвовал в организации подготовки учебника «Гражданское право». Этот учебник написан преподавателями кафедры гражданского права Уральской государственной юридической академии (ныне Уральского государственного юридического университета имени Вениамина Федоровича Яковлева). Любопытно, что РШЧП и лично Сергей Аркадьевич не имели отношения к данному учебнику. Но видимо, учитывая, что большинство преподавателей РШЧП работали на кафедре гражданского права, Сергей Сергеевич Алексеев и Сергей Аркадьевич Степанов посчитали необходимым помочь. Конечно, сказалось и осознание того, насколько была высока в то время потребность в учебной литературе (были приняты первая и вторая части Гражданского кодекса, принципиально отличавшиеся от ранее существовавшего гражданского законодательства, обсуждалась реформа наследственного права, то, каким должно быть право о т.н. интеллектуальной собственности, и т.д.). Учебник был издан в 1997 г. под редакцией Т.И. Илларионовой, Б.М. Гонгало, В.А. Плетнева (М.: Норма).

Впоследствии я стал руководить Уральским отделением РШЧП.

Мы встречались ежедневно. В то время оба были страстными курильщиками и такими же любителями кофе. Весь день что-то обсуждалось, согласовывалось, возникали научные дискуссии... В то время жизнь в школе (так мы всегда именовали РШЧП) бурлила. Всякий, кто в той или иной мере в Екатеринбурге интересовался цивилистикой, так или иначе участвовал в жизни школы. Проводились конференции, круглые столы и другие подобные мероприятия. Нередко в них участвовали гости — П.В. Крашенинников, В.Ф. Яковлев, В.В. Витрянский, Л.А. Новоселова и многие другие. Хотя это гости только в том смысле, что живут не в Екатеринбурге. Большинство приезжавших тогда имели непосредственное отношение к Исследовательскому центру частного права, Российской школе частного права.

Сергей Аркадьевич был активнейшим участником самых разнообразных мероприятий. Причем сначала он выступал в числе организаторов (очень часто — основного организатора), а затем становился участником обсуждения, дискуссии...

Не секрет, что зачастую мы мыслим стереотипами. Сергей Аркадьевич стремился к их преодолению, а то и разрушению. Не всегда его позиция находила поддержку, но его оригинальные подходы заставляли задуматься о том, что казалось (может, кажется до сих пор) незыблемым, не подлежащим сомнению и пр. Так, я не сомневаюсь в достоинствах пандектной системы, в которой выделяются общая и особенная части гражданского права. Сергей Аркадьевич напомнил о том, что и институционная система, которая может быть сведена к трем институтам (лица, вещи, иски), также заслуживает всемерного уважения. Работа Сергея Аркадьевича на эту тему называется «Блеск и нищета пандектистики». О пробелах в праве (законе) традиционно говорится как о негативном явлении. Сергей Аркадьевич указывал, что наличие пробелов способствует торжеству основных положений, принципов права и потому их следует приветствовать (приблизительное изложение взглядов Сергея Аркадьевича).

Еще раз отмечу, что речь не идет о том, соглашаться с изложенными взглядами или, напротив, оспаривать их. Независимо от того, как к ним относиться, нельзя не заметить нетривиальность подходов, стремление по-новому «взглянуть» на, казалось бы, общеизвестное.

Таких оригинальных подходов у Сергея Аркадьевича множество. И проявлялись они по-разному. Кроме отмеченных (и иных неупомянутых) взглядов (идей, подходов), Сергей Аркадьевич немало экспериментировал и в способах подачи материала. Так, весьма популярны комментарии к кодексам и другим законам. В 60-е гг. XX в. под редак-

цией О.А. Красавчикова был подготовлен оригинальный комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР — в форме учебно-практического пособия. Под редакцией Сергея Аркадьевича в новейшее время подготовлены учебно-практические комментарии к ГК РФ, СК РФ, ЗК РФ, в которых путем выделения в тексте закона наиболее важных положений, введения таких рубрик, как «Наука», «Судебная практика» и др., облегчается обучение праву.

Некоторые из этих приемов использованы и при написании учебника по гражданскому праву под редакцией С.А. Степанова. Здесь в том числе содержатся рубрики «Авторитетное мнение» (излагается позиция известных ученых), «Из истории цивилистики», «Судебная практика» и др.

Сергей Аркадьевич защитил кандидатскую диссертацию на достаточно актуальную в то время (2000 г.) тему «Предприятие как имущественный комплекс по Гражданскому кодексу Российской Федерации». В 2004 г. им защищена докторская диссертация, посвященная теме, которая вечно актуальна: «Недвижимое имущество в гражданском праве: теоретические проблемы». Обе работы были подготовлены на кафедре гражданского права Уральской государственной юридической академии (ныне УрГЮУ). Работать на кафедре Сергей Аркадьевич начал с конца 90-х гг. XX в. и работал до 2016 г. (о переходе на другую кафедру чуть далее).

Мне, как заведующему кафедрой, кажется, что Сергею Аркадьевичу было несколько «тесно» на кафедре, недостаточно комфортно, что ли. Видимо, была некоторая неудовлетворенность. Думается, Сергей Аркадьевич относился к преподаванию очень серьезно. И это правильно! Только так и должно быть. Но у Сергея Аркадьевича, как мне представляется, было немного идеализированное отношение к преподаванию. Он отдавался этому со страстью, ему нужно было, чтобы горели глаза у студентов и чтобы они с восторгом воспринимали идеи частного права и осознавали его непреходящую ценность...

Это замечательно — таким и должно быть отношение к работе преподавателем. И Сергею Аркадьевичу удавалось зажечь огонь в глазах и повести за собой. Но, увы, будучи лучшей частью человечества, студенты все-таки разные (как и преподаватели, кстати), всех за собой невозможно повести. И не только потому, что тот или иной студент не хочет работать. Кому-то может показаться более интересным, допустим, уголовное право (а не гражданское), кто-то увлечен общей теорией права. Бывает, что юриспруденция совсем неинтересна (что не означает ущербность человека. Так, С. Юрский учился у О.С. Иоффе,

о чем с удовольствием вспоминал, но состоялся вдалеке от «нивы юриспруденции»). Быть может, я ошибаюсь, но мне кажется, что Сергей Аркадьевич с болью воспринимал, когда студент не относился к частному праву так, как нам хотелось бы.

Кроме того, работа преподавателя обязывает написание довольно большого количества «бумаг», не имеющих отношения к творчеству (рабочие программы дисциплин, билеты к экзаменам т.д. и т.п.). Мне кажется, его эта сторона деятельности преподавателя угнетала. Может, раздражала. Вероятно, поэтому он и здесь старался выйти за принятые рамки. Так, вспоминаю, что в практикуме по гражданскому праву, подготовленном под руководством Сергея Аркадьевича (естественно, и он сам был автором), встречаются задачи, включающие в себя сюжеты из рассказов О. Генри, И. Ильфа и Е. Петрова и т.д. Здесь же были задачи, в которых интрига состояла в том, что некто в зоопарке дразнил орангутана и оказался нокаутированным (тема — гражданско-правовая ответственность), в другом случае пассажир трамвая съел «счастливый» билет и был оштрафован (тема — объекты гражданских прав) и т.д. Очевидно, что таким образом хотелось оживить довольно сухую юридическую материю.

Вообще, чувство юмора у Сергея Аркадьевича было потрясающее. Любил цитировать Я. Гашека. Сам мог отреагировать на ту или иную ситуацию тонкой шуткой[1]. Именно тонкой: юмор его был не злой, нередко иронизировал над собой (не думаю, что в любой компании, но я видел это не раз).

Сергей Аркадьевич был невероятно целеустремленным. Кажется, поставив цель, он стремился к ее достижению, чего бы это ни стоило. Причем он, видимо, старался «поднять планку» все выше и выше, как бы сознательно создавая сложности, чтобы затем преодолевать их снова и снова. Помню, как обсуждали какой-то проект (о международных контактах, что ли) и я усомнился в его исполнимости, поскольку денег на это нет. Сергей Аркадьевич ответил примерно так: давайте решим, а если решим, то и деньги найдем.

Кстати, о международных контактах. Сергей Аркадьевич всячески стремился к их установлению и расширению. Мы вдвоем летали в Пекин году в 2005-м. Были встречи в университетах, юридических компаниях, обмен книгами... Но меня это не увлекло. А Сергей Аркадьевич летал в Китай, Коста-Рику, Южную Америку, Индию...

[1] Об этом хорошо рассказывает супруга Сергея Аркадьевича Ирина Сергеевна Степанова. См.: Сергей Аркадьевич Степанов. Книга памяти. С. 9–11.

Речь не о туристических поездках, а о встречах, преследующих научные (и подобные) цели. В том числе Сергей Аркадьевич читал лекции иностранным студентам, издавались книги, подготовленные им и иностранными коллегами, и т.д.

Необходимо отметить совершенно особое отношение Сергея Аркадьевича к Сергею Сергеевичу Алексееву.

Сергей Сергеевич — великий человек. В 90-х гг. XX в. — первом десятилетии XXI в., будучи формальным и неформальным лидером, Сергей Сергеевич еженедельно бывал в Уральском филиале РШЧП (нередко по несколько раз в неделю). В том числе читал лекции студентам. Но я с удовольствием вспоминаю наши разговоры с участием Сергея Сергеевича, Сергея Аркадьевича, Константина Петровича Беляева и других коллег о Канте, Ю. Трифонове, Г.Ф. Шершеневиче, Б.Б. Черепахине, новейших правовых актах, новинках юридической литературы...

И мы учились у Сергея Сергеевича (тем более что слушали его лекции еще в студенческие годы и нередко в РШЧП).

Сам Сергей Сергеевич чрезвычайно уважительно относился к своим учителям, особо выделял Бориса Борисовича Черепахина и Александра Марковича Винавера. Несомненно, и отношению к учителям мы учились у Сергея Сергеевича.

Не знаю, насколько уместно это слово, но мне хочется назвать отношение Сергея Аркадьевича к Сергею Сергеевичу трепетным. Постараюсь пояснить.

Сергей Сергеевич пользовался непререкаемым (абсолютным, неповторимым...) научным авторитетом. Он был очень интересный многогранный человек. Фронтовик. Думаю, главным праздником для него был День Победы. Великий ученый — правовед, литератор... Учитель!

Сергей Аркадьевич был довольно «закрытым» человеком. Но только не по отношению к Сергею Сергеевичу. Сергей Сергеевич был ему близким, очень близким; он был ему чрезвычайно дорог.

Поэтому Сергей Аркадьевич оказывал всемерную помощь Сергею Сергеевичу в научной деятельности. Например, находил нужную (редкую) книгу. Он организовал издание едва ли не всех работ Сергея Сергеевича постмосковского периода (написанных после 1996 г.). Это организация взаимоотношений с издательствами (прежде всего «Статут» и «Проспект»), редактирование, корректорская работа, пропагандирование... В том числе, по справедливому замечанию П.В. Крашенинникова, «огромную помощь в составлении собрания сочинений

Сергея Сергеевича оказали его ученики и последователи С.А. Степанов и Н.П. Зарипова».

Немаловажно и оказание помощи в т.н. бытовых вопросах, о которых обычно не принято много говорить, но которые так важны в нашей жизни.

И после переезда Сергея Сергеевича в Санкт-Петербург (2011 г.) Сергей Аркадьевич не оставлял его без внимания.

Сергей Аркадьевич — основатель музея Сергея Сергеевича. Причем музей этот не есть обычное помещение, в котором собраны какие-то вещи. Сергей Сергеевич последние годы часто работал именно в этом здании. В основе музея — и это отражено в его названии — находится концепция восхождения к праву. Это в том числе отразилось в интерьере, в подборе материалов и логике их размещения...

Сергей Аркадьевич и сам проводил экскурсии по музею, с увлечением рассказывая о том, каким был Сергей Сергеевич.

Мне кажется, Сергей Аркадьевич в значительной степени «делал жизнь» с Сергея Сергеевича Алексеева. Это даже отражается в стилистике его произведений. Одним из аргументов в пользу перехода с работы на кафедре гражданского права на кафедру теории государства и права, от которого я долго и, к сожалению, безуспешно отговаривал, было то, что Сергей Сергеевич в 1961 г. тоже ушел в «общую теорию права». Упоминалось и то, что вопрос такого перехода обсуждался с Сергеем Сергеевичем.

Дочь С.С. Алексеева Ирина Сергеевна Алексеева пишет: «Сергей Степанов — настоящий духовный сын Сергея Алексеева, только так его и можно назвать. А значит, наш утраченный брат»[1].

Сергей Аркадьевич был ярким, очень интересным человеком.

[1] *Алексеева И.С.* Духовный сын // Сергей Аркадьевич Степанов. Книга памяти. С. 52.

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЧЕЛЫШЕВ

Я трепетно отношусь к слову «друг». Этим словом нельзя разбрасываться.

Миша Челышев был мне другом; во всяком случае, я к нему относился как к другу.

Мы познакомились в Екатеринбурге. Было какое-то мероприятие научного характера. Естественно, был и ужин в хорошей компании. Миша сразу запомнился. Добрый человек. С прекрасным чувством юмора. Очень легко разговаривать с ним. Очень открытый человек. К счастью, я не ошибся: Миша — светлый человек.

Не очень люблю ездить в командировки. Но очень часто ездил, нередко каждую неделю, часто утром вылетаю из Екатеринбурга, а ночью возвращаюсь. Ездил, когда нельзя было не ехать. Как правило, всячески уклонялся от участия в различного рода конференциях, конгрессах и т.п. В 2006 г. Миша просил приехать на конференцию. Устоять было невозможно — поехал я в Казань. Оказалось очень интересно, по-доброму, весело.

Миша выступал и как заведующий кафедрой, и как организатор научных мероприятий, и как экскурсовод, и, главное, как гостеприимный, веселый, добродушный человек.

Рассказывали, что как-то на новогоднем (или другом) корпоративе Миша был в роли Красной Шапочки. Не сомневаюсь, что это было очаровательно. Невысокого роста, не худенький, круглолицый, с приветливой улыбкой, бесспорно наделенный артистическим талантом, не боящийся воплощать самые разные образы...

После упомянутой поездки в Казань я стал ездить гораздо чаще на конгрессы, симпозиумы, конференции... Так произошло с легкой руки Миши Челышева.

И кстати, о способности к преображению. Как-то мы встретились в г. Одессе. Высокого уровня мероприятие научного характера. Организатором была Н.С. Кузнецова (не знаю, значилась ли Наталья Семеновна формальным организатором, но то, что она была «мотором», — это точно). Съехались цивилисты с разных концов Украины, России, Казахстана и т.д. Была Тамара Евгеньевна Абова, приехал Виктор Павлович Мозолин...

Как и положено, в ходе проведения такого рода мероприятий был замечательный ужин. С тостами, объяснениями в любви, песнями... Преобладали, конечно, потрясающие украинские песни. Но мы же в Одессе: Миша взял микрофон и спел «На Дерибасовской открылася пивная. Там собиралася компания блатная...». Пел азартно, по-хулигански, как и положено исполнять такие «вещи». Понятно, что такого рода произведения могут восприниматься неоднозначно. В данном случае в основном «аудитория» веселилась. Я не удержался и, насколько мог, постарался помочь Мише в демонстрации народу столь значимого и содержательного «романа», в котором так кипят страсти...

Миша писал докторскую диссертацию. Тема более чем актуальная — о межотраслевых связях гражданского права.

Актуальность ее обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего тем, что время энциклопедистов давным-давно прошло. Чем дальше — тем более усиливается специализация. Иначе и быть не может, ибо количество конкретных знаний растет неимоверно (и слава Богу). А, как известно, «Никто не обнимет необъятного» (Козьма Прутков). Вот и в праве, и в юридической науке царит специализация.

Существуют разные отрасли права (конституционное, гражданское, уголовное и др.). Есть цивилисты, процессуалисты, административисты...

Среди цивилистов появляются те, кто специализируется на изучении вещного права, другие разбираются в обязательственном праве, третьи погружены в наследственное право и т.д. Иными словами, даже внутри сообщества цивилистов, по общему правилу, нет универсализма. Что уж говорить об отношениях гражданского права с другими отраслями российского права, цивилистической науки с другими отраслями правовой науки и т.д.?

«Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння» (Козьма Прутков).

Гражданское право представляет собой систему, являющуюся компонентом (подсистемой) более широкой системы российского права. Компоненты последней (отрасли российского права) взаимодействуют друг с другом (не могут не взаимодействовать друг с другом и не влиять друг на друга).

Итак, специализация («разделение труда») в праве и в юридической науке есть процесс неизбежный и прогрессивный, способствующий совершенствованию (эффективности) правового регулирования, усилению защиты субъективных прав, углублению знаний о правовых явлениях и т.д.

Вместе с тем необходимо сопоставление разных норм, форм, способов воздействия на общественные отношения, мер защиты субъективных прав разными отраслями права. Воистину единство и борьба противоположностей.

Вот Михаил Юрьевич и занялся рассмотрением гражданского права как системы и как компонента макросистемы права, анализом внутриотраслевых и межотраслевых связей, характеристикой методологии научного познания межотраслевых связей гражданского права и т.д.

Меня Миша попросил быть научным консультантом. Понимая, что мало чем могу помочь, я все же согласился — ну как можно было с ним не согласиться?! Я и правда не оказал никакого влияния на содержание работы Михаила Юрьевича, поскольку мне все нравилось. Вообще не считаю правильным навязывание кому-либо своих взглядов (что не исключает дискуссий и т.п.). Но в данном случае мое вмешательство было бы излишним; без моей активности Михаил Юрьевич сделал очень хорошую работу.

Я, естественно, был на защите докторской диссертации М.Ю. Челышева в Казани. Был радушный прием, очень доброжелательная атмосфера... Видимо, я внутренне расслабился... Обычно в ходе защиты диссертаций слово предоставляется научному руководителю, если речь идет о соискании ученой степени кандидата наук, и научному консультанту, если речь идет о соискании степени доктора наук. Я всегда ограничиваюсь указаниями на то, что, на мой взгляд, рассматриваемая работа соискателя отвечает установленным требованиям и это изложено в моем письменном отзыве. В данном случае предоставление слова научному консультанту почему-то оказалось для меня неожиданным. И я простодушно и искренне поздравил Казанский университет с получением еще одного шедевра — работы Михаила Юрьевича Челышева. Консультант не должен бы так говорить, но что было, то было. И от души, и, как я считаю, соответствовало действительности.

Защита была блестящей.

Впоследствии Михаил Юрьевич стал председателем диссертационного совета и, кажется, как-то я по его приглашению выступал оппонентом.

Исследование межотраслевых связей права гражданского предполагает обращение к весьма абстрактным категориям, высокой теории. Очевидно, стараясь «не отрываться от земли», М.Ю. Челышев писал и о вполне конкретных «вещах». Так, помнится, он достаточно обстоятельно характеризовал законодательство о защите прав потребителя и практику применения соответствующих норм.

Одновременно Михаил Юрьевич искал новые, малоразработанные темы. Как-то мы встретились на научной конференции в г. Алматы. Кроме прочего, я, как обычно, весьма критически высказался о выделении разных комплексных отраслей права (медицинского, образовательного, спортивного...). А Миша в своем выступлении говорил как раз о спортивном праве. Приятно, что это никак не сказалось на наших отношениях, не было и намека на недовольство ни с моей стороны, ни со стороны Михаила Юрьевича.

Изложенное здесь не претендует на объективность и стопроцентную точность. Разумеется, знал я о Михаиле Юрьевиче Челышеве далеко не все. Конечно, он бывал и другим, не таким, каким я его запомнил.

А вспоминается светлый человек — Миша Челышев. И сразу следом — шок, который испытали очень многие люди, когда произошла ужасная трагедия. И ничего не поправить.

Светлая память.

Михаил Юрьевич Челышев родился 16 ноября 1971 г. в г. Казани. Умер 22 августа 2013 г. Похоронен на Арском кладбище г. Казани.

Д.И. МЕЙЕР[1] И ФОРМИРОВАНИЕ УЧЕНИЯ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

1. **Исполнение обязательств — это совершение действия, составляющего объект обязательства.**

Исполнение обязательства представляет собой осуществление права кредитором и исполнение обязанности должником.

Значение исполнения обязательства заключается в том, что благодаря этой стадии развития правоотношения осуществляется **гражданский оборот**, достигается **цель**, которую преследуют участники обязательства, удовлетворяется **интерес** управомоченного лица действиями лица обязанного.

Исполнение обязательства осуществляется посредством передачи имущества (вещей, прав и т.д.) кредитору, выполнения работ и передачи их результата кредитору, путем оказания услуг, уплаты денег и т.д.[2]

К способам обеспечения исполнения обязательств относятся неустойка, залог, поручительство, задаток и т.д. (п. 1 ст. 329 ГК). Нетрудно заметить, что лишь некоторые правовые средства (меры) обеспечивают **исполнение** обязательств. Так, неустойка и задаток непосредственной целью имеют стимулирование должника к **исполнению** обязательства. Таким образом, обеспечивается именно **исполнение** обязательства или, другими словами, обеспечиваются права кредитора путем создания условий, повышающих вероятность исполнения обязательства. Другие меры к **исполнению** обязательства отношения не имеют. Они предназначены непосредственно для защиты имущественного (денежного) интереса кредитора в случае неисправности должника (поручительство, банковская гарантия). Уплата денег поручителем, гарантом есть только суррогат исполнения. Наконец, есть меры, которые стимулируют должника к исполнению обязательства, а в случае

---

[1] См.: Дмитрий Иванович Мейер. Отец русского гражданского права // Крашенинников П.В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8: Апостолы права. М.: Статут, 2019. С. 162–179.

[2] См., например: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. С. 71.

его неисправности гарантируют защиту имущественных интересов кредитора (залог, удержание).

Таким образом, выделяются меры, во-первых, обеспечивающие **исполнение** обязательства, во-вторых, обеспечивающие **защиту** имущественных **интересов** кредитора при нарушении обязательства должником, в-третьих, обеспечивающие **исполнение** обязательства и **защиту интересов** кредитора при неисправности должника.

Поэтому следует иметь в виду условность широко распространенного (в т.ч. используемого в законе) наименования «обеспечение исполнения обязательств». Правильнее говорить об обеспечении обязательств. Кстати, русские юристы именно так и поступали. Д.И. Мейер рассматривает способы обеспечения договоров[1], Г.Ф. Шершеневич и С.В. Пахман анализируют средства обеспечения обязательств[2] и т.п.

2. Отдельные способы обеспечения обязательств известны уже римскому праву (задаток, неустойка, поручительство, залог)[3]. Однако, как известно, отличительными признаками римского права являлись, в частности, его конкретность и практичность[4]. «Если римский юрист и высказывает общее положение, то он делает это на основе рассмотрения конкретного случая. Конечно, римские юристы оставили нам и сборники общих правил (всякого рода институции, правила, дигесты), но эти сборники являются лишь дальнейшей обработкой и обобщением выводов конкретных судебных дел»[5]. Поэтому естественно, что общего учения об обеспечении исполнения обязательств римские юристы не создали. Но «римское право доставило материал для весьма важных отделов современных гражданских кодексов как Западной Европы, так и России»[6].

---

[1] См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 2. С. 179–221.

[2] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. С. 290–298; *Пахман С.В.* Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Т. 1. СПб., 1877. С. 77–100.

[3] Еще до появления этих способов довольно распространенным стимулом для должника было заложничество: кто-либо дает вместо себя «поручителя», который и будет кредитору должен, пока обязанность не будет исполнена. «Другим весьма сильным дополнительным средством обеспечить исполнение со стороны должника его обещания было облечение его обещания в форму клятвы; благодаря этому договор ставился под защиту религии и снабжался сакральной санкцией. Мы знаем, что в то древнейшее время сакральное право часто шло впереди светского» (*Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1999. С. 380).

[4] См.: Римское частное право / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 1994. С. 7.

[5] Там же. С. 8.

[6] *Хвостов В.М.* Система римского права: учебник. М.: СПАРК, 1996. С. 11.

3. Проблема общего понятия обеспечения обязательств не привлекала пристального внимания дореволюционной юридической науки. Высказывания по этому поводу, как правило, предельно лаконичны и либо сделаны в ходе обсуждения других юридических проблем, либо призваны служить вступлением к характеристике отдельных способов обеспечения обязательств. (Последние исследовались весьма обстоятельно.)

Так, И.А. Покровский затрагивает проблему обеспечения обязательств в связи с критикой широко распространенного воззрения, в соответствии с которым единственным последствием неисполнения обязательства может быть только взыскание убытков. Полагая, что «с этим мнением согласиться невозможно», И.А. Покровский считал, что для вынуждения исполнения «наиболее идеальным средством было бы такое, которое доставляло бы кредитору именно то, что составляет содержание обязательства, и там, где это технически возможно... праву нет никаких оснований отказываться от исполнения in natura... денежное взыскание... служит лишь косвенным средством для побуждения должника и суррогатом исполнения для кредитора»[1].

Г.Ф. Шершеневич, прежде чем перейти к рассмотрению отдельных способов обеспечения обязательств, указывал: «Обязательство дает право требовать, но не принуждать к исполнению действия, обещанного должником. Если с этой стороны нет и не может быть никакого обеспечения в том, что установленное обязательство будет в точности исполнено, то, по крайней мере, необходимо обеспечить верителю тот имущественный интерес, который для него связывается с обязательством»[2].

Таким образом, в данном случае суть проблемы видится именно во взыскании убытков.

Важные положения о понятии обеспечения исполнения обязательств сформулированы еще в XIX в. Д.И. Мейером.

Д.И. Мейер называл способами обеспечения договоров создаваемые юридическим бытом «искусственные приемы для доставления обязательственному праву той твердости, которой недостает ему по его существу»[3]. Обеспечение находит выражение в том, что обязательство должника в случае его неисправности расширяется, становится более

---

[1] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. С. 242–243.

[2] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С. 290.

[3] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 2. С. 179. Аналогичной точки зрения придерживался К. Анненков (см.: *Анненков К.* Система русского гражданского права. Т. III. Права обязательственные. СПб., 1901. С. 231).

тягостным, нежели по самому договору (неустойка), обязательство в случае неисправности должника распространяется на других лиц (поручительство), с правом верителя на удовлетворение соединяется на случай неисправности должника право требовать продажи определенной вещи, принадлежащей должнику (залог), и т.д.[1] Перечислив шесть таких способов, Д.И. Мейер предваряет более подробное рассмотрение четырех из них (задатка, неустойки, поручительства и залога) указанием на то, «что вообще все то, что по правилам благоразумия может побудить должника к точному исполнению договора, будучи совместным с существующими юридическими определениями, может служить к его обеспечению»[2].

Аналогичную позицию занимал С.В. Пахман, который отмечал, что обязательства «по самой природе своей нуждаются в таких средствах, которые бы гарантировали их исполнение», «повсюду ранее или позже изобретаются те или другие средства, которые направлены против неисправности по обязательствам и служат или побуждением к исполнению их, или даже полной гарантией исполнения»[3].

Анализируя приведенные высказывания Д.И. Мейера и С.В. Пахмана, можно видеть:

а) констатируется некоторая «непрочность» обязательственных прав в сравнении с правами вещными. Таким образом, обозначено обстоятельство, побуждающее заботиться об укреплении (обеспечении) обязательств;

б) понятие обеспечения обязательств не связывается с действием закона, нарушением прав и их защитой, взысканием убытков и пр. Взысканию убытков «отказано в праве» считаться способом обеспечения обязательств. По мнению Д.И. Мейера, «есть средства вознаградить верителя за несовершение действия со стороны лица обязанного; но это вознаграждение за неисполнение действия не то, что само действие»[4] (поэтому и создаются способы обеспечения договоров);

в) способы обеспечения обязательств квалифицируются как искусственные (изобретаемые) приемы (средства). Этим подчеркивается отсутствие органической связи данных приемов с материальным содержанием обеспечиваемых обязательств. «Появлением на свет» они обязаны формированию юридических понятий, развитию правовой науки;

---

[1] См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 2. С. 179.
[2] Там же. С. 182.
[3] *Пахман С.В.* Указ. соч. С. 77–78.
[4] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 2. С. 179.

г) указывается функциональная направленность соответствующих приемов: доставление твердости обязательственному праву, побуждение должника к исполнению обязательства или создание гарантий его исполнения;

д) отмечается то обстоятельство, что перечень способов является незакрытым. Однако указанием причин появления способов обеспечения обязательств, отграничением их от иных приемов правового воздействия, обозначением их правовой природы, а также указанием их функциональной направленности определяются пределы понятия «обеспечение обязательств». Благодаря указанию этих обстоятельств, а также приведению перечня способов обеспечения обязательств задается некая «планка», учитывая которую можно решить вопрос о включении того или иного юридического приема в систему таких способов.

4. **Римскому частному праву** были известны такие способы обеспечения исполнения обязательств, как задаток, неустойка, поручительство и залог[1]. Существовало также право удержания. Однако оно не сформировалось в качестве самостоятельного института и не рассматривалось в качестве способа обеспечения обязательств[2].

5. Названные способы обеспечения признавались также **русским гражданским правом** и **правовой наукой**[3]. Иногда к способам обеспечения относили и некоторые другие. Так, Д.И. Мейер указывал: «Встречается иногда такой прием: для обеспечения верителя в счет совершения действия, составляющего предмет договора, должник тем же самым договором обязывается воздерживаться от других действий, которые могут быть несовместимыми с действием — предметом права верителя. Например, А заключает договор займа и в обеспечение своего верителя одновременно обязывается не заключать других займов»[4].

Д.И. Мейер не случайно избрал столь обтекаемую форму подачи материала («встречается иногда»). По-видимому, ученый считал ошибкой использование такого приема и отнесение его к способам обеспечения обязательств, поскольку указывал, что «само по себе обязательство воздерживаться от заключения новых договоров не имеет никакого значения»[5].

---

[1] См.: Римское частное право: учебник / под ред. проф. И.Б. Новицкого и проф. И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 1994. С. 335–348.

[2] См. об этом: *Сарбаш С.В.* Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. М.: Статут, 1998. С. 13–19; *Его же.* Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 11.

[3] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. С. 290–298, 239–253.

[4] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 2. С. 181.

[5] Там же.

Достаточно осторожно высказался Д.И. Мейер о таком приеме: «Как на способ обеспечения договора смотрят у нас на условие контрагентов в случае какого-либо спора, возникающего из договора, обратиться к разбирательству посредников, третейского или известного суда»[1]. Характерно, что, обстоятельно рассматривая задаток, неустойку, поручительство и залог[2], Д.И. Мейер о названном приеме лишь упоминает.

Д.И. Мейер категорически отказывает в признании способом обеспечения обязательства встречающееся включение в договор условия, в соответствии с которым «обязанная по договору сторона в обеспечение верителя вовсе отказывается от права судебной защиты по договору. Конечно, такое условие не может иметь силы»[3].

6. В советские времена было немало сделано для развития учения об обеспечении обязательств[4]. При этом нельзя было сослаться на идеи, сформулированные Д.И. Мейером (а также И.А. Покровским, Г.Ф. Шершеневичем и другими учеными, творившими до 1917 г.). Однако несомненно, что советская цивилистика, несмотря на необходимые в то время «заклинания», обусловленные идеологическими соображениями, опиралась на достижения дореволюционных ученых[5].

7. Кроме указанных и иных идей общего характера, вошедших в основание учения об обеспечении обязательств, Д.И. Мейер сформулировал ряд положений об отдельных способах обеспечения, которые востребованы и сегодня (о задатке, неустойке, поручительстве и залоге)[6].

8. В настоящее время положения об обеспечении обязательств, сформулированные Д.И. Мейером, чаще всего воспринимаются как незыблемые. Быть может, даже подсознательно.

Сказанное не означает, что развитие учения об обеспечении обязательств «заморожено». Высказываются разные мнения о понятии обеспечения, о расширении перечня способов обеспечения. Формулируются различные позиции об отдельных способах и т.д. Но основополагающие идеи, данные Д.И. Мейером, по-прежнему актуальны.

---

[1] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 2. С. 181.

[2] См. там же. С. 182–221.

[3] Там же.

[4] Об этом см., например: *Гонгало Б.М.* Учение об обеспечении обязательств. М.: Статут, 2002. С. 14 и сл.

[5] Об этом см., например: *Гонгало Б.М.* Советская цивилистика и сегодняшний день. С. 114.

[6] См.: *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 2. С. 182–221.

АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ ВИНАВЕР

Вступление

Фамилия Винавер уже достаточно давно известна людям, интересующимся общей историей, историей государства и права, политикой и пр. Так, в знаменитом «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» (1907 г.) указано: «Винавер, Максим Моисеевич, юрист, адвокат, р. 1862, работы по истории русского граждан. права и об адвокатуре; один из учредителей конституционно-демократич. партии и 1906 г. член первой Государственной Думы (от СПБ)». В наши дни (2015 г.) А.Л. Маковский начинает свой обстоятельный, глубокий, красивый рассказ о М.М. Винавере с таких слов: «М.М. Винавер — без скидок и преувеличений — был человеком выдающимся. И как многие талантливые люди, личностью необычайно многогранной. Многогранной настолько, что написанное о нем в разных изданиях можно принять за рассказы о разных людях»[1].

Жизнь (этапы судьбы)

Сегодня речь о другом человеке — о **Винавере Александре Марковиче**. Но их часто путали и путают. И Александру Марковичу от этого было нехорошо (об этом далее).

Александр Маркович был, как принято говорить, человеком со сложной **биографией**[2], иногда говорили: человек с прошлым.

---

[1] *Маковский А.Л.* О Максиме Моисеевиче Винавере — политике, общественном деятеле, литераторе и цивилисте // Винавер М.М. Из области цивилистики. Недавнее (воспоминания и характеристики) / сост. и авт. вступ. сл. А.Л. Маковский. М.: Статут, 2015. С. 7.

[2] Биографические данные взяты из различных источников. Прежде всего, из: *Мурзин Д.В.* Об Александре Марковиче Винавере (1883–1947) // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. трудов. М.: Статут, 2001. С. 364–382); *Крашенинников П.В.* Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. С. 183–189; *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): в 2 т. Т. 2: Страницы истории, документы и судьбы преподавателей и выпускников / под ред. проф. А.С. Смыкалина. Екатеринбург: Ур. гос. юрид. ун-т, 2020. С. 748–860. Очень

Родился он в г. Вильно (Вильнюс) в 1883 г. в семье аптекаря — провизора Марка Абрамовича Винавера (1853–1917 или 1923). Как писал Александр Маркович, его отец «скончался инвалидом в начале революции»[1].

В 1902 г. А.М. Винавер окончил Гродненскую классическую гимназию. В 1903 г. поступил в Демидовский юридический лицей[2] (г. Ярославль). В 1904 г. перевелся на 2-й курс Московского университета.

В 1907 г. А.М. Винавер окончил юридический факультет Московского университета. До сентября 1911 г. он находился при Московском университете для приготовления к профессорскому званию. Покинул Московский университет с должности приват-доцента в 1911 г.

Был преподавателем общей теории права и гражданского права в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского с 1911 по 1917 г.

С 1907 г. по 1917 г. работал помощником присяжного поверенного округа Московской судебной палаты.

Магистерский экзамен был им сдан в Казанском университете.

С весны 1913 г. по осень 1913 г. А.М. Винавер был в г. Фрейбурге, во Фрейбургском университете, где учился римскому праву, знакомился с методикой преподавания римского права в западноевропейских университетах.

Жизнь человека обычно не строится так прямолинейно и последовательно, как это излагается на страницах биографии. Часто параллельно осуществляется деятельность, происходят события, равные

важно, что указанные работы основаны в первую очередь на архивных материалах, в том числе на документах, написанных рукою самого Александра Марковича Винавера (прежде всего в хранящемся в его личном деле — «жизнеописании» (по-нынешнему — автобиография) и личном листке по учету кадров). При подготовке настоящей работы используются также материалы, содержащиеся в личном деле А.М. Винавера, которое находится в Государственном архиве Свердловской области Ф.2134-Р (СЮИ). Если, однако, существующая информация уже обнародована, то для удобства читателей даются отсылки к опубликованным работам. Кроме того, при написании данной статьи использованы и воспоминания людей, знавших А.М. Винавера, и рассказы его родственников.

[1] Цит. по: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 364. С.М. Винавер указывает, что Марк Винавер умер в 1923 г. См.: *Винавер С.М.* Потомки Я.-И. Винавера // Из глубины времен. 1996. № 7. С. 183.

[2] Сейчас не все знают, что этот лицей в те времена был уникальным высшим учебным заведением. Например, по числу студентов он уступал только юридическим факультетам Московского и Петербургского университетов, а по числу периодических изданий был вне конкуренции. См. об этом: Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С.А. Егорова, А.М. Лушникова, Н.Н. Тарусиной. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2009. В том числе с. 98, 115.

по значимости. Если же эти события являются менее значимыми, нежели те, которые обозначены как главные, то все равно не могут быть проигнорированы.

Так, А.М. Винавер работал в Первой Государственной Думе секретарем председателя Думы С.А. Муромцева. После разгона Думы (в том же 1906 г.) был помощником (личным секретарем) С.А. Муромцева. С января 1910 г. по декабрь 1919 г. Александр Маркович был профессором и секретарем правления Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. С сентября 1912 г. по декабрь 1917 г. занимал должность доцента Психоневрологического института в Петербурге. С мая 1917 г. по октябрь 1924 г. А.М. Винавер снова в Московском университете (профессор, декан факультета общественных наук, директор Института теории и истории права факультета общественных наук).

В октябре 1924 г. Александр Маркович назначен профессором Среднеазиатского государственного университета (г. Ташкент). Находился он на этой должности до октября 1928 г., а с октября 1928 г. и по август 1930 г. А.М. Винавер — профессор Казанского университета.

В 1930 г. он вернулся в Москву и в июле — ноябре 1930 г. состоял консультантом по учебной части вузов Коневодсовхозтреста. С февраля 1931 г. по май 1932 г. Александр Маркович работает юрисконсультом АО «Продукт». С мая 1932 г. по 14 января 1938 г. занимает должность заведующего Центральным юридическим бюро Главного управления Объединенного государственного издательства. Состоял членом подкомиссии гражданского права и процесса по составлению проектов кодексов СССР.

В январе 1938 г. А.М. Винавер арестован. 11 января 1940 г. лишен свободы сроком на 8 лет за участие в антисоветской организации.

А.М. Винавер был освобожден досрочно 19 августа 1944 г.

С 15 октября 1944 г. он зачислен в штат Свердловского юридического института профессором кафедры гражданского права и процесса.

Александр Маркович Винавер умер в ночь на 17 марта 1947 г.

Похоронен в г. Свердловске на Ивановском кладбище (в нескольких минутах ходьбы от здания, в котором находился Свердловский юридический институт; в этом здании Александр Маркович и жил).

* * *

В данном случае биография Александра Марковича Винавера дается сухо, без анализа сказанного, комментариев, без указания причин, оценок и т.п., с тем чтобы из самого перечисления дат и мест пребывания было очевидно: нелегкая, нет, тяжелая выпала жизнь.

В.Г. Бояршинов — историк, краевед, генеалог (г. Пермь) — пишет: «Здесь, вблизи ограды тюремного заключения, покоится прах соратника бывшего вождя партии кадетов П.Н. Милюкова — Александра Марковича Винавера, закончившего свой путь профессором юридического института»[1] (мнимое кадетство А.М. Винавера не выветривается). На самом деле прах Александра Марковича был перезахоронен его младшим сыном в Москве на Ваганьковском кладбище[2].

Государственное бюджетное учреждение города Москвы «Ритуал» 26 февраля 2024 г. сообщило П.В. Крашенинникову:

«Уважаемый Павел Владимирович! В ответ на Ваше обращение по вопросу поиска места захоронения Винавера Александра Марковича, ск. 17.03.1947 г., сообщаем.

В архивных документах Ваганьковского кладбища имеется запись о захоронении урны с прахом Винавера Александра Марковича, ск. 16.03.1947 г., дата захоронения 01.06.1996 г., на уч. № 2.

Заместитель начальника Инспекции
по учету и регистрации
захоронений (Служба) Подпись»

Таким образом, благодаря обращению Павла Владимировича и приведенному ответу мы имеем официальное подтверждение того, где покоится прах Александра Марковича Винавера: Москва, Ваганьковское кладбище, участок № 2.

Власть и Винавер

Отношение власти к Александру Марковичу Винаверу было неблагосклонным. Впрочем, глядя из сегодняшнего дня, кажется, до 1911 г.

---

[1] URL: https://vitaboyarsh.ru/moi_proekty/dixi_et_animam_levavi_v_a_ignatev_i_ego_vospominaniya/ivanovskoe_kladbicshe.html.

[2] *Видре К.И.* «...А я простой советский заключенный...» (строка из известной песни Юза Алешковского, долгое время считавшейся народной. — *Б.Г.*). URL: https://kenatext.jimdofree.com/тексты/а-я-простой-советский-заключенный/. Отдавая должное автору за проделанную работу, проникновенный и добрый рассказ об А.М. Винавере, с сожалением приходится отметить, что в ней есть неточности. Так, не соответствует действительности утверждение, что А.М. Винавер «вел переписку со Свердловским юридическим институтом и своими друзьями о возможности устройства на работу после освобождения». Б.Б. Черепахина нельзя считать учеником А.М. Винавера (они и знакомы не были до 1944 г.). Б.Б. Черепахин не был деканом одного из факультетов Свердловского юридического института, поскольку факультетов не было. Есть и другие очевидные ошибки. Увы, в воспоминаниях и рассказах, основанных на воспоминаниях, это не редкость. Но и игнорировать их нельзя.

все складывалось достаточно благополучно. Гимназия, лицей, университет (Московский!), оставление в университете для приготовления к профессорскому званию... Во всяком случае, внешне все выглядит хорошо.

Правда, иногда утверждается, что «за неоднократное участие в студенческих волнениях был исключен из университета на год. Как-то раз вместе с другими студентами был избит в полицейском участке»[1].

Случились события 1905 года. Страшные события, именуемые революцией 1905 года. Естественно, студенты принимали в этих событиях участие. По стране прокатились многочисленные студенческие волнения. «Ответом правительства было усиление цензуры. В печати призывали к исключению всех смутьянов из числа студентов, к смене профессуры, слабой, рыхлой и неавторитетной»[2]. Кстати, либеральные настроения среди интеллигенции, в том числе университетской, были очень широко распространены. И вот в 1910 г. управляющим Министерства народного просвещения назначен Лев Аристидович Кассо[3]. Вскоре (2 февраля 1911 г.) он стал Министром народного просвещения.

«Для России конфликт университетской науки с властью являлся исторической характеристикой и продолжался в течение всего их сосуществования»[4]. В данном случае в условиях чрезвычайно напряженной социально-политической ситуации Л.А. Кассо предпринял ряд энергичных мер, призванных «навести порядок». Эти меры, однако, вызвали невероятное общественное негодование. В результате случилось массовое увольнение университетских преподавателей. Наиболее громкий скандал произошел в Московском университете. Здесь в отставке оказалось около 130 человек, что составляет примерно треть (!) всего преподавательского корпуса. В том числе 24 профессора. Многие с мировыми именами. Из цивилистов, к примеру, в отставку ушли профессора Г.Ф. Шершеневич, В.М. Хвостов. В Санкт-Петербурге были лишены должности профессора И.А. Покровский, М.Я. Пергамент, Д.Д. Гримм[5].

---

[1] *Видре К.И.* Указ. соч.

[2] *Ем В.С., Рогова Е.С.* Доктор права — Лев Аристидович Кассо // Кассо Л.А. Понятие о залоге в современном праве. М.: Статут, 1999. С. 10.

[3] Крупный российский цивилист, о чем, в частности, свидетельствует и то, что указанная книга была издана в серии «Классика российской цивилистики».

[4] *Ем В.С., Рогова Е.С.* Указ. соч. С. 12.

[5] Эти события начала XX века (массовые увольнения университетских преподавателей, прежде всего в Московском университете) часто именуют «Делом Кассо».

Конечно, данные события «ударили» по готовящемуся к профессорскому званию под руководством ушедших в отставку профессоров Александру Марковичу Винаверу[1]. Магистерский экзамен он сдал в Казанском университете[2]. Магистерскую диссертацию А.М. Винавер защитил в 1913 г. в г. Харькове.

В принципе, до 1917 г. отношение власти к А.М. Винаверу можно считать снисходительным. Скорее всего, она таких людей не очень замечала. Вроде все нормально. С позиций сегодняшнего дня, пожалуй, несколько настораживает обилие мест работы Александра Марковича и занимаемых им должностей в период с 1907 до 1917 г. Едва ли это от хорошей жизни... С другой стороны, может, это свидетельство востребованности, признания, поиска им себя?

1917 год.

Вряд ли прав Д.В. Мурзин, полагающий, что внешне чреда революций не отразилась на ученых занятиях А.М. Винавера, разве что на прекращении его работы в тех учреждениях, что были закрыты советской властью[3]. Если мы не видим сегодня того, что происходило, не знаем о нем, то это не значит, что все было хорошо и события 1917 г. не сказались на живших тогда людях (хотя бы и внешне, хотя бы и на ученых занятиях). Не могли не сказаться на их судьбе. Всех людей. Если в данном случае речь идет о ярких представителях юридического мира, о знаменитых цивилистах, то можно вспомнить о трагической кончине Вениамина Михайловича Хвостова — профессора Московского университета, который, не выдержав многих лишений, выпавших на долю таких, как он, русских интеллигентов в годы Гражданской войны, покончил жизнь самоубийством в 1920 г.[4] Знаменитый Иосиф Алексеевич Покровский, «выдающийся цивилист, сделавший драгоценный вклад в теорию гражданского права, погиб от лишений, упав под тяжестью вязанки дров, которую он поднимал

Многие из ушедших в отставку восстанавливались в должностях после Февральской революции 1917 г.

[1] Двоюродная сестра А.М. Винавера утверждает, что он «в 1911 г. уволен за участие в студенческих беспорядках». *Винавер С.М.* Указ. соч. С. 184.

[2] Как написал Александр Маркович в «жизнеописании», «магистерский экзамен ввиду разгрома в 1911 г. преподавательского состава Московского Университета Министром Кассо — сдал в Казанском Государственном Университете». (В 1911 г. Казанский университет еще не был государственным. — *Б.Г.*)

[3] См.: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 365.

[4] См.: *Хвостов В.М.* Система римского права. С. 8. (вступ. ст. — Е.А. Суханов, В.А. Томсинов)

на своих слабых плечах в свою жилплощадь...»[1]. Ну да, речь не об ученых занятиях. Но «почему-то» уехали из страны Л.И. Петражицкий, В.И. Синайский, П.А. Сорокин, Е.В. Васьковский и многие другие. А сколько ученых просто сгинуло...

Право и правовая наука не существуют сами по себе. Напротив, и право, и правовая наука обусловлены экономикой, культурой, идеологией, политическими баталиями и т.д. А рассматриваемое время — национализация, продразверстка, Гражданская война, расказачивание, новая экономическая политика...[2].

Но если не вспоминать об этих и подобных им фактах (явлениях, обстоятельствах), смотреть только на цифры, даты, то до 1924 г. у Александра Марковича все более или менее неплохо. Он вернулся в Московский университет, который вынужден был покинуть в связи с «Делом Кассо». По-видимому, это воспринималось и воспринимается сегодня как торжество справедливости. Постановлением Главного ученого совета РСФСР № 93 от 9 сентября 1924 г. А.М. Винавер вновь утвержден в звании профессора[3].

Как отмечалось, в октябре 1924 г. А.М. Винавер был назначен профессором Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте и пребывал в этой должности по октябрь 1928 г.[4] Говоря об отношении власти к профессору А.М. Винаверу и другим старорежимным ученым, можно воспринимать указанное и подобные ему назначения как «изгнание буржуазных “спецов” из всех сфер, за поощрение “красной профессуры” в науке». Как ссылку в Ташкент[5]. С другой стороны, справедливости ради надо отметить, что в то время организации университета в Ташкенте уделялось очень большое внимание (декрет о его создании подписан В.И. Лениным, существовало московское правление Туркестанского университета, в Ташкент было отправлено

---

[1] Столетие Киевского университета Св. Владимира. Белград. Изд. комитета киевских профессоров в Любляне, 1935. С. 29. Цит. по: *Маковский А.Л.* Выпавшее звено // Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 15.

[2] См.: *Гонгало Б.М.* Советская цивилистика и сегодняшний день; *Крашенинников П.* Страсти по праву. Очерки о праве военного коммунизма и советском праве. 1917–1938. М.: Статут, 2018. 331 с.

[3] См.: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 366.

[4] См. там же.

[5] Там же. См. также: *Арсланов К.М., Мифтахутдинова Д.Р., Пугачева А.С.* Развитие цивилистической школы Казанского университета в 1928–1932 гг.: А.М. Винавер и С.Н. Братусь // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162. Кн. 4. С. 111.

несколько эшелонов с литературой, оборудованием и т.д.; этими же эшелонами в Ташкент были доставлены профессора, преподаватели). Поэтому решался ряд задач, в том числе организация высшего учебного заведения в Туркестане (сегодня это Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека) и удаление из столиц дореволюционной профессуры и ее учеников.

О работе А.М. Винавера в Среднеазиатском университете ничего не известно. Высказываются сомнения, работал ли он в этом университете вообще[1]. Иногда говорят, что он «откликнулся на призывы Ленина "профессура на периферию" и, чтобы укрепить провинциальные университеты, ездил на вторые семестры читать лекции в Ташкент (САГУ, 1925–1930) и в Казанском университете (1929–1930)»[2]. С.В. Винавер пишет: «В 1925 г. обстоятельства снова заставили его (А.М. Винавера. — *Б.Г.*) покинуть Москву. До 1929 г. он преподавал в Ташкентском университете...»[3].

В июле — сентябре 1928 г. велась работа по созданию факультета советского права в Казанском государственном университете; он начал работу 1 октября 1928 г. «Кто именно пригласил в Казань Винавера либо рекомендовал его, точно сказать трудно... Не исключено, что профессор Винавер попросился в Казань сам, так как он в этот момент находился (или числился) в своеобразной ссылке в Ташкенте, в Среднеазиатском университете»[4]. А.М. Винавер появился в Казани в начале 1929 г. Здесь ему пришлось несладко. Внешне все выглядит так, будто проблемы возникли в связи с разными подходами к тому, как должно быть организовано преподавание. На самом деле суть в идеологии, политике, отношении к дореволюционной профессуре, стремлении сформировать новое мышление, нового человека... Стало быть, власти нужно было отрицать ранее существовавшее и носителей идей того, ранее существовавшего (поэтому об этих проблемах говорится здесь, при рассказе об отношении власти к Винаверу, а не там, где о нем повествуется как о преподавателе).

---

[1] См.: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 366–367; *Арсланов К.М., Мифтахутдинова Д.Р., Пугачева А.С.* Указ. соч. С. 111.

[2] *Видре К.И.* Указ. соч.

[3] *Винавер С.В.* Указ. соч. С. 184.

[4] *Багаутдинов Ф.Н.* Профессор Винавер А.М. в Казани // Российский юридический журнал. 2012. № 1 (82). С. 197–203. При выполнении данной работы Ф.Н. Багаутдинов использовал материалы, находящиеся в Национальном архиве Республики Татарстан, протоколы заседаний деканата факультета советского права и другие заслуживающие внимания источники.

По мнению Ф.Н. Багаутдинова, «первый год Винавера в Казани прошел в целом спокойно... Видимо, в Казани профессор работал наездами из Москвы»[1].

«Но произошли события, которые привели к уходу (изгнанию) Винавера из Казанского университета. Причем они были связаны с изменениями, происходившими во многих вузах и вызванными **политическим** моментом — ожесточенной **классовой борьбой**, в том числе в системе юридического образования»[2] (выделено мной. — *Б.Г.*).

В октябре 1929 г. деканатом факультета советского права принято решение о переходе на бригадно-лабораторный метод обучения. Реализация такого метода предполагала деление учебного процесса на следующие стадии: 1) вводная беседа (не лекция!) преподавателя (1 час); 2) самостоятельная работа студентов в бригаде из 4–6 человек (4–8 часов); 3) консультация преподавателя (1–2 часа); 4) конференция, на которой выступал представитель бригады, а оценки получали все ее участники. Теоретически считалось, что такой метод ведет к активизации самостоятельной работы студентов. Практически все зависело от того, какими качествами обладает бригадир, и того, как отвечает представитель бригады. Можно было вообще не заниматься и получать хорошие оценки за счет бригадира и отвечавших студентов.

А.М. Винавер был противником такого метода обучения; он доказывал, что изучать хозяйственное право таким образом невозможно. На методическом совещании профессорско-преподавательского состава факультета, состоявшемся 8 сентября 1930 г., констатировалось, что отдельные преподаватели скрыто и даже открыто саботировали внедрение бригадно-лабораторного метода. Назван А.М. Винавер.

Была организована проверка деятельности кафедр. На общем собрании факультета, которое состоялось 8 октября 1930 г., оглашено заключение о проверке. В нем А.М. Винавер характеризовался как единственный (!) преподаватель, который читает лекции студентам[3]. На собрании указывалось, что А.М. Винавер является несознательным буржуазным профессором, он насаждает среди студентов буржуазное юридическое мировоззрение, следует формально-догматическому

---

[1] *Багаутдинов Ф.Н.* Профессор Винавер А.М. в Казани // Российский юридический журнал. 2012. № 1 (82). С. 195–202.

[2] См. там же; *Арсланов К.М., Мифтахутдинова Д.Р., Пугачева А.С.* Указ. соч. С. 112.

[3] См.: *Багаутдинов Ф.Н.* Указ. соч. С. 195–202.

направлению в процессе преподавания и утверждает отсутствие классовой борьбы в хозяйственном праве.

Вскоре профессор Александр Маркович Винавер был снят с должности[1].

Непосредственной причиной изгнания А.М. Винавера из Казанского университета видится указанный конфликт, возникший в связи с неприятием им так называемого бригадно-лабораторного метода обучения[2]. Суть, однако, в другом. Власть полагала, что дореволюционные юристы могут мешать строительству социализма; такие юристы-преподаватели будут учить буржуазному праву, внедрять ценности, чуждые идеям социализма, в неокрепшие души советской молодежи; они не способны к восприятию марксистско-ленинского учения и пр. Власть опасалась или как минимум не доверяла дореволюционным профессорам и приват-доцентам, поэтому стремилась так или иначе их изолировать, во всяком случае отлучить от преподавания. Поэтому к концу 20-х — началу 30-х гг. от науки и преподавания были отстранены многие ученые с дореволюционной подготовкой. Не только А.М. Винавер, но и В.И. Серебровский, Б.Б. Черепахин, М.М. Агарков, Я.М. Магазинер и многие другие[3].

Ситуация изменилась к концу 30-х гг. Считалось, что социализм в СССР победил и в основном построен; это констатировалось в Конституции СССР. В правовой науке «разброд и шатания» заканчиваются. Юристы с дореволюционным образованием уже не представляли опасности, даже если они оставались «в плену» прежних идей.

Поэтому после проведения в 1938 г. знаменитого Всесоюзного совещания по вопросам науки советского права и государства, получившего в истории весьма неоднозначную оценку, к преподаванию и научной деятельности были возвращены многие ранее отторгнутые ученые, преподаватели. В том числе В.И. Серебровский, Б.Б. Черепахин, М.М. Агарков, И.Б. Новицкий и другие[4]. Увы, Александра Марковича среди них не было...

---

[1] См.: *Багаутдинов Ф.Н.* Указ. соч. С. 195–202; *Арсланов К.М., Мифтахутдинова Д.Р., Пугачева А.С.* Указ. соч. С. 113.

[2] Кстати, этот метод «не способствовал напряженной самостоятельной работе студентов и скоро показал свою несостоятельность». См.: Юридическая наука и образование в Казанском университете / науч. ред. Л.Т. Бакулина. М.: Проспект, 2019. С. 89. Ф.Н. Багаутдинов рассказывает, что один из студентов того периода впоследствии в воспоминаниях назвал эту систему оценки знаний отрицанием здорового смысла. См.: *Багаутдинов Ф.Н.* Указ. соч. С. 95–108.

[3] См.: *Гонгало Б.М.* Избранное: в 5 т. Т. 3: Гражданское право. 2015–2021. М.: Статут, 2021. С. 56.

[4] См. там же. С. 57.

Как отмечалось, с 1930 до 1938 г. А.М. Винавер в Москве занимается юридической практикой (консультант, юрисконсульт, заведующий юридическим бюро). Как ученый, профессор, преподаватель он власти не нужен. Зато понадобился как простой советский заключенный. Весьма красноречиво об отношении власти к А.М. Винаверу свидетельствует то, **как** он был лишен свободы. Привлечен к ответственности органами НКВД по ст. 58 «Измена Родине» 14 января 1938 г. Суд состоялся 20 июня 1939 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР (!) направила дело на доследование за **недоказанностью улик**. Но не выпускать же таких людей на свободу! В результате административная репрессия: 11 января 1940 г. А.М. Винавер Особой коллегией НКВД лишен свободы сроком на 8 лет за участие в антисоветской организации[1].

Как говорит Видре К.И., позже Александр Маркович «рассказывал родным, что обвиняли его, кроме прочего, и в том, что он был кадетом, спутав, очевидно, с дальним родственником, тоже юристом, Максимом Моисеевичем Винавером... он поведал о пытках, которым его подвергали на допросах... жестоко избивали...»[2].

Александр Маркович оказался в Севжелдорлаге — Северном железнодорожном исправительно-трудовом лагере[3]. Первоначально он был в лагерном пункте, находившемся на ст. Коряжма около Котласа. Там был на общих работах (это тяжелые (каторжные) работы), строил железную дорогу[4]. В частности, ошкуривал железнодорожные шпалы[5], укладывал шпалы и т.д.

Е.Г. Жуковская, в то же время бывшая в том же лагере, вспоминает о своем пребывании в больнице на ст. Ветлосян (Ухта): «...едва живая, встала на ноги и узнала, что здесь был на излечении Алеша Сванидзе[6]...

---

[1] См.: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 370.

[2] *Видре К.И.* Указ. соч.

[3] Существовал с 1938 до 1950 г. Главная задача — строительство железной дороги Котлас — Воркута протяженностью 1 193 км.

[4] См.: *Видре К.И.* Указ. соч.

[5] Е.Г. Жуковская, работавшая с А.М. Винавером в одной бригаде, рассказывает, что такое ошкуровка шпал: «...на лесоповале бревна распиливали по длине шпалы, нам нужно было сдирать с них кору. Тяжелые бревна с трудом громоздили на козлы, мы садились на концы бревна верхом и ножами с двумя ручками по бокам (этот инструмент называется скобель (струг, наструг, кородер. — *Б.Г.*) сдирали кору, двигая нож на себя» (*Жуковская Е.Г.* Как это было // Химия и жизнь. 1989. № 9. С. 70).

[6] Сванидзе Александр Семенович («Алеша») — старый большевик, после 1917 г. занимал ряд очень высоких государственных должностей. Ученый. Брат первой жены И.В. Сталина. Близкий друг И.В. Сталина. Арестован в декабре 1937 г. Обвинен в участии в антисоветской организации, шпионаже и т.д. Расстрелян 20 августа 1941 г. Это о нем Н.С. Хрущев на XXII съезде КПСС (1961 г. На тот момент самая высокая трибуна

Оказалось, что он работает сторожем зоны пеллагриков[1]. Я отправилась повидать его. Как я была удивлена, когда, войдя в сторожку, увидела там... еще одного хорошего знакомого — профессора Винавера, вместе с которым в Севжелдорлаге мы в женской бригаде ошкуривали железнодорожные шпалы. Он был вторым сторожем, сменщиком»[2].

«К.И. Видре указывает, что после нескольких инфарктов Александр Маркович был переведен в другой лагерь (лагерный пункт. — *Б.Г.*), в Урдому»[3]. Ссылаясь на рассказ, к несчастью находившейся там же заключенной Р.Р. Гореловой, она отмечает, что «обстановка в Урдоме была несколько более сносной, чем в других местах»[4].

Другой заключенный вспоминал, что А.М. Винавер «был устроен... в контору юристом. Готовил претензионно-исковые материалы, рассматривал дела о недостачах и хищениях. У нас он не работал на общих работах»[5].

В этом лагерном пункте Александр Маркович находился до освобождения в 1944 г.[6]

Александр Маркович Винавер был досрочно освобожден 19 августа 1944 г.

Д.В. Мурзин задается вопросом: «Почему Александр Маркович был досрочно... освобожден... именно в 1944 г.?» По его мнению, «ответ прост: в этом году в системе преподавания юридических вузов была восстановлена дисциплина “римское частное право”. Государственный курс на восстановление фундаментального образования продолжался»[7]. С этим доводом согласился профессор Василий Степанович Якушев, который, будучи студентом, слушал лекции Александра Марковича.

в стране) рассказывал, будто Сванидзе перед расстрелом передали слова И.В. Сталина, что его простят, если он попросит прощения. В ответ Сванидзе спросил: «О чем я должен просить? Ведь я никакого преступления не сделал». И.В. Сталин после расстрела якобы сказал: «Смотри, какой гордый, умер, но не попросил прощения». (См.: XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 2. С. 587.)

[1] Пеллагра («шершавая кожа») — заболевание, вызываемое употреблением единообразной пищи и недостатком витаминов.

[2] *Жуковская Е.Г.* Указ. соч. С. 75. Е.Г. Жуковская указывает, что эта встреча состоялась летом 1942 г. Здесь вполне очевидная ошибка (это же воспоминания), поскольку Сванидзе расстрелян в 1941 г., хотя все может быть...

[3] *Видре К.И.* Указ. соч. С.М. Винавер говорит, что у Александра Марковича было пять инфарктов. См.: *Винавер С.М.* Указ. соч. С. 185.

[4] *Видре К.И.* Указ. соч.

[5] Там же.

[6] См.: *Винавер С.М.* Указ. соч. С. 185.

[7] *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 371.

Он указал, что «в создаваемых в те годы юридических вузах в учебные планы было включено римское право, а педагогов, знающих и могущих преподавать его, не хватало, профессор А.М. Винавер был в 1944 г. досрочно освобожден из заключения и в октябре 1944 г. принят на работу в Свердловский юридический институт»[1]. Преподававший в то время в Свердловском юридическом институте латинский язык В.А. Игнатьев[2], оставивший яркие воспоминания о работе в Свердловске, пишет: «Читать лекции по “Римскому праву” был направлен из лагеря ссыльных правая рука Милюкова — *Александр Маркович Винавер*». «Всем было известно, что он в “свое время” был правой рукой лидера кадетов П.Н. Милюкова»[3]. (Опять мнимое кадетство... и опять Александра Марковича спутали с Максимом Моисеевичем.)

Нам свойственно объяснять какие-то действия, события, явления и прочее влиянием планет, некими высшими соображениями, интересами государства, политической ситуацией и т.д. и т.п. Думается, в данном случае все проще: досрочное освобождение Александра Марковича Винавера обусловлено тем, что, по мнению власти, никакой опасности он не представлял, наказание понес в полной мере и даже сверх нее (правда, неизвестно, за что был наказан. — *Б.Г.*), толку от него в лагере никакого (уже немолод (больше шестидесяти лет), слабое здоровье, к физической работе не приспособлен) и т.д. Да и видимость законности и гуманизма нужно демонстрировать. Поэтому А.М. Винавер в 1944 г. был «сактирован»[4] по состоянию здоровья.

Когда власти требовалось использовать заключенных для решения важных задач в научно-технической сфере, то создавались т.н. шарашки (шараги) — НИИ и КБ тюремного типа[5]. Если бы вдруг в 1944 г. власть озаботилась тем, что некому преподавать римское частное право, и решила бы освободить находящихся в лагерях юристов, знающих римское частное право, то А.М. Винавер после освобождения не ока-

---

[1] *Якушев В.С.* Что было, то было... // Воспоминания о прошлом и размышления о будущем. Екатеринбург: Уральский печатник, 2002. С. 128.

[2] О нем см.: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 801–805.

[3] Цит. по: Там же. С. 806, 807.

[4] Этот бухгалтерский термин, означающий списание по акту чего-то использованного, негодного и т.п., применялся при освобождении из лагерей заключенных, не годных уже ни на что по состоянию здоровья в силу возраста, болезней.

[5] В таких учреждениях побывали многие знаменитые и даже великие ученые. Например, конструктор ракетно-космической техники С.П. Королев, авиаконструктор А.Н. Туполев и многие другие. В художественной литературе шарашка обстоятельно описана в романе А.И. Солженицына «В круге первом» (автор был в шарашке).

зался бы в г. Александрове, а немедленно отправился бы в аудиторию рассказывать о сервитутах, кондикционных обязательствах и пр. И Б.Б. Черепахину не понадобилось бы разыскивать А.М. Винавера и договариваться с ним о работе в Свердловском юридическом институте (об этом будет сказано чуть далее).

Представляется, что начиная с 1944 г. (**учитывая реалии того времени**) отношение власти к Александру Марковичу Винаверу было вполне лояльным. Не без сложностей: по согласованию с Наркоматом юстиции (по нынешней терминологии — Министерством юстиции) СССР ему позволено стать профессором Свердловского юридического института, его прописали (по тем временам чрезвычайно важный акт, сегодняшняя регистрация гражданина по месту жительства — «жалкое подобие» прописки), правда, только на год, но потом снова...[1]

«Жил А.М. Винавер один. Как все понимали — под надзором "органов", в сущности, в ссылке (семья была то ли в Москве, то ли в ином городе Центра России)»[2]. Контролировали, что он говорит студентам, разбирали (точнее, громили) его позицию на разного рода собраниях — совещаниях и т.д. (об этом будет сказано далее). Но с одной стороны, в сравнении с тем, что было у Александра Марковича «за спиной», «можно было жить». Но хватило его ненадолго. А с другой стороны, как принято говорить, время было такое. И в данном случае это не дежурная фраза. А.С. Добров, бывший в то время (с 1946 г.) студентом Свердловского юридического института, рассказывает о заведующем кабинетом кафедры политэкономии[3], знающем специалисте, коммунисте с дореволюционным стажем А.И. Попове. В четырнадцатилетнем возрасте (где-то около 1910 г.) он вступил в партию эсеров, но через год разочаровался, вышел из нее и тут же вступил в коммунистическую партию, «в которой и состоял всю оставшуюся жизнь. Но до гробовой доски его попрекали былым эсерством, запрещали преподавать политэкономию»[4]. Рассказывает А.С. Добров и о другом преподавателе, который до войны работал инструктором в обкоме ВЛКСМ. У него был собран узелок со сменой белья, сухариками, и каждую ночь он ждал, что за ним придут (арестовывали, как

[1] См.: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 372–373.

[2] *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 14.

[3] Впоследствии А.С. Добров стал кандидатом экономических наук, заведовал кафедрой политической экономии СЮИ.

[4] *Добров А.С.* Кафедра политэкономии в послевоенные годы // Воспоминания о прошлом и размышления о будущем. С. 133.

правило, ночью)[1]. А еще один член кафедры политической экономии, фамилию которого А.С. Добров деликатно не называет, «отбывал принудительные работы по приговору суда за опоздание на работу (минут на 15) по вине городского транспорта... Он так и ходил на занятия с вещмешком, видимо, боялся, что ему в любой момент могут изменить меру пресечения»[2].

Александр Маркович был не одинок...

Заканчивая разговор об отношениях власти и А.М. Винавера, думается, можно констатировать, что он не выступал против власти. Вроде что-то похожее на неприятие проводившейся государством политики было в 1910–1911 гг. Да и то каких-либо убедительных сведений на этот счет нет. В это время он работал в Московском университете, в котором, как отмечалось, либеральные настроения были весьма широко распространены. В немалой степени на взгляды А.М. Винавера могли повлиять идеи, отстаивавшиеся его учителями (о них далее). И упоминавшаяся жесткая политика министра Л.А. Кассо... Но революционером Александр Маркович точно не был.

Судя по всему, он не стал противником Февральской революции, как и Октябрьского переворота, который позже стали именовать Великой Октябрьской социалистической революцией. Нет никаких данных о его т.н. контрреволюционных настроениях, высказываниях против советской власти, участии в заговорах и т.д. и т.п.[3] Быть может, он исповедовал принцип, в соответствии с которым всякая власть от Бога (апостол Павел). А человек должен жить, как Бог дает...

Во всяком случае, он не был противником власти. Но власть его не любила.

Кстати, несмотря на то, что Александра Марковича Винавера многократно обвиняли в том, что он был знаменитым членом кадетской партии, путая его с М.М. Винавером, называли врагом советской влас-

---

[1] См.: *Добров А.С.* Кафедра политэкономии в послевоенные годы // Воспоминания о прошлом и размышления о будущем. С. 134.

[2] Там же.

[3] Но ему постоянно припоминали, что якобы он один из основателей кадетской партии, контрреволюционер и пр. В 1946 г. директор Свердловского юридического института на расширенном заседании ученого совета говорил, что профессор А.М. Винавер «в первые годы советской власти “стоял в лагере врагов социализма, в годы бурного подъема соблюдал “нейтралитет”, стоял в стороне от нашей жизни; к нам он прибыл из лагеря, где он должен был находиться в порядке изоляции». Цит. по: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 813.

ти и пр., сам он в личном листке по учету кадров (п. 13, 14) указал, что в партиях не состоял, в том числе и в ВКП(б) не состоял.

После освобождения А.М. Винавер проживал в г. Александрове Владимирской области. Б.Б. Черепахин, узнав о том, что Винавер на свободе, очень скоро предложил ему работу в Свердловском юридическом институте. Освобожден Александр Маркович 19 августа 1944 г., а уже в начале октября того же года А.М. Винавер получил письмо от Б.Б. Черепахина, в то время зам. директора СЮИ по научной и учебной работе и зав. кафедрой гражданского права и процесса[1]. «Эти люди до 1944 г. никогда не встречались, но знали и помнили друг друга»[2]. «Уже 13 октября А.М. Винавер отвечает согласием. Ему выплачивается аванс, чтобы покрыть расходы на переезд, в штатах СЮИ А.М. Винавер числится с 15 октября 1944 г.!»[3] (хотя приказ о назначении издан 15 ноября 1944 г.).

Учитель

Александр Маркович Винавер учился (весьма успешно), занимался наукой (более чем успешно), работал помощником присяжного поверенного, юрисконсультом и т.д. Вынужден был строить железную дорогу, быть сторожем в больнице и т.д. Но, как представляется, истинным призванием, его страстью было **преподавание**.

В п. 7 личного листка по учету кадров, где надо было указать основную профессию (занятие) в настоящее время (1944 г.), сам А.М. Винавер указал: преподавание в вузах.

Будет небольшим преувеличением сказать, что преподавал он всегда. Сразу после окончания университета, в двадцатые годы, после освобождения в 1944 г. Даже в Коневодсовхозтресте он состоял консультантом по **учебной части вузов**. Даже в лагере! Сосед А.М. Винавера по бараку А. Винецкий вспоминал: «Однажды Александр Маркович выразил желание посвятить меня в юриспруденцию. Я согласился, и мы начали изучать римское и гражданское право. Сначала устно, а потом, когда я проявил к этой науке интерес, он стал диктовать, а я записывать. Так мы прошли римское право, часть гражданского. Спали мы рядом и потому шептались после отбоя допоздна. Он мне

[1] О Б.Б. Черепахине см., например: *Крашенинников П.В.* Проповедник частного права Борис Борисович Черепахин // Борис Борисович Черепахин. К вопросу о частном и публичном праве. Избранное. Вступительное слово П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2024.

[2] *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 371–372.

[3] Там же С. 372–373.

рассказывал о своей преподавательской работе...»[1]. Тоска по любимому делу... Как говорит А. Винецкий, он был подготовлен так, что позднее ему удалось сдать экзамены сразу за три курса[2].

В сфере преподавания Александр Маркович в подлинном смысле болел за дело, даже в ущерб себе. Так, в упоминавшемся конфликте о внедрении т.н. бригадно-лабораторного метода в Казанском университете А.М. Винавер исходил из того, что учебники по истории институтов частного права отсутствуют. Поэтому студентам следует читать отдельные главы старых учебников Покровского, Хвостова по истории римского права. Для подготовки к экзаменам профессор советовал студентам использовать записи лекций[3].

Он понимал возможные негативные последствия своей позиции — не мог не понимать, учитывая, что были открытые столкновения на совещаниях, грубые выпады в его адрес, густо сдобренные обвинениями в протаскивании буржуазной идеологии и т.д. Но по-другому поступить Александр Маркович не мог: если бы он изменил свою позицию, то как **преподаватель** не смог бы выполнить свою функцию — помочь студентам в постижении юридической материи. Он честно выполнял свой долг.

Как преподаватель А.М. Винавер читал лекции, вел семинары, принимал экзамены и придумывал много новых форм донесения материала до студентов и других людей, интересующихся юриспруденцией. Например, в Казани он выступил с публичной лекцией «Брак, семья и развод по советскому закону»[4].

По мнению С.С. Алексеева, благодарного ученика А.М. Винавера, **лекции** Александра Марковича были «неброскими, какими-то засушенными, даже нудными (таково, увы, первое впечатление всех людей от знакомства с реальной юридической материей). Он рассказывал не об исторических подробностях, не о житье-бытье в роскошную и грубую древнеримскую пору, а об юридических формулах, понятиях, конструкциях, которые строятся на принципах римского частного права... По сути дела, как я понял потом, Александр Маркович говорил об основных правовых ценностях — изначальных источниках правовой культуры»[5].

---

[1] *Видре К.И.* Указ. соч.

[2] См. там же.

[3] См.: *Багаутдинов Ф.Н.* Указ. соч. С. 95–108. Утверждение основано на архивных материалах.

[4] Там же.

[5] *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 13–14.

При этом Сергей Сергеевич возвышенно говорит, что «от лекции к лекции, шаг за шагом, перед нами... открывались картины из другой галактики — то законченно-стройные, то утонченно-ажурные юридические построения со своей неумолимой логикой, строгой точностью, завершенностью»[1].

В.С. Якушев, слушавший лекции А.М. Винавера, рассказывает, что «в отличие от других лекторов он не имел никаких записей или конспектов. В накинутом на плечи пальто (в аудитории зимой всегда было холодно) он ходил между столами и рассказывал о римском праве. У Александра Марковича была поражавшая и восхищавшая нас манера: он начинал свое повествование, еще не переступив порога аудитории, лекцию же заканчивал одновременно со звонком, не всегда завершив фразу»[2].

В.С. Якушев говорит, что прочитанный А.М. Винавером курс римского права для многих студентов стал основой формирования правового мышления[3].

И.Н. Горбунов, учившийся на первом послевоенном курсе в СЮИ, говоря о лекциях Б.Б. Черепахина, которые ему казались сухими и академичными, пишет: «Даже лекции Винавера о далеком, покрытом ветхозаветной пылью римском праве казались живыми и красочными...»[4] (далее сказано, что позже автор стал не только слушать, но и достаточно хорошо понимать Черепахина; и даже заинтересовался его лекциями)[5].

Уже упоминавшийся преподаватель латинского языка В.А. Игнатьев говорил: «Студенты были довольны его лекциями. Они увидели в нем ученого с большим научным багажом, опытного лектора, одним словом — такого, о котором говорят: “Вот это *настоящий ученый человек*”»[6].

Сегодня принято подчеркивать, что лекции А.М. Винавера, как буржуазного ученого и вчерашнего «зэка», стенографировались. Об этом писали С.С. Алексеев, В.С. Якушев и другие ученики Александра Марковича. Так, Василий Степанович рассказывает: «Поскольку он (А.М. Винавер. — *Б.Г.*) был не очень благонадежным, его лекции нередко стенографировались, о чем он нас, студентов, предупреждал: “Сегод-

---

[1] *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 14.

[2] *Якушев В.С.* Указ. соч. С. 128–129.

[3] См. там же. С. 129.

[4] Воспоминания выпускников и ветеранов. С. 20.

[5] См. там же. С. 20.

[6] Цит. по: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 811.

ня буду читать лекцию для стенограммы, а на следующий раз — вам для записи”»[1]. Сергей Сергеевич, говоря о той же ситуации, рассказывает: «Александр Маркович, явно знавший заранее, что придут стенографистки, сказал нам: “Сегодня лекцию не пишите, потом повторю”. ...И после этих слов начал считывать с бумаг заранее подготовленный текст, и лекция непривычно началась с цитат “из Маркса” и “из Энгельса”, содержала какие-то довольно примитивные суждения о классово-угнетательской сущности рабовладельческого права Древнего Рима. Через день-другой А.М. Винавер в привычном для него и для нас стиле, не упоминая о классиках марксизма-ленинизма, “выдал” очередную порцию премудростей из древнеримской юриспруденции»[2].

Нелегко. Но думается, «носителю буржуазной идеологии» вчерашнему зэку Александру Марковичу Винаверу в то время жилось немногим хуже, чем «правоверным» преподавателям, «красным профессорам» и т.д. Тогда же учившийся вчерашний солдат, фронтовик А.С. Добров, впоследствии работавший на кафедре политической экономии Свердловского юридического института и позже возглавивший ее, вспоминал: «Учебники по политической экономии были запрещены и недоступны для студентов. Основным источником знаний служили лекции... Почти на каждом кафедральном заседании обсуждались тезисы или тексты лекций... На кафедре практиковалось стенографирование лекций с последующим изучением, обсуждением и оценкой. Если стенограмма не вызвала сколько-нибудь существенных замечаний, считалось, что обсуждение прошло на низком уровне: нужно было искать недостатки»[3].

Даже фанатичная большевичка, бывшая политработником Красной Армии, выпускница Института красной профессуры, специального учебного заведения ЦК ВКП(б), орденоносец, доцент, заведующая кафедрой и пр. и пр.[4] в 1940 г. была уволена из состава штатных преподавателей Свердловского филиала ВЮЗИ как не обеспечившая должного качества преподавания на основе отзывов на стенограммы лекций[5].

Так что стенографирование лекций А.М. Винавера и последующий «разбор полетов» с неизбежным выявлением ошибок, указанием

---

[1] *Якушев В.С.* Указ. соч. С. 129.

[2] *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. С. 21.

[3] *Добров А.С.* Указ. соч. С. 133.

[4] См. о ней: *Насибуллин Р.А.* Фанатичная большевичка Александра Быстрова (1899–1954) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): в 2 т. Т. 2. С. 175–199.

[5] См.: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 810.

на незнание или искажение основ марксизма-ленинизма-сталинизма или отступление от основной линии партии, аполитичности и т.д. и т.п. — это было обычное дело. Увы...

Говоря о новых формах преподавания, к которым призывал А.М. Винавер, можно вспомнить, в частности, что в Казанском университете профессор А.М. Винавер просил разрешить ему читать студентам первого курса пропедевтический курс «Юридическая терминология, толкование и применение юридических норм». Предметная комиссия факультета 6 июня 1929 г. посчитала введение такого курса нецелесообразным. Деканат с этим согласился[1].

В Свердловском юридическом институте, судя по характеристике, выданной через год с небольшим после начала преподавательской деятельности, он читал курсы римского и гражданского права, руководил семинарами по теории государства и права, принимал участие в деятельности научных студенческих кружков, руководил литературным (!) кружком. Кроме того, он преподавал во Всесоюзном юридическом заочном институте (ВЮЗИ) и Свердловской юридической школе[2]. В личном деле сказано, что он преподавал и трудовое право.

Сам Александр Маркович писал в это время родным: «По числу прочитанных лекций побил все мировые рекорды, и даже читаю лекции работникам Ревтрибунала (как меняются времена...)»[3].

Кстати, вскоре в этой связи А.М. Винавер получил упрек, нет, удар — от директора Свердловского юридического института Д.Н. Исупова, который на заседании ученого совета института сказал, что профессор «берется преподавать многие предметы, распыляет свои силы — и в результате не уделяет внимание работе над повышением своей квалификации, овладению марксистско-ленинской теорией, повышению качества лекций»[4].

При этом в хранящемся в архиве личном деле А.М. Винавера есть несколько характеристик, подписанных в том числе директором института, составленных в феврале 1945 г., апреле того же года и др., в которых отмечается, что «проф. Винавер А.М. выполняет возложенные на него обязанности очень добросовестно и преподает успешно, с отличным знанием предмета». В обращении к Начальнику Областного Управле-

---

[1] См.: *Багаутдинов Ф.Н.* Указ. соч. С. 95–108.

[2] См.: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 372–373; *Видре К.И.* Указ. соч.

[3] *Видре К.И.* Указ. соч. На самом деле в это время революционных трибуналов уже не было. Они существовали с ноября 1917 г. до конца 1922 г.

[4] *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 812.

ния НКВД (так и писали. — *Б.Г.*) директора СЮИ указано следующее: «Институт очень остро нуждается в пополнении своих кадров высококвалифицированными специалистами, и особенно в связи с введением в новом учебном плане новых предметов, в том числе Римского права.

Профессор Винавер является одним из крупнейших специалистов по этому предмету со стажем преподавания в университете и институте свыше 28 лет».

Кстати, на переезд из г. Александрова в г. Свердловск А.М. Винаверу был выплачен аванс 1 000 руб. Месячный оклад был установлен в размере 1 500 руб. При этом «за фактически выполненную... нагрузку... сверхустановленной нормы... в 1945 уч. г.» было выплачено 1 020 руб. (суммы приведены для того, чтобы примерно понимать отношение к профессору Винаверу и хотя бы немного его материальное положение); чтобы увидеть, много это или мало, можно указать, что, например, начиная с 1942 г. командирам полков устанавливался оклад 1 800 руб., а командирам дивизий — 2 200 руб. Академику А.Ф. Иоффе, как вице-президенту Академии наук СССР и директору академического института, полагался оклад 7 500 руб.

«За успешную научную и учебную деятельность» А.М. Винавер получал благодарности и т.п.

Кнут и пряник.

А жизнь продолжается.

Когда вспоминают А.М. Винавера, обычно упоминают о том, что В.С. Якушев рассказывал, как Александр Маркович в 1947 г. вдобавок ко всем своим студенческим кружкам создал кружок под названием «Мысли и речи» (сокращенно «МИР») и успел провести первое заседание. Объявление о создании этого кружка не понравилось работнику райкома ВКП(б), поскольку уже из его названия следовало, что предполагается свободный обмен мнениями. К тому же к 1947 г. уже накаляется международная обстановка, обостряются отношения со странами Запада, а тут «МИР». В то время как каждый советский человек должен быть готовым к борьбе. А.М. Винаверу были предъявлены претензии (был разнос). В весьма грубой форме[1]. Вскоре после этого он умер.

[1] См.: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 377–378; *Якушев В.С.* Указ. соч. С. 128.

Существует и иная версия появления кружка. И.Н. Горбунов, впоследствии ставший начальником юридического управления УЗТМ (знаменитого «Уралмаша»), вспоминал: «Инициатива создания кружка... была наша, уралмашевская (? — *Б.Г.*). Мы назвали его мысли и речи — “МИР”. Брали интересные, на наш взгляд, правовые темы и обсуждали их... Руководителем кружка пригласили преподавателя римского права профессора Ви-

Ничто на земле не проходит бесследно... Работа «МИРа» была возобновлена 1 февраля 2021 г. в форме сообщества. Научное студенческое сообщество «Мысли и речи» кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева является преемником созданного в 1947 г. профессором Александром Марковичем Винавером кружка «МИР».

Первое заседание студенческого кружка «Мысли и речи» под руководством профессора А.М. Винавера состоялось 7 марта 1947 г., второе — 1 февраля 2021 г.[1]

Нет сомнений в том, что Александр Маркович отдавался преподаванию настолько, насколько это вообще возможно. Причем искренне, не оглядываясь, не учитывая печальный казанский опыт, пребывание в лагерях, общую обстановку, настроения...

Неосторожно. Но честно.

Экзаменатор Винавер был очень строг: знания он оценивал либо пятеркой, либо двойкой. Четверки и тройки — редчайшие явления[2].

В.А. Игнатьев говорит, что «во время *экзаменов*... А.М. *обнаружил большую требовательность*, которая, между прочим, у некоторых "старых" профессоров переходила в привычку ставить оценку после второй или даже третьей явки на экзамен»[3].

В связи с этим в Свердловске произошло нечто подобное тому, что было в Казани. Внешне все очень похоже: те же обвинения в буржуазности, незнании марксизма-ленинизма, аполитичности и т.п. Но есть сущностные различия. В ранее описанной «казанской истории» в основании конфликта были политика, борьба идеологий, старого и нового... (потому и сказано о ней при рассмотрении вопроса об отношении власти к А.М. Винаверу). В 1946 г. в Свердловске с использованием той же фразеологии, тех же политически и идеологически окрашенных претензий, обвинений, требований и рекомендаций решалась вполне

навера Марка (Максима?) Моисеевича (?!)» (*Горбунов И.Н.* Первый послевоенный... // Воспоминания выпускников и ветеранов. С. 19–20). Есть и еще одна версия того, как появился «МИР», впрочем необнародованная. По воспоминаниям тогдашнего студента, бывшего в то время заместителем секретаря (т.е. руководителя) комитета комсомола, кружок был создан комитетом комсомола и Александра Марковича приглашали...

[1] См.: Уральская школа цивилистики: прошлое, настоящее, будущее: кафедра гражданского права Уральского государственного университета имени В.Ф. Яковлева — 75 лет / вступ. слово, общ. ред. Б.М. Гонгало; [авт.-сост. Б.М. Гонгало, Д.В. Братусь]; УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, каф. гражд. права. М.: Статут, 2024. С. 384–406.

[2] См.: *Якушев В.С.* Указ. соч. С. 129.

[3] Цит. по: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 811.

конкретная (прагматическая) задача некоторых недобросовестных студентов[1] — «убрать» неудобного экзаменатора. Некрасивая история.

Как отмечалось, А.М. Винавер преподавал и в Свердловском филиале ВЮЗИ. В 1946 г. он прочитал десять часов (всего десять часов!) лекций по гражданскому процессу студентам-заочникам, которым осенью предстояли государственные экзамены. Как пишет В.А. Игнатьев, «среди заочников были люди влиятельные — прокуроры, судьи, деятели МВД и МГБ»[2]. С тем чтобы устранить столь сурового экзаменатора, «в один из этих органов было сообщено, что лектор в своих лекциях проводит идею преимущества буржуазной юриспруденции перед нашей отечественной юриспруденцией»[3]. Некий студент Евсеев информировал (доносил), что профессор А.М. Винавер допустил *извращение в изложении принципа диспозитивности в советском гражданском процессе, указав, что принцип диспозитивности в советском гражданском процессе сужен в сравнении с буржуазным гражданским процессом*. Кроме того, он считал другой политической ошибкой профессора Винавера принятие им трехчленной классификации исков (иски установленные (видимо, установительные. — *Б.Г.*), исполнительные и преобразовательные)[4]. (Ныне говорят об исках о признании, о присуждении и преобразовательных.)

Игнорировать столь «серьезное» заявление политического характера, из которого следовало, что профессор А.М. Винавер занимает неправильную позицию в правовой науке и неправильно учит студентов, было невозможно. Ведь такое его поведение отрицательно скажется на советской правовой действительности, действии принципа социалистической законности и т.д. и т.п.

А.М. Винавер был освобожден от занятий с заочниками ВЮЗИ. И то хорошо, могло быть гораздо хуже.

Но Свердловский юридический институт тоже не мог оставить столь «вопиющее» поведение профессора Винавера без внимания. Было проведено объединенное заседание кафедр гражданского права и судебного права. На заседании было принято постановление, в кото-

---

[1] Именно так: некоторых недобросовестных студентов. Потому что были студенты, которые тогда же выступили в защиту А.М. Винавера, и Р.А. Насибуллин называет их. См. там же. С. 808, 809–810.

[2] Цит. по: Там же. С. 811. К сожалению, в те времена очень многие судьи, прокуроры и другие работники правоохранительных органов, имея власть, не имели высшего образования.

[3] Цит. по: Там же. С. 811.

[4] См. там же. С. 808.

ром констатировалось, что А.М. Винавером допущены методологические и политические ошибки. Позже состоялось расширенное заседание ученого совета Свердловского юридического института, на котором рассматривалось персональное дело профессора А.М. Винавера. В ходе этого мероприятия отмечалось, что «профессору Винаверу необходимо работать над первоисточниками трудов Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина», указывалось, что «тов. Винавер допустил политическую ошибку», подчеркивалось, что «в лекциях нужно показать принципиальное качественное отличие нашего строя, демократизма, применительно к принципу диспозитивности гражданского процесса», «профессору Винаверу нужно овладеть марксизмом-ленинизмом и не допускать ошибок». В результате ученый совет указал на необходимость «усилить контроль и проверку качества преподавания профессора Винавера А.М.»[1].

Кстати, в ходе данного заседания ученого совета Александр Маркович вынужден был признать свою вину, в связи с тем что «допустил аполитичность, не увязал с нашей демократией, не показал принципиальное и качественное отличие [советского и буржуазного процесса]». Он указал в качестве причины такого «пагубного» поведения нехватку времени (всего десять часов). Вместе с тем А.М. Винавер «отрицал факт извращения в изложении принципа диспозитивности», отрицал утверждение, в соответствии с которым он якобы «восхвалял буржуазную демократию» и якобы говорил, что «принцип диспозитивности у нас сужен, что у нас дело обстоит хуже, а в буржуазных судах лучше»[2].

Справедливости ради надо отметить, что данное «покаяние» профессора Винавера довольно странное. Он признает вину в общих фразах и отрицает ее, говоря о конкретике. Учитывая остроту предъявленных претензий, наверное, так надо было. Независимо от того, каким было отношение к ситуации.

Конечно, шум вокруг кружка «МИР» и описанная история о гражданском процессе и диспозитивности не способствовали укреплению здоровья и покою на душе.

Описанная некрасивая история известна немногим. А в памяти людей осталось то, что Александр Маркович Винавер был **блестящим**

[1] Все воспроизведенные цитаты в связи с описанным персональным делом из архивных материалов взяты из многократно упоминавшейся статьи Р.А. Насибуллина (С. 808–814), в которой обстоятельно описывается, как все это было.

[2] *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 809.

преподавателем. И как в том числе следует из изложенного, это помнят в Казани, Свердловске — Екатеринбурге. И не только (например, вспомним о его преподавательской деятельности в лагере).

Вряд ли можно согласиться с тем, что профессор А.М. Винавер преподавал в СЮИ недолго и «оставил **только одного своего ученика** (выделено мной. — *Б.Г.*), но зато какого! — Сергея Сергеевича Алексеева (1924–2013 г.)»[1]. Слова «зато какого» вполне уместны: С.С. Алексеев выдающийся человек[2]. Слова «только одного своего ученика» неправильные. Поскольку речь о преподавании, а не о науке, причем о преподавательской деятельности А.М. Винавера лишь в Свердловске в 1944–1947 гг., то, может, и допустимо не упоминать тех, кого он учил в Москве, Санкт-Петербурге — Петрограде, Ташкенте, Казани, вузах Коневодсовхозтреста. Но и в Свердловске в тот краткий период Александр Маркович преподавал людям, впоследствии ставшим учеными, работниками прокуратуры, трудившимся в народном хозяйстве и т.д. Есть даже помощник раввина в одной из синагог Израиля[3]. То, что мы не знаем имен тех людей, ибо «мы ленивы и нелюбопытны» (А.С. Пушкин), не значит, что их не было и что у профессора А.М. Винавера в Свердловске только один ученик. Даже если ограничиться близким нам юридическим миром, прежде всего увлеченным правовой наукой, то и здесь надо вспомнить Василия Степановича Якушева[4], который учился у Александра Марковича и оставил упоминавшиеся здесь очень добрые воспоминания о его лекциях. В той же аудитории находился и фронтовик Александр Фролович Козлов, позже ставший доктором юридических наук, профессором, заведующим кафедрой[5].

---

[1] Так утверждает Р.А. Насибуллин. См.: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 835.

[2] См., например: *Крашенинников П.В.* Рубежи Алексеева; *Гонгало Б.М., Суханов Е.А.* Вспоминая Сергея Сергеевича Алексеева // Алексеев С.С. Частное право: избранное. М.: Статут, 2024 (Классика российской цивилистики). С. 3–32.

[3] Слушавший лекции А.М. Винавера И.Н. Горбунов называет несколько имен людей, в том числе очень известных, которые вместе с ним были в аудитории. См.: *Горбунов И.Н.* Указ. соч. С. 19.

[4] В.С. Якушев — доктор юридических наук, профессор, заведовал кафедрой в Свердловском юридическом институте, преподавал в Российской школе частного права... См. о нем, например: Фронтовик. Правовед. Учитель: К 100-летию Василия Степановича Якушева / сост.: В.С. Белых, М.Ф. Казанцев. Екатеринбург, 2022. 130 с.

[5] О нем см., например: Живут люди на Урале. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1977. С. 152–157; Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии / под ред. В.В. Яркова. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. С. 588–589.

Слушала лекции Александра Марковича впоследствии ставшая нотариусом Вера Васильевна Парфенова, позже рассказывавшая детям о профессоре Винавере...

А сколько людей, учившихся у А.М. Винавера, не оставили воспоминаний!

Наконец, представляется, что через С.С. Алексеева, В.С. Якушева, А.Ф. Козлова (кстати, автор этих строк учился у этих людей) и других учившихся у Александра Марковича, идеи (и не только идеи) живут и сегодня.

Прав Д.В. Мурзин, говоря, что «Александру Марковичу Винаверу был дан редкий дар педагога, Учителя... Самый большой его вклад в науку — открытие "мира права" для студентов СЮИ с фронта в 1945-46 гг. Ученики Александра Марковича — С.С. Алексеев, В.С. Якушев и многие другие — впоследствии и создали направление в цивилистике, именуемое Свердловской школой права»[1]. (Ее иногда именуют уральской (или екатеринбургской) школой цивилистики.)

Наука

В правовой **науке** Александр Маркович оставил заметный след.

Ему повезло **с учителями.** Он работал и тесно общался[2] с такими выдающимися учеными, как Сергей Андреевич Муромцев[3], Габриэль

---

[1] *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 378.

[2] В том числе и неформально. П.В. Крашенинников описывает, как С.А. Муромцев, Г.Ф. Шершеневич и М.М. Винавер должны были отбывать наказание в Таганской тюрьме в 1908 г. за участие в воззвании «Народу от народных представителей» (чаще его называют «Выборгское воззвание») (Полный текст этого потрясающего документа см.: *Крашенинников П.В.* Сумерки империи. Российское государство и право на рубеже веков. М.: Эксмо, 2023. С. 202–204). Мест в тюрьме не хватало, ждали. Они частенько собирались с вещами у Муромцева, пили чай, «отправляли младшего Винавера ("неродственника", как он сам говорил) в полицейский участок, где говорили: "Сегодня мест нет". Александр Маркович докладывал профессорам. Те ворчали о том, что посадить не могут, обсуждали политическую обстановку, работы по праву, выпивали что-нибудь покрепче и расходились по домам» (*Крашенинников П.В.* Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. С. 183). Но места все же нашлись. Заключение они отбывали в московской тюрьме «Каменщики», что в «Таганке», 13 мая — 11 августа 1908 г. См. об этом подробно: *Муромцева А.С.* Сергей Андреевич Муромцев: Личность. Частная жизнь: собрание воспоминаний, документов, писем. М.: Москвоведение, 2019. С. 362–389. Кстати, М.М. Винавер и А.М. Винавер все же родственники (см. об этом: *Винавер С.М.* Указ. соч.).

[3] О нем см., например: *Крашенинников П.В.* Сергей Андреевич Муромцев // Крашенинников П.В. Сумерки империи. Российское государство и право на рубеже веков. М.: Эксмо, 2023. С. 294–308; *Муромцева М.С.* Указ. соч. 688 с.

Феликсович Шершеневич[1], Вениамин Михайлович Хвостов[2], Павел Гаврилович Виноградов[3], Отто (иногда говорят «Оттон») Ленель[4], Василий Александрович Краснокутский[5].

В дальнейшем Александр Маркович работал вместе с такими известными учеными, как И.Б. Новицкий, Б.Б. Черепахин (цивилисты), М.Н. Гернет (криминолог и специалист по уголовно-исполнительному праву), А.Н. Трайнин (криминолог и специалист по уголовному праву) и др.

Совершенно особое место в жизни Александра Марковича занимал журнал «Право и жизнь»[6]. Говоря о жизни А.М. Винавера, прежде всего подразумевают его научную деятельность, его работу в журнале и то, как идеи, проводившиеся в журнале, сказались на нормотворчестве и правоприменительной деятельности и т.д. И даже после того, как Александра Марковича не стало, всякий раз, вспоминая его, вспоминают и журнал.

Этот журнал составил «эпоху не только в его жизни, но и в истории российской юридической мысли»[7].

Этот журнал вполне можно назвать частным: он не имел никакого отношения к власти, что будет сказываться на судьбе журнала, а также на судьбе его «отцов-основателей», авторов и вообще всех имевших к нему отношение.

Издавался он кооперативным издательством «Право и жизнь».

Редакторами его стали А.М. Винавер, М.Н. Гернет, А.Н. Трайнин. Ответственным редактором был А.М. Винавер, т.е., видимо, именно

---

[1] О нем см., например: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 1 / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинников. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 4–14; *Гонгало Б.М.* Г.Ф. Шершеневич и облик нашей цивилистики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 3–10.

[2] О нем см., например: *Суханов Е.А., Томсинов В.А.* Предисловие // Хвостов В.М. Система римского права. С. 3–9.

[3] О нем см., например: *Томсинов В.А.* Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925) // Российские правоведы XVII–XX веков: Очерки жизни и творчества: в 2 т. Т. 2. М., 2007. С. 84–135.

[4] Знаменитый немецкий ученый, специализировавшийся в области римского и гражданского права. Как отмечалось, А.М. Винавер учился у Ленеля в 1913 г. в университете г. Фрейбурга.

[5] Известный русский и советский правовед, специалист по гражданскому праву и процессу, профессор. Кстати, именно он подготовил (переработал и дополнил) первое посмертное издание знаменитого учебника Г.Ф. Шершеневича (1914 г.).

[6] Название настоящей работы об Александре Марковиче навеяно названием этого журнала.

[7] *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 368.

он нес основную нагрузку (Д.В. Мурзин предполагает, что он был фактическим редактором[1]). Издавался журнал с 1922 до 1929 г.

В журнале печатались многие известные ученые. В частности, можно назвать имена таких цивилистов, как М.М. Агарков, С.И. Аскназий, Я.А. Канторович, И.Б. Новицкий, В.И. Сребровский, Л.С. Таль, Б.Б. Черепахин и др. Конечно же, в журнале печатались и труды специалистов в других сферах знаний (А.Ф. Кони, Н.М. Тоцкий и др.).

Журнал распространялся по всему Советскому Союзу.

Естественно, что власти журнал «Право и жизнь» не нравился. Его открыто и анонимно громили нещадно[2]. Доставалось и лично профессору Винаверу. Один из погромщиков писал: «Обычно в среде советских юристов можно слышать то мнение, что журналу "Право и жизнь" удалось вобрать в себя "серьезных", "старых", хотя бы и буржуазных цивилистов как практиков, так и теоретиков. Насчет практиков не будем ничего говорить: быть может, это и так. Что касается "теоретиков", то мы позволим себе решительно не согласиться с отмеченным выше утверждением. В самом деле, кто же такие эти "видные" теоретики из "Права и жизнь"? Возьмем для примера хотя бы теоретические искания одного из наиболее видных вдохновителей журнала — А.М. Винавера. Стоит посмотреть журнал, скажем, за три последних года, чтобы убедиться, что научная продукция этого автора весьма незначительна. В течение этих трех лет им помещено всего пять сравнительно небольших статей и одна рецензия, причем три статьи из указанных пяти числятся по разделу "Вопросы цивилистики", где теорией, как можно легко убедиться, совершенно не пахнет»[3].

Говоря о **творческом методе** профессора А.М. Винавера, прежде всего следует отметить скрупулезность, выверенность, точность... У него нет той эффектности, которая очень часто присутствует у его учителя Г.Ф. Шершеневича. Но его произведения от этого не становятся второстепенными.

Благодаря отсутствию полемического задора, политической ориентированности и попросту импульсивности, что было свойственно стилю Габриэля Феликсовича, у Александра Марковича в работах торжествует сугубо юридический подход. В качестве примера можно взять знаменитую статью А.М. Винавера «На грани уголовной

---

[1] См.: *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 368.

[2] См. об этом: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 749–789.

[3] Цит. по: Там же. С. 751.

и гражданской неправды», которая, конечно, приводится в настоящем издании.

Прежде всего, в начале этой работы, которую автор скромно именует заметкой, он говорит, что в ней «использованы по преимуществу германское и швейцарское законодательства в сопоставлении с действующим советским правом». При этом он, как и было положено, решительно высказывается против автоматического перенесения норм иностранных кодексов в советские, отвергает «всякую мысль о возможности слепого подражания глубоко буржуазным уложениям». Однако делает оговорку, что «мы можем... легко извлечь из них (буржуазных уложений Германии и Швейцарии. — *Б.Г.*) немало соображений, заслуживающих внимания, и много технических приемов, не связанных с предпосылками идеологического характера».

Далее и история права, и то, что мы именуем сравнительным правоведением, и анализ норм права, и предложения по совершенствованию законодательства...

Особо следует отметить строгий **стиль** повествования. Так, в указанной статье Александр Маркович пишет: «Идея буржуазной государственности ревнива: она в области поддержания “гражданского мира” не терпит произвола и даже излишней “самодеятельности” граждан. Non est singulis concedendum, quod per magistratum publice possit fieri, ne occasio sit majoris tumultus faciendi — вот альфа и омега всякой организованной государственности буржуазии»[1].

Профессор Винавер очень бережно относился к **понятийному аппарату** и **терминологии**. Видимо, не случайно в июне 1929 г. Александра Марковича включают в комиссию по составлению глоссария на татарском языке. Как отмечалось, он хотел читать курс терминологии... (Казанский университет)[2]. Именно поэтому в Свердловском юридическом институте «он старался сузить изучение латинского языка в институте только изучением юридических терминов. Он так и говорил: “Оставьте грамматику, вот вам список таких-то терминов, переведите их студентам и скажите, чтобы их заучили”»[3].

---

[1] Варианты перевода: «Не каждому человеку должно быть позволено, чтобы государственный судья мог поджечь, чтобы не было повода для еще большего волнения»; «Не должно быть предоставлено частным лицам то, что может быть публично сделано мировым судьей, чтобы не вызвать еще больших беспорядков».

[2] См.: *Арсланов К.М., Мифтахутдинова Д.Р., Пугачева А.С.* Указ. соч. С. 112; *Багаутдинов Ф.Н.* Указ. соч. С. 95–108.

[3] Так вспоминал уже не раз упоминавшийся В.А. Игнатьев. Цит. по: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитив-

Вопросы эти очень важны. Не секрет, что исследования понятий и терминологии находятся на периферии юридической науки либо их значение преувеличивается донельзя. Во втором случае правовая наука превращается в «науку» о словах, «юридическую филологию», люди, не испорченные юриспруденцией, перестают понимать юристов. Более того, их раздражает такая «наука». А при невнимательном отношении к понятиям и терминологическому «хозяйству» мы — юристы — не сможем понимать друг друга.

Может, именно стремление к точности в подаче материала обусловило то, что, по общему правилу, профессор Винавер, «не растекаясь мыслью по древу», формулирует мысль очень четко и предельно кратко. Очевидно, есть основания утверждать, что А.М. Винавер был мастером малых форм.

Произведения А.М. Винавера отмечены ярко выраженной **практической** направленностью. Опираясь на доктрину, историю законодательства и науки, он чаще всего ориентируется на правотворческую и правоприменительную практику. И конечно, на ту аудиторию, которая хочет понять право и служить праву. Он сам не был склонен к высокой теории. Но (очень важно!), зная ее и отталкиваясь от нее, он писал о том, что важно для любого участника гражданских правоотношений. И для законодателя. И для правоприменителя.

В результате: 1) как отмечалось, студенты его любили и понимали сказанное и написанное им; 2) его комментарии и организуемые им обсуждения законодательства (в том числе в журнале «Право и жизнь») способствовали более или менее единообразному применению гражданского законодательства; 3) некоторые его предложения были воплощены в законодательстве. Так, в автобиографии в 1944 г. А.М. Винавер с нескрываемой гордостью писал, что, «судя по сообщениям печати», его работа «Продажа с рассрочкой платежа» «была положена в основу украинского закона» по купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа, «значительно отличающегося от соответствующего закона РСФСР»[1].

Поражает **филигранность** произведений Александра Марковича. Замечательный **русский язык**. Не допускающий двусмысленности

ности в советском гражданском процессе. С. 806. Данная работа Р.А. Насибуллина в сокращенном варианте опубликована в журнале «Российское право: образование, практика, наука» (2020. № 3. С. 94–107) под названием «Казус профессора А.М. Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе».

[1] *Мурзин Д.В.* Указ. соч. С. 382.

юридический язык. При этом он красив и с точки зрения литературной. Но нет украшательства. Например, в заметке «Неосновательное обогащение и ст. 147 Гражданского кодекса» профессор Винавер утверждает, что «неосновательным обогащением можно называть всякое приобретение, увеличившее имущество данного лица в ущерб другому и без достаточного к тому законного повода (титула). Под это определение, как нетрудно убедиться, попадают самые разнообразные случаи недоговорных обязательств (точнее, обязательств, не имеющих своим источником *юридическую сделку*), по существу своему мало связанных друг с другом. Грабитель с большой дороги, напавший на путника и забравший у него кошелек, мошенник, выманивший у своей жертвы обманным образом некоторую сумму денег, гражданин, поднявший на улице оброненный случайным прохожим бумажник и присвоивший его, гражданин, которому я по собственной инициативе и без всякого предупреждения перевел по почте сто рублей в погашение своего мнимого, не существующего в действительности долга, — все они обогатились неосновательно: они увеличили свое имущество в ущерб другим, и обогащение это не имело под собой достаточного юридического основания (титула); ни грабеж, ни мошенничество, ни присвоение находки, ни получение (хотя и добросовестное) по почте мнимого долга не создают такого законного титула приобретения имущества». Все отточено. Красиво. И ничего лишнего.

Учиться, учиться, учиться...

Человек

Ныне мало известно, каким **человеком** был Александр Маркович Винавер. Вместе с тем благодаря отдельным высказываниям людей, знавших его, анализу фактов, поступков и т.д. можно составить достаточно четкий портрет. Многое видно и из ранее сказанного. Так, бесспорно, что Александр Маркович был очень **целеустремленным** человеком. Например, когда в 1911 г. он вынужден был покинуть Московский университет, то начал преподавать в нескольких других учебных заведениях и заниматься адвокатской практикой. Не была оставлена в стороне и научная деятельность: был сдан магистерский экзамен в Казани, защищена диссертация в Харькове, учился во Фрейбурге (по нынешней терминологии «повышал квалификацию» или «проходил научную стажировку»).

Одновременно преподавал и в Москве, и в Санкт-Петербурге — Петрограде. Как пишет двоюродная сестра Александра Марковича, он «читал лекции в Петроградском психоневрологическом институте

(каждую неделю на два дня приезжал в Петроград и жил в семье моего отца)»[1]. Иначе говоря, он был еще и очень **работоспособным, трудолюбивым**. Понадобилось — он в Ташкенте, в Казани, в Москве... Преподает, работает консультантом, юрисконсультом... Далеко не все он делал по своей воле. Очень многое делал **помимо воли**, под принуждением. Но свои обязанности, принятые на себя добровольно или возложенные на него против его воли, он исполнял **добросовестно**.

В те суровые годы Гражданской войны, а потом нелегкие двадцатые, а позже страшные тридцатые, роковые сороковые, когда, глядя из сегодняшнего дня, не то что жить — существовать, кажется, было невозможно, — **люди жили**. Влюблялись, создавали семьи, рожали детей. Какие-то семьи распадались. Люди занимались наукой, преподавали, строили, пахали землю, писали стихи... Кто-то отчаялся. С.А. Есенин «в петлю слазил в “Англетере”», «Маяковский лег виском на дуло» (В.С. Высоцкий).

Александр Маркович **жил**. Как многократно отмечалось, он преподавал, а в 40-е, по его собственным словам, побил мировые рекорды по числу читаемых лекций. Он писал научные труды. Издавал журнал. Был женат трижды, имел детей. Строил железную дорогу, работал сторожем, занимался юридической практикой, снова преподавал...

Очень важно: Александр Маркович **не был сломлен, не терял оптимизма, чувства юмора, был открытым для общения, старался подбодрить** тех, кому тяжело (будто ему было легко).

Примеров сказанному множество. Так, в Казанском университете в ранее описанном конфликте в связи с бригадно-лабораторным методом обучения А.М. Винавер был обречен на поражение. Но, понимая это, он отстаивал свою позицию. Много лет спустя, уже имея ужасный лагерный опыт, он в чем-то похожей (хотя имеющей иные основания) свердловской истории занимал столь же **принципиальную** позицию. Но, как отмечалось, его позиция приобрела более гибкую форму.

Вспоминаются рассуждения встречавшегося мне человека, который в 30–40-е годы прошлого века, как и А.М. Винавер, находился в местах заключения. Поразительно, но он говорил, что немного «посидеть» полезно каждому. Чтобы понимать и ценить жизнь, понимать людей.

Люди приспосабливались. Если им давали шанс приспособиться.

В письмах из лагеря родным не было жалоб. Он просил присылать в лагерь книги и газеты (!). Подбадривал родных, старался утешить

[1] *Винавер С.М.* Указ. соч. С. 184.

жену арестованного брата: «Если Миша перенес этап, то, как врач, он будет жив». Позже выяснилось, что брат был уже расстрелян[1].

Нет уныния несмотря ни на что. В феврале 1944 г. он работает в лагерной конторе юристом. Пишет сестре: «Работаю по специальности. Работа необременительная при моем опыте в таких делах. Ко мне здесь отношение хорошее, дружеское»[2]. И опять просит присылать книги и газеты. В том числе указанный им учебник английского языка и небольшой французский словарь. При этом он пишет, что, оказавшись в более-менее сносных условиях, «изучил довольно прилично английский язык», и, видимо, с удовлетворением констатирует: голова еще довольно четко работает[3]. Кстати, в личном листке по учету кадров, в рубрике «Знание иностранных языков и языков народностей СССР», А.М. Винавер указал, что **хорошо** владеет латинским, немецким, французским и слабо английским. Вероятно, он знал идиш, хотя в том же документе написал, что он русский.

Но газеты ведь нельзя присылать в лагерь. Жизнь идет, люди приспосабливаются. Газеты следовало посылать на имя бывшего заключенного, теперь вольнонаемного[4], — договорились.

Вот как описывают внешность Александра Марковича и его поведение знавшие его люди. Винецкий, бывший в 1942 г. тоже заключенным: «Небольшого роста, с бородкой клинышком и редкой белой шевелюрой. Интеллигентный, высокообразованный человек, он сразу же привлек внимание и пользовался уважением»[5]. Он же вспоминал встречу уже после освобождения: «В июле 1946 года под большим страхом (паспортные ограничения) я приехал в Свердловск и поселился у Александра Марковича... Выглядел он солидно, по-профессорски, поправился, надевал на лекции новый черный костюм, много работал и был доволен хорошим к нему отношением со стороны руководства института и коллег. В общем, работа его радовала, и он был, как всегда, оптимистичен»[6].

В.А. Игнатьев вспоминал, как «среди ученых института (а это конец 1944 г. — *Б.Г.*) появился убеленный сединой человек за шестьдесят лет с явными следами на лице от пережитого. Он, однако, *сохранил бодрость духа и даже способность к юмору и шуткам*, что он обнаружил

---

1 См.: *Видре К.И.* Указ. соч.
2 Там же.
3 См. там же.
4 См. там же.
5 Там же.
6 Там же.

по деятельности профуполномоченным по быту, на каковую должность его выдвинули по профсоюзной линии. (И этим приходилось заниматься Александру Марковичу. — *Б.Г.*) Он, например, любил пошутить с женской молодежью и угощал их конфетами в соответствии со своим тезисом: "девушки любят конфеты"... в этом отношении Александра Марковича к женской молодежи не было никакого коварства, нини-ни: это было выражением его общительного характера, его любви вообще к молодежи»[1].

Наверное, Александр Маркович был не только общительным, но и увлекающимся человеком. Например, Е.Г. Жуковская, навестившая в лагерной больнице Александра «Алешу» Сванидзе и увидевшая там и профессора Винавера, вспоминала: «Два этих замечательных человека так подошли друг другу, что, увлекшись беседой, порой забывали сдавать дежурство и проводили много часов вместе»[2].

И еще о юморе. Еще в лагере, будучи на общих (т.е. очень тяжелых) работах, в одном из писем родным Александр Маркович не без юмора описал, как «какой-то мужик богатырского телосложения, наблюдая за потугами Александра Марковича, который, работая по пояс в снегу, старательно, но неумело укладывал шпалы, заворчал на старика: "Шпалы кладешь без головы, голова-то у тебя, видать, вообще не работает"»[3].

Сосед А.М. Винавера в Севжелдорлаге прислал письмо К.И. Видре. Она пишет: «В конверте был неожиданный для меня подарок — фотография Александра Марковича: почтенный седовласый человек с удивительно добрыми глазами. На обороте дарственная надпись от 1946 года: "Jus est ars boni et aequi" (Celsus, см. D,1,1li») («Юриспруденция есть искусство добра и справедливости»[4]). Я еще не знала тогда, что пережил Александр Маркович после ареста, но... профессор-юрист, оказавшийся ни за что ни про что арестованным на склоне лет, проведший в лагере долгие шесть лет и продолжающий верить, что юриспруденция есть искусство добра и справедливости, — это поразительно»[5].

Может, и верил. А может быть, это горькая ирония, которую поймет тот, кому адресует эти высокие слова древнеримского юриста Цельса

---

[1] *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 807–808.

[2] *Жуковская Е.Г.* Указ. соч. С. 75.

[3] *Видре К.И.* Указ. соч.

[4] Сегодня эти слова Цельса иногда переводят так: «Право есть искусство добра и справедливости», иногда говорят, что «Право — это наука о добре и справедливости».

[5] *Видре К.И.* Указ. соч.

профессор Винавер, как и он сполна вкусивший в лагере и «добра», и «справедливости». Не исключено, что в данном случае речь идет о должном и подразумеваемом сущем, о котором умалчивается, о надежде, что должное восторжествует (нечто подобное у А.С. Пушкина: «Товарищ, верь: взойдет она, звезда пленительного счастья...»

Не только нет уныния. Есть надежды. В упомянутом письме сестре Александр Маркович пишет: «Может быть, удастся еще до смерти выпустить задуманный курс “Общей теории и права” и “Римского права”. Если бы не эта внутренняя работа, твой брат давно бы почил, подобно другим, под снегом холодной России»[1].

И.Н. Горбунов, о котором уже говорилось, слушавший лекции профессора Винавера, посещавший кружок «МИР» (и к сожалению, путающий ученого с М.М. Винавером), вспоминает лектора и руководителя кружка так: «Седой как лунь аккуратный старичок в пенсне с усиками и бородкой клинышком — он очень отличался от других преподавателей. Во-первых, возрастом. А во-вторых, манерой чтения лекций — речь его была изысканна и предельно грамотна, а небольшое грассирование придавало ей при общей интеллигентности облика профессора некий шарм»[2]. А вот уже упоминавшийся А.С. Добров, бывший студентом СЮИ в 1946–1950 гг., рассказывает несколько иначе: «Вспоминаю свои первые студенческие дни. Навстречу мне из здания института выходит невысокого роста человек, весьма бедно одетый и в полуизношенной солдатской шапке. Я подумал, что это, наверное, дворник. Не доходя до меня шагов десять, он достал из кармана небольшую книжку, развернул и начал на ходу читать ее. Я был изумлен и подумал, что если в институте такие дворники, то что же из себя представляют профессора? Пойму ли я тот учебный материал, который мне они преподнесут для изучения?.. Но кто же мне встретился перед зданием института? Оказалось, что это был профессор Александр Маркович Винавер — крупный ученый в области гражданского и римского частного права. К великому сожалению, нашему курсу не пришлось слушать лекции этого крупного ученого. А.М. Винавер скончался в марте 1947 года»[3].

---

[1] *Видре К.И.* Указ. соч.

[2] *Горбунов И.Н.* Указ. соч. С. 20.

[3] *Добров А.С.* Воспоминания выпускников и ветеранов. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2001. С. 796. URL: https://world-war.ru/proshhaj-armiya-chto-dalshe/?ysclid=l1t5m21htaa234772107. Цит. по: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 795–796.

С.В. Винавер рассказывает, что А.М. Винавер был женат трижды. В первом браке он имел сына Игоря и дочь Наталью. Во втором браке детей не было. В третьем браке с Тамарой Феоктистовной Артамоновой на свет появилось двое детей: сын Ростислав и дочь Вера, взявшие фамилию матери. Сын Игорь расстрелян в 1935 г. по ст. 58 УК РСФСР. Дочь Наталья, умершая в 1984 г., была широко известна в диссидентских кругах[1].

Сын Ростислав стал полковником милиции, работал в журналах «Советская милиция», «К новой жизни»[2], писал книги, рассказы о советской милиции — о людях долга и отваги, сочинял стихи[3] ... Умер в 1987 г. (по некоторым источникам — 1988 г.). Дочь Вера была медсестрой, умерла в 1994 г.[4]

По-видимому, Александр Маркович в последний раз видел жену и детей в 1946 г. Винецкий, приезжавший в Свердловск в июле 1946 г., упоминает, что «до этого у него гостили жена и дети»[5].

В.А. Игнатьев вспоминал: «Летом, во время каникул, к А.М. приезжали из Москвы его дети: девочка лет 12-ти и мальчик лет 8-ми. А.М. был женат на девушке из “бывших”, видном специалисте, много моложе его»[6].

Есть и свидетельства о смерти Александра Марковича и прощании с ним. Видре К.И. говорит, что «Бог его миловал еще и потому, что смерть его была, можно сказать, завидной. Скончался Александр Маркович скоропостижно... с поднятым бокалом в руке, на полуслове тоста, за праздничным столом у своего верного друга, ученика и коллеги профессора Б.Б. Черепахина»[7]. (Как ранее отмечалось, Б.Б. Черепахин не был учеником А.М. Винавера. — *Б.Г.*)

Очень обстоятельно описал кончину А.М. Винавера В.А. Игнатьев: «У профессора... Бориса Борисовича Черепахина, жившего тоже в стенах института, было большое торжество: он выдавал замуж, лучше сказать — его единственная дочь Татьяна Борисовна, аспирантка ин-

---

[1] В диссидентском движении активно участвовали ее дети, зятья и др. В том числе некоторые из них были осуждены. См. об этом: *Винавер С.М.* Указ. соч. С. 185–186.

[2] Второй из названных журналов издавался МВД СССР для работников исправительно-трудовых учреждений.

[3] Книги Р.А. Артамонова продаются и сегодня.

[4] См.: *Винавер С.М.* Указ. соч. С. 185.

[5] *Видре К.И.* Указ. соч.

[6] *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 834.

[7] *Видре К.И.* Указ. соч.

ститута, выходила замуж, и был вечер, на котором в числе гостей присутствовал А.М. Ему было строго прописано врачами не прикасаться к “горючему”, ни-ни, но была торжественная обстановка, а у русских людей в таких случаях строго соблюдалось правило “гость-мученик”; и А.М. “согрешил”. Перед ним поставили еще “вторую” из тех, о которых говорят: “первая — колом, а вторая — соколом”, но он едва успел сказать — “мне что-то неловко”, и был уже в том мире, “идеже несть печаль, ни болезнь, а жизнь бесконечная”. Позвали студентов, чтобы они перенесли бренные останки А.М. в его комнату. Один из них потом так рассказывал своим товарищам об этом событии: “Подошли мы к А.М.; а он чуть склонился на бок кресла, и перед ним стояла “она”, эта “вторая”, — и добавил: “как у Пушкина — блажен, кто “чашу жизни не допил до конца”»[1].

В заключении о смерти, хранящемся в личном деле, сказано: «Смерть профессора ВИНАВЕРА А.М. скоропостижная наступила при остановке сердечной деятельности вследствие саморазрыва мышц сердца в области правого и левого его желудочка, с последующим обильным кровоизлиянием сердечной сорочки и ее томпанадов[2].

Вскрывала врач...

17 марта 1947 г.

Г. Свердловск».

В.А. Игнатьев рассказывает: «Хоронили А.М. со всеми почестями. По лютеранскому обычаю гроб был окрашен в черный цвет. На похоронах присутствовала только жена, а детей не было. *Похоронили его на Ивановском кладбище у стены, которая отделяет последнее от тюремной площадки.* Так, видно, суждено было Александру Марковичу “почивать” вблизи сего учреждения»[3].

К.И. Видре пишет, что один из студентов рассказывал, как хоронили Александра Марковича: «...исключительно торжественно (“Свердловск не знал таких похорон”). Было очень много студентов, гроб несли на руках до самого кладбища»[4]. С.С. Алексеев: «Толпа преподавателей и студентов с непокрытой головой, впервые — и это после

---

[1] *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 834.

[2] Кажется, правильно — тампонада сердца (мед. термин).

[3] Цит. по: *Насибуллин Р.А.* «Грехопадение» профессора Александра Марковича Винавера и принцип диспозитивности в советском гражданском процессе. С. 834–835.

[4] *Видре К.И.* Указ. соч. Уже упоминавшийся тогдашний заместитель секретаря комитета комсомола в необнародованных воспоминаниях говорит, что хоронили Александра Марковича всем институтом. Выносили гроб из здания члены комитета

фронта! — осознавая, что смерть может уносить и саму жизнь, и нечто еще, ничем не восполнимое... Может быть, тогда-то я еще раз... и уж очень всерьез понял, что обязан всю жизнь служить Праву»[1].

Заключение

В упоминавшейся статье двоюродной сестры Александра Марковича справедливо отмечается, что «самой известной фигурой нашего рода был Максим Моисеевич Винавер (1862–1926)». Но было и есть много других людей, носящих фамилию Винавер. Они жили и живут в России, Франции, Великобритании, США...

О них много написано (в том числе книга «Сага о Винаверах»). В период Второй мировой войны в гитлеровских лагерях погибло 32 представителя рода Винаверов...[2]

Профессор Александр Маркович Винавер является замечательным цивилистом, учителем, пропагандистом юридической науки... Он был очень интересным человеком. Выдающимся ученым. В том числе благодаря профессору Винаверу идеи, сформулированные русской гражданско-правовой наукой (до 1917 г.), не канули в Лету, но продолжали жить в советской цивилистике, которая явилась продолжением русской цивилистики. И живут сегодня. Как видно из ранее сказанного, его помнят в Москве, Казани, Екатеринбурге...

И конечно, великая благодарность Александру Марковичу Винаверу за то, что он вместе с Борисом Борисовичем Черепахиным основывал цивилистическую школу на Урале[3].

Земной поклон.

комсомола. Гроб поставили на сани (машины у института не было, не было и бюро ритуальных услуг).

[1] *Алексеев С.С.* Уроки: Тяжкий путь России к праву. С. 15.

[2] Краткую историю рода Винаверов и источники см., например: *Винавер С.М.* Указ. соч. С. 180–188.

[3] См. об этом: Уральская школа цивилистики: прошлое, настоящее, будущее: кафедра гражданского права Уральского государственного университета имени В.Ф. Яковлева — 75 лет / вступ. слово, общ. ред. Б.М. Гонгало [авт.-сост. Б.М. Гонгало, Д.В. Братусь]; УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева, каф. гражд. права.

Г.Ф. ШЕРШЕНЕВИЧ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЦИВИЛИСТИКЕ

Габриэль Феликсович Шершеневич прожил менее пятидесяти лет (1 января 1863 г. — 31 августа 1912 г.). Оставил после себя невероятно богатое научное наследие[1]. Множество учеников...

И память.

После ухода Г.Ф. Шершеневича, конечно, были разные подходы, но, думается, можно сказать, что его «дело продолжало жить». В качестве небольшой иллюстрации можно вспомнить уникальную книгу — сборник статей памяти Шершеневича, созданный спустя три года после его смерти[2]. Написавший вступительное слово Е.А. Суханов справедливо определил коллектив авторов: «Созвездие цивилистов»[3].

Некогда (1918–1924) почти всемогущий, а затем почти напрочь забытый А.Г. Гойхбарг (О.Ю. Шилохвост именует его Красным Трибонианом[4]), выступивший рецензентом этого сборника, рассматривает его как «венок на могилу столь рано похищенного смертью одного из наиболее выдающихся наших цивилистов и коммерциалистов, венок, листы и цветы которого обещают отнюдь не увядать, а давать новые нынешние и благоуханные ростки»[5].

После всего сказанного невозможно удержаться от перечисления авторов статей, включенных в этот сборник, имена которых знакомы каждому цивилисту: М.М. Агарков, С.А. Беляцкин, Е.В. Васьковский,

---

[1] Наиболее полный на сегодняшний день список работ Г.Ф. Шершеневича см.: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. С. 813–829.

[2] См.: Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М.: Статут, 2005. 620 с. (это переиздание. Сборник был издан в 1915 г.).

[3] Там же. С. 7–11.

[4] См.: *Шилохвост О.Ю.* Александр Гойхбарг. Горькая судьба Красного Трибониана: биография создателя первого советского Гражданского кодекса. М.: Статут, 2020. 626 с.

[5] *Гойхбарг А.Г.* Венок покойному цивилисту // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. С. 22–40.

А.Э. Вормс, Д.М. Генкин, Д.Д. Гримм, В.П. Доманжо, А.В. Завадский, А.И. Каминка, М.Я. Пергамент, И.А. Покровский, А.А. Симолин, В.И. Синайский, В.И. Сливицкий, Л.С. Таль, Г.Г. Тельберг, А.Л. Фрейтаг-Лорингoвен, В.Н. Шретер, Т.М. Яблочков.

А далее, в 20–30-е гг. XX столетия, в РСФСР — Советском Союзе, как известно, был период разброда и шатаний. И в экономике, и в социальной сфере, и в культуре, и в праве, и в науке (не только правовой) и т.д. и т.п. Потому имя Шершеневича кто-то воспевал, кто-то отвергал, кто-то клеймил Габриэля Феликсовича как буржуазного ученого... В конце 30-х гг. все поменялось: возобладал консервативный правовой подход, конечно же скорректированный под марксизм-ленинизм[1].

Вроде Шершеневичу места нет. Но, как отмечает В.М. Сырых, «Курс общей теории права» 40–50-х гг. был ничем иным, как курсом Шершеневича, лишь немного причесанным под марксизм[2]. Если анализировать произведения советских правоведов, в первую очередь цивилистов, то влияние идей Шершеневича «видно невооруженным взглядом»[3].

В связи с предметом рассуждений, предлагаемых вниманию уважаемого Читателя, в первую очередь следует отметить, что о науке гражданского права — о цивилистике — он писал очень и очень много. Даже в знаменитом «Учебнике русского гражданского права»[4], предназначенном будто бы только для использования в учебном процессе, масса положений (идей, взглядов, высказываний...), необходимых русской (а теперь российской) цивилистике. Некоторые из них даны именно как научные положения, например указания о методах гражданского правоведения[5]. Другие — в ходе рассмотрения более конкретных проблем, например в ходе анализа общего понятия о наследовании[6]. Это в учебнике. А ведь были и другие работы: «Общая теория

---

[1] См. об этом, напр.: *Гонгало Б.М.* Советская цивилистика и сегодняшний день // Гонгало Б.М. Избранное: в 5 т. М.: Статут, 2021. Т. 3. С. 57–61. (Ранее статья была опубликована в журнале «Хозяйство и право». 2017. № 10.)

[2] Воспроизводится по: *Крашенинников П.В.* 12 апостолов права. С. 113.

[3] Об этом см., напр., там же. С. 114.

[4] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 5. С. 3–812. Это повторение последнего прижизненного издания данной работы. Сегодня более распространен вариант учебника, изданный после смерти Г.Ф. Шершеневича под ред. В.А. Краснокутского, который существенно переработал текст (см. об этом там же. Вступительное слово П.В. Крашенинникова. С. 67).

[5] См. там же. С. 14–22.

[6] См. там же. С. 696–704.

права», «Курс гражданского права», «Экономическое обоснование авторского права», «Общее учение о праве и государстве», «История философии права», ряд произведений о торговом праве и т.д.[1]

В данном случае не ставится цель проанализировать научные воззрения Г.Ф. Шершеневича: это было бы просто несерьезно в рамках небольшого очерка. Впрочем, вряд ли такую цель можно было бы достичь, написав объемную статью, брошюру, монографию... Здесь все более скромно. Вниманию читателя предлагаются рассуждения о том, как видятся взгляды Шершеневича на науку гражданского права с сегодняшнего дня, и о том, сказались ли они на развитии отечественной цивилистики. И чтобы не распыляться, в первую очередь предлагается обратиться к работам Г.Ф. Шершеневича «Наука гражданского права в России»[2] и «Задачи и методы гражданского правоведения»[3] (отдавая себе отчет в том, что многие положения в той или иной форме воспроизводятся в его последующих работах).

При характеристике Г.Ф. Шершеневичем российской науки гражданского права повествование «привязано» к субъектам — ученым, посвятившим себя полностью или в значительной мере разработке цивилистических начал, а затем и проблем гражданского права. Начинает автор с анализа деятельности Филиппа Генриха Дильтея, который приехал в Москву из Германии в 1756 г. (с. 16–18)[4], а заканчивает рассмотрением взглядов С.В. Пахмана, А.Х. Гольмстена, С.А. Муромцева, Н.А. Зверева, Н.М. Коркунова, сформировавшихся в конце XIX в. В ходе этого повествования, уместившегося в современном издании на чуть более чем 200 страницах, Шершеневич говорит о том, что «из школы Дильтея вышли первые русские ученые юристы, Десницкий и Третьяков» (с. 18–19), упоминает о «первой попытке систематического изложения русского гражданского права» профессора Терлаича (1810 г.) (с. 21–23), оценивает сочинение профессора С.-Петербургского университета Василия Кукольника (1813–1815 гг.) (с. 23–25), называет наиболее важные произведения

[1] По мнению П.В. Крашенинникова, из более 200 работ Шершеневича «наибольшего внимания заслуживают все-таки две: это “Учебник русского гражданского права” и “Общая теория права”» (см.: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 4 включая Общую теорию права / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017. С. 7).

[2] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 1 / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. С. 15–231.

[3] См. там же. С. 324–366.

[4] Здесь и далее, с тем чтобы облегчить труд читателя, указываются страницы названной книги, в которой опубликована работа «Наука гражданского права в России».

профессора Московского университета Льва Цветаева, написанные в период с 1805 до 1817 г. (с. 25–27), вспоминает о доле труда, внесенного в историю гражданского права Д.И. Мейером (с. 47), отмечает замечательное произведение профессора К.А. Неволина 1851 г. (с. 57–66), указывает на значимость работ К.П. Победоносцева (с. 90–102) и т.д.

Из сказанного очевидно, что прежде всего говорится об **истории** науки гражданского права в России, причем об «истории в лицах». Этим «лицам» довольно часто даются нелестные или, напротив, весьма доброжелательные характеристики. Так, Шершеневич указывает, что «в одной только части гражданского права Дильтей оказался специалистом, именно в вексельном праве» (с. 17). Десницкий — «наиболее талантливый» (с. 18). О произведении Терлаича сказано: «Оно носит преимущественно философский характер, нередко переходящий в сухую схоластику» (с. 21), «обращает на себя внимание недостаточное знакомство Терлаича с русским правом» (с. 22). «При чтении Кукольника неприятно поражает своеобразная терминология автора... не лишена книга иногда и курьезов...» (с. 25). Общая система права в том виде, в каком ее рисует Л. Цветаев, представляется Шершеневичу несколько странной (с. 26), хотя при всех «недостатках сочинение Цветаева имеет свои достоинства» (с. 27). О С.В. Пахмане сказано, что он выдающийся русский цивилист, о Д.И. Мейере — «другой известный цивилист того времени» (с. 47). Далее о труде Д.И. Мейера «Русское гражданское право» говорится возвышенно: он «резко выделяется из современных ему произведений и сохраняет до сих пор почти то же значение», какое имел «при своем выходе в свет, так как нет подобного же сочинения, способного заменить его для настоящего времени». «Глубоко преданный делу науки и ее преподаванию, Мейер посвятил всю свою жизнь исключительно ее служению. В его лице русская наука имеет замечательного ученого и образцового по тонкости анализа цивилиста» (с. 73). Высоко оценивая работы К.П. Победоносцева, Шершеневич пишет: «В лице г. Победоносцева мы видим совершенно особый тип юриста, не подходящий к большинству русских ученых. Не поддаваясь влиянию западной науки, не связанный выводами предшествующих русских ученых, г. Победоносцев отличается полной самостоятельностью взглядов на исторические и догматические вопросы русского права. Спокойный и тонкий анализ, бесстрастное изложение, упорный консерватизм в вопросах *de lege ferenda* — таковы отличительные черты г. Победоносцева как ученого» (с. 92).

В ряде случаев Шершеневич оценивает творчество своих предшественников и современников довольно жестко. Так, говоря об одном из преподавателей Московского университета, он отмечает, что, «хотя и прекрасный практик, Горюшкин не обладал обширной юридической эрудицией. Его сведения о римском праве и иностранных законодательствах были поверхностны и отрывочны» (с. 20).

Об учебнике учителя законоведения С.-Петербургской Ларинской гимназии Проскурякова 1854 г. «вынесен вердикт»: «Это учебник самого низшего разбора, представляющий собой простую перепечатку законов... без малейшего следа оригинальной мысли автора. Для гимназистов это сочинение слишком подробно и трудно, для юристов оно бесполезно» (с. 73).

Справедливости ради надо отметить, что и самому Г.Ф. Шершеневичу иногда «доставалось» в неменьшей степени. Так, «Учебнику русского гражданского права» Г. Шершеневича издания 1901 г. была дана и такая оценка: «Репетиториум (повторительный курс, учебник для повторения пройденного. — *Б.Г.*), удовлетворяющий современным требованиям. Некоторые учения, имеющие второстепенное с точки зрения догматики значение, изложены очень подробно, и наоборот, многим капитальным учениям отведено слишком мало места. В учебнике масса крупных ошибок»[1]. Бывало и более жестко, более красочно. Так, в одной из своих рецензий профессор В.П. Даневский пишет: «На книге г. Шершеневича приходится (! — *Б.Г.*) еще остановиться: она полна самых грубых фактических ошибок... автор, сознающий неприличие закуривания сигары в вагоне, не спросясь дам, едва ли ясно определяет свое “отношение” к представляемой им науке. Наука, г. Шершеневич, богиня строгая и не позволяет входить к себе в храм без методов и солидной систематической мысли, не говоря уже о точных знаниях. Курс Г. Шершеневича, во всяком случае, лекций Мейера не заменит»[2].

Итак, уже отмечалось, с одной стороны, Шершеневич показывает, как появилась и развивалась наука гражданского права в России; история дается в лицах; часто, так или иначе, характеризуются соответствующие лица. С другой стороны, одновременно, довольно обстоятельно рассматривается, как в трудах того или иного ученого воспроизводятся идеи естественного права, как сказалось на взглядах русских ученых

[1] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Ч. 1. С. 43.

[2] Рецензия на книгу Е.В. Васьковского «Учебник гражданского права» // Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 35–36.

историческое направление, каково влияние историко-философской школы, чем отличаются догматические исследования того или иного русского ученого и т.д.

В целом, несмотря на то что в работе нередко встречаются положительные оценки тех или иных идей (взглядов, высказываний, концепций), очевидно, что Г.Ф. Шершеневич не поет дифирамбы русскому гражданскому праву. Он о нем невысокого мнения. Весьма показательны первые строки характеризуемого труда: «Зная исторические условия умственного развития России, принужденной скачками догонять Западную Европу... нельзя... ожидать, чтобы наука права развивалась в России самостоятельно... Россия спала глубоким сном в своей национальной обособленности. Чтобы учиться, необходимы были учителя, а такими могли быть только иностранцы... молодые русские силы находились под полным влиянием идей своих наставников» (с. 15).

В заключении этой же работы указывается, что, «не имея традиций, улавливая каждую новую мысль... наука не могла пустить глубоких корней в нашу практику и определить себе путь, по которому должны идти дальнейшие исследования ученых» (с. 221). Отметив единство теоретической и практической юриспруденции в Риме и на современном Западе, Г.Ф. Шершеневич сетует: «Ничего подобного не замечается в России, где не только нет общения, но, напротив, обнаруживается какая-то неприязнь, враждебность между теоретиками и практиками» (с. 222).

Вообще говоря, все заключение (с. 221–231) выглядит в рассматриваемой работе несколько странно. Вся работа — об истории науки гражданского права, о людях, творивших ее, идеях, законах... А заключение — только о недобрых отношениях науки и практики... И конечный вывод весьма пессимистичен: «Только при условии, что наука гражданского права примется наконец за историческую и догматическую разработку русского законодательства, а практика освободится от цепей, наложенных на нее кассационными решениями, и обратится к научной помощи, — только тогда можно ожидать устранения той розни между теоретической и практической юриспруденцией, которая составляет в высшей степени печальное явление современной русской правовой жизни» (с. 230–231).

Видимо, в соответствующей части работы возобладало не стремление исследовать, подвести итог развитию науки, но желание в очередной раз выразить неудовлетворенность российской цивилистикой, практикой применения норм законодательства, да и правовой

действительностью в целом. Настроения такого рода преобладали в конце XIX — начале XX в. Например, другой виднейший цивилист той эпохи — профессор И.А. Покровский писал, что больно чувствовать, насколько мы, юристы-цивилисты, «при решении крупнейших вопросов... идем беспринципно и наугад... мы окончательно отвыкли от широкой теоретической трактовки наших проблем и потеряли всякую связь с глубокими идейными течениями нашего времени... наука гражданского права стала казаться какой-то отторженной от жизни засохшей схоластикой, а цивилисты — какой-то замкнутой отжившей кастой»[1].

Позднее, после упоминавшегося периода разброда и шатаний 20–30-х гг. XX в., советская гражданско-правовая наука гордилась собой. При этом, естественно (для того времени), порицалась то, что было до 1917 г. Сегодня высокий уровень развития русской (досоветской) цивилистики, кажется, ни у кого не вызывает сомнения. Советская правовая наука не в чести, хотя нынешняя цивилистика базируется на достижениях русской и советской гражданско-правовой науки. Так же как советская цивилистика выросла из русской науки гражданского права[2]. Воистину: чудны твои дела, Господи!

В целом о науке гражданского права в России писали многие ученые. Кроме только что упомянутых трудов Г.Ф. Шершеневича и И.А. Покровского, можно вспомнить работу Я.А. Канторовича «Основные идеи гражданского права»[3] и многие другие произведения. Но в связи с темой настоящей работы следует особо выделить работу О.А. Красавчикова «Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система)»[4].

Как видно уже из названия произведения, оно построено, исходя из других подходов, нежели те, которыми руководствовался Г.Ф. Шершеневич. Разумеется, учитывались идеи (взгляды, концепции и т.п.) Шершеневича (это видно, анализируя содержание работы О.А. Красавчикова), но сослаться на труды Г.Ф. Шершеневича, конечно, было невозможно. Более того, заключительная (шестая) глава работы О.А. Красавчикова была посвящена раскрытию «коренной

---

[1] *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. С. 34–35.

[2] См. об этом, напр.: *Гонгало Б.М.* Советская цивилистика и сегодняшний день // Избранное. Т. 3. С. 49 и сл.

[3] *Канторович Я.А.* Основные идеи гражданского права. Ленинград, 1928.

[4] *Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система). Свердловск, 1961. 380 с. Работа переиздана. См.: *Красавчиков О.А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2005. С. 115–489.

противоположности социалистической науки права буржуазному правоведению», а также развенчиванию «ревизионистских концепций в области методологии правовой науки». А как иначе? По-другому нельзя было: работа, содержащая чрезвычайно важные положения для нашей цивилистики, при отсутствии таких положений не была бы обнародована[1].

Да и жанр «Науки...» Шершеневича иной, нежели «Советской науки...» Красавчикова. Если у Шершеневича это рассказ, «история в лицах» с некоторой оценкой результатов труда избранных автором ученых, то у О.А. Красавчикова — исследование, формулирование концептуальных положений... Это его докторская диссертация. Естественно, что в то время (1961 г.) нельзя было обойтись без неких идеологических заклинаний.

Позже появилась замечательная работа О.С. Иоффе «Развитие цивилистической мысли в СССР» (часть I вышла в 1975 г., часть II — в 1978)[2]. Она тоже отличается от «Науки...» Шершеневича по методологии. Здесь рассматриваются источники советской цивилистической теории, излагаются учения о сущности советского гражданского права, гражданской правосубъектности, права собственности и об обязательствах.

О.С. Иоффе анализирует существовавшие ранее (начиная с 1917 г.) и на момент написания работы (70-е гг. XX в.) концепции, взгляды, идеи... указывает свои позиции по широкому кругу вопросов. Если Шершеневич говорит об ученых и в какой-то мере о их вкладе в науку гражданского права, то О.С. Иоффе повествует о самой цивилистике и указывает ее творцов. Понятно, что в работе О.С. Иоффе тоже много идеологического, но, игнорируя это идеологическое, можно узнать много о динамике науки советского гражданского права, о ее содержании. А если не игнорировать, то в ряде случаев можно понять обусловленность многих правовых решений идеями марксизма-ленинизма (например, о наследовании, плановом характере договоров, праве собственности и т.д.).

И в настоящее время осуществляется общая характеристика науки гражданского права, показывается ее значимость, обусловленность

[1] Об этом см., напр.: *Гонгало Б.М.* Советская цивилистика и сегодняшний день // Гонгало Б.М. Избранное. Т. 3. С. 62–66.

[2] См.: *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». С. 157–506.

«внешними» факторами (например, экономикой, культурой) и т.д. В том числе с опорой на работы Г.Ф. Шершеневича[1].

* * *

Шершеневич многократно высказывался о **предмете науки** гражданского права, а также о **задачах** и **методах** цивилистики. При этом он исходил из идеи, сформулированной афористично: «Социальные науки вообще ставят себе три задачи: познать, объяснить и оценить изучаемые явления»[2].

В отношении **объекта** (предмета) гражданского правоведения суть позиции Шершеневича хорошо видна из его следующих слов: «Материалом, подлежащим изучению со стороны правоведения, служат юридические **нормы**... **Только нормы** составляют объект правоведения. **Юридические отношения,** представляя лишь отражение норм на бытовых отношениях, сами по себе таким **объектом** служить **не могут**»[3] (выделено мной. — *Б.Г.*). Таким образом, объектом (предметом) науки гражданского права ученым называются нормы (и ничего, кроме норм).

Вопрос о предмете науки гражданского права не относился к числу центральных (важных и т.п.). Однако в дальнейшем, в том числе и в советский период, не заостряя на этом внимания, в состав предмета цивилистики иногда включали нормы и правоотношения, практику применения правовых норм, отношения, регулируемые гражданским правом (т.е. те социальные связи, которые входят в предмет гражданского права как отрасли)[4].

Сегодня в предмет цивилистики обычно включают отношения, которые подвергаются правовой регламентации, источники правового регулирования, гражданские правоотношения, юридические факты,

---

[1] См., напр.: *Зайцев О.В.* Современные проблемы доктрины гражданского права. М.: Статут, 2017. 88 с.; *Его же.* Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018. 56 с.; *Филиппова С.Ю.* Цивилистическая наука России: становление, функции, методология. М.: Статут, 2017. 384 с.

[2] Задачи и методы гражданского правоведения // Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 1. С. 324. Эта мысль многократно в более развернутом виде высказывается и в других работах Г.Ф. Шершеневича. См., напр.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права // Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 5 т. Т. 4 включая Общую теорию права. С. 661 и сл.

[3] *Шершеневич Г.Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения // Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 1. С. 324. Эта же идея высказывается в других работах ученого.

[4] Обзор мнений и указание литературы см.: *Красавчиков О.А.* Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система). С. 143–153.

влекущие динамику гражданских правоотношений, практику применения гражданско-правовых норм, обычаев, восполнения пробелов в правовом регулировании, исследование межотраслевых связей гражданского права, формулирование положений, необходимых для преподавания, дисциплины (курса) гражданского права. Думается, перечень не исчерпывающий[1].

Говоря о методах гражданского правоведения, Шершеневич в 1898 г. выделял:

– **догматический:** его суть «в систематическом изложении норм гражданского права, действующих в данное время в известной стране»[2];

– **исторический:** «гражданско-правовой порядок, наблюдаемый в известный момент, есть продукт всей истории данного народа»[3];

– **социологический:** «явления общественной жизни подлежат такой же закономерности, как и все прочие явления»[4];

– **политический:** «нормы гражданского права составляют продукт человеческой воли и деятельности и являются средствами для достижения известных целей общежития. Поэтому эти нормы подлежат оценке и критике с точки зрения их целесообразности»[5].

В работах, написанных позднее, Г.Ф. Шершеневич не называет политический метод, но, кроме указанных методов, выделяет и **критическое** направление (метод), имеющее целью «представить соображения о том, насколько действующие нормы отвечают потребностям времени и места, какие изменения следовало бы сделать в существующем гражданском порядке в целом или в отдельных его частях»[6]. Правда, рассматривая задачи и методы гражданского правоведения в работе «Курс гражданского права» (1901–1902), ученый в отдельном параграфе говорит о политике права и, судя по содержанию, подразумевает политику как метод[7].

В советские времена подход к рассмотрению методов гражданского правоведения мало отличался от того, который предлагал Шершеневич.

---

[1] Более подробно (в том числе о цивилистических школах) см.: Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. С. 69–89.

[2] *Шершеневич Г.Ф.* Задачи и методы гражданского правоведения. С. 330 (330–347).

[3] Там же. С. 347 (347–353).

[4] Там же. С. 353 (353–359).

[5] Там же. С. 359 (359–366).

[6] *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права. С. 20 и сл.; *Его же*. Избранное: в 5 т. Т. 4 включая Общую теорию права. С. 690–696.

[7] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное. Т. 2 включая Курс гражданского права / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. 2-е изд., стер. М.: Статут, 2017. С. 126–132.

Так, О.С. Иоффе указывал следующие функции, выполняемые наукой гражданского права:

– **аналитическую**, которая «состоит в выявлении содержания действующего гражданского законодательства, его истолковании и систематическом изложении»[1];

– **критическую**, которая «направлена на установление недостатков в действующем гражданском законодательстве, выражаются ли они в проблемах закона, неправильных или устаревших решениях, погрешностях логического, системного или даже языкового порядка»[2];

– **созидательную**, имеющую «своей целью содействовать изменению существующих и образованию новых гражданско-правовых норм и институтов»[3].

В сегодняшней правовой науке нередко считается, что метод правоведения есть система средств познания права. В составе этой системы выделяются средства философские, общенаучные, специально-юридические, методики и техники исследований[4].

* * *

Человеческие качества исследователя, несомненно, сказываются на результатах его труда. Габриэль Феликсович был очень-очень интересный человек. В том числе его отличало и то, что мы сегодня именуем активной жизненной позицией. Он был увлечен политикой, одержим желанием объяснить «весь драматизм русского профессора»[5].

М.М. Винавер, для которого Г.Ф. Шершеневич, по его словам, был «много раз в жизни учителем, а в самую памятную эпоху (речь о совместной работе в I Государственной думе. — *Б.Г.*) был милым, искренно любимым товарищем и другом»[6], пишет: «Он и в науке... был необычайно впечатлителен на внешние явления, на чужую мысль, на всякое

---

[1] *Иоффе О.С.* Развитие цивилистической мысли в СССР (часть I) // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». С. 161.

[2] Там же. С. 161.

[3] Там же. С. 162.

[4] Более подробно см. об этом: *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 225–227; Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. С. 81–82.

[5] *Винавер М.М.* Венок на могилу Шершеневича // Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. М.: Статут, 2005 (Классика российской цивилистики). С. 14.

[6] *Винавер М.М.* Указ. соч. С. 21.

новое жизненное движение». М.М. Винавер отмечает «легкость и некоторую игривость ума» Г.Ф. Шершеневича, его горячность, изящность, «импульсивность ответов на внешние вопросы»[1]. Указано также, что Г.Ф. Шершеневич «с жаром брался выступать по общетактическим, наиболее ответственным тогда вопросам. "Тактик" он был ненастоящий: слишком для этого много в нем было возбудимости и непосредственности, слишком мало для тактика "научной" уравновешенности»[2]. И еще: «...тонкая сеть стратегических соображений была совершенно чужда Шершеневичу. Воспламенившись какою-нибудь мыслью, он разом до конца проектировал ее наружу, не озираясь кругом, не чувствуя никаких дипломатических препятствий»[3].

Объясняя уход многих юристов в политику, Шершеневич писал, что «в кабинет русского ученого, как бы ни были глухо закрыты его окна, доносятся жалобы и стоны, капля по капле вливают яд в его жизненную чашу. Не может русский ученый отдаться всецело науке. Держа в одной руке светильник знания, он на другую руку надевает щит гражданина, чтобы охранить священный огонь от холодного ветра, сквозняков и вихрей»[4].

Любовь его «к литературе, поэзии, театру, музыке не знала границ»[5].

Красиво. И содержательно.

Не случайно сын Габриэля Феликсовича — Вадим Шершеневич стал поэтом, одним из близких друзей С.А. Есенина, вместе с ним стоявший у истоков имажинизма.

Все указанные и иные качества Шершеневича как человека, «Моцарта права» по определению П.В. Крашенинникова[6], сказались на его научной деятельности, так или иначе, отразились в его многочисленных произведениях, форме подачи материала, стилистике.

Стиль Шершеневича, а у него был свой стиль, получил распространение. Впоследствии, после бурных 20-х гг. и трагических 30-х гг. XX в., когда слова особенно не подбирались, а то и, напротив, подби-

---

[1] *Винавер М.М.* Указ. соч. С. 14–15.

[2] Там же. С. 16.

[3] Там же. С. 18.

[4] *Шершеневич Г.Ф.* С.А. Муромцев как ученый // Сергей Андреевич Муромцев: сб. ст. М.: М. и С. Сабашниковы, 1911. С. 80. Цит. по: *Крашенинников П.В.* 12 апостолов права. С. 119.

[5] *Крашенинников П.В.* Вступ. сл. // Шершеневич Г.Ф. Избранное. Т. 3 включая Авторское право на литературные произведения / вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. С. 6.

[6] См.: *Крашенинников П.В.* 12 апостолов права. С. 111 и сл.

рались таким образом, чтобы унизить («разоблачить» и т.п.) своего оппонента (отсюда и использовавшиеся слова «отщепенцы», «враги народа» и пр.), наступило некоторое затишье. Речь именно о форме подачи материала, о стилистике. Возобладал подход, в соответствии с которым мысль должна излагаться суховато (иногда такой стиль именуют академическим), недопустимы ярлыки, нельзя «переходить на личность» (оценивать ее умственные способности, уровень образования и т.п.) и т.д.

Безусловно, были блестящие ораторы, полемисты, очень интересные люди. «На бумаге» в своих работах и они редко были видны как люди. Прорывалось, но не часто. Например, О.А. Красавчиков как-то высказался об исследованиях некоторых ученых следующим образом: «...по части “открытых звезд” (исследования. — *Б.Г.*) также совместимы порой с истиной, как совместимы между собой суждения астрономов и астрологов»[1]. Особой остротой отличались работы, посвященные обоснованию т.н. хозяйственно-правовой концепции, и труды, призванные доказать несостоятельность соответствующей теории. Среди последних выделяется совместная работа О.С. Иоффе и О.А. Красавчикова с чудным названием «О критике науки и научности критики»[2]. Статья резковата, что вполне понятно, поскольку она представляет собой немедленную реакцию на провокационную работу, суть которой сводится к тому, что, попросту говоря, цивилистику надо «закрыть».

Текст обычно суховат. Информация подается как бы несколько отстраненно. Иногда юристов, в том числе ученых, упрекают в занудстве. Но, как представляется, такова юридическая материя, требующая предельной точности в терминологии, формулировках, недопущения двусмысленности и т.д. В юридическом тексте советского периода обычно не говорили «Я считаю» (варианты: «думаю», «полагаю», «исхожу из того, что...» и т.п.), не использовали словосочетания «я думаю» и т.п. Обычно писали «представляется, что...», «следует исходить из того, что...», «думается, что...» и т.д. Не было эмоциональности, не использовались способы, свойственные публицистическим произведениям.

---

[1] *Красавчиков О.А.* Гражданская правосубъектность как правовая форма // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 31.

[2] Правовая наука Казахстана / отв. ред. М.А. Ваксберг. Алма-Ата, 1978. С. 119–131. Работа переиздана. См.: *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». С. 742–758.

В советское время сформировалось требование, в соответствии с которым изложение чьего-либо мнения непременно должно сопровождаться указанием источника (статья, книга, издательство, год издания, страница). В упоминавшейся «Науке...» Шершеневича рассказывается о разных концепциях (идеях, взглядах, мнениях) без каких-либо отсылок. Так тогда поступали и многие другие авторы (например, И.А. Покровский в указывавшейся работе «Основные проблемы гражданского права»). Читается такая работа легче, нежели труды сегодняшнего дня. Однако возрастает риск субъективизма автора, ряд утверждений выглядят как голословные, приходится «брать на веру» утверждения автора. Например, когда указывалось, что в произведении Шершеневича «ряд крупных недостатков», то читателю остается только верить или не верить тому, кто это сказал.

Критические высказывания в советские времена обычно облекались в весьма корректную форму. Вероятно, гражданско-правовая материя с ее принципами равенства, недопустимости, произвольного вмешательства кого- либо в частные дела и т.п. предполагает, что позиция должна быть аргументирована, допускает возможность существования разных мнений и т.д.

В настоящее время стилистика произведений стала более раскованной, менее формализованной. Встречаются иногда чуть ли не «кавалерийские атаки» на оппонентов, обнаружение «черной магии» и ее «разоблачение» и т.д. Но в основном в подходах используется советское наследие.

Таким образом, думаю, нам недостает некоторых элементов «языка Шершеневича», нет у нас его легкости, изящества, красоты... Но, как известно, за все надо платить. В данном случае произошла определенная трансформация стиля во имя точности, строгости. В основном же форма подачи материала, использовавшаяся Шершеневичем, востребована и сегодня.

* * *

Уже более ста лет (!), как нет Габриэля Феликсовича Шершеневича. Но работы его востребованы ничуть не менее чем при его жизни. Сегодня он едва ли не самый цитируемый цивилист и специалист в общей теории права. В 2005 г. Е.А. Суханов написал, что «Габриэль Феликсович стал единственным автором, чьи важнейшие труды *четырежды* переизданы только в серии “Классика российской цивилистики” (причем “Учебник русского гражданского права” — в двух томах,

а “Курс торгового права” — в четырех томах), не считая, по меньшей мере, такого же количества других переизданий его трудов, осуществленных в 90-е гг. прошлого века за рамками этой серии»[1]. А сколько еще издано после 2005 года...[2]

Многое изменилось. Но основы, идеи, заложенные Габриэлем Феликсовичем Шершеневичем и другими отцами-основателями отечественной (русской, советской, российской) цивилистики, неизменны.

[1] Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. С. 7.

[2] См., напр., пятитомное собрание: *Шершеневич Г.Ф.* Избранное / вступ. слово и сост. П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2016, 2017. Здесь все основные произведения Г.Ф. Шершеневича.

Научное издание

ГОНГАЛО Бронислав Мичиславович

Мои учителя и друзья.
Алексеев, Яковлев, Плетнев…

Подписано в печать 26.06.2025. Формат $60\times90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 12,25. Тираж 200 экз.
Заказ №

Издательство «Статут»:
119454, г. Москва, ул. Лобачевского, д. 92, корп. 2;
тел./факс: +7(495) 649-18-06
E-mail: book@estatut.ru
www.estatut.ru

ISBN 978-5-8354-2101-5

9 785835 421015